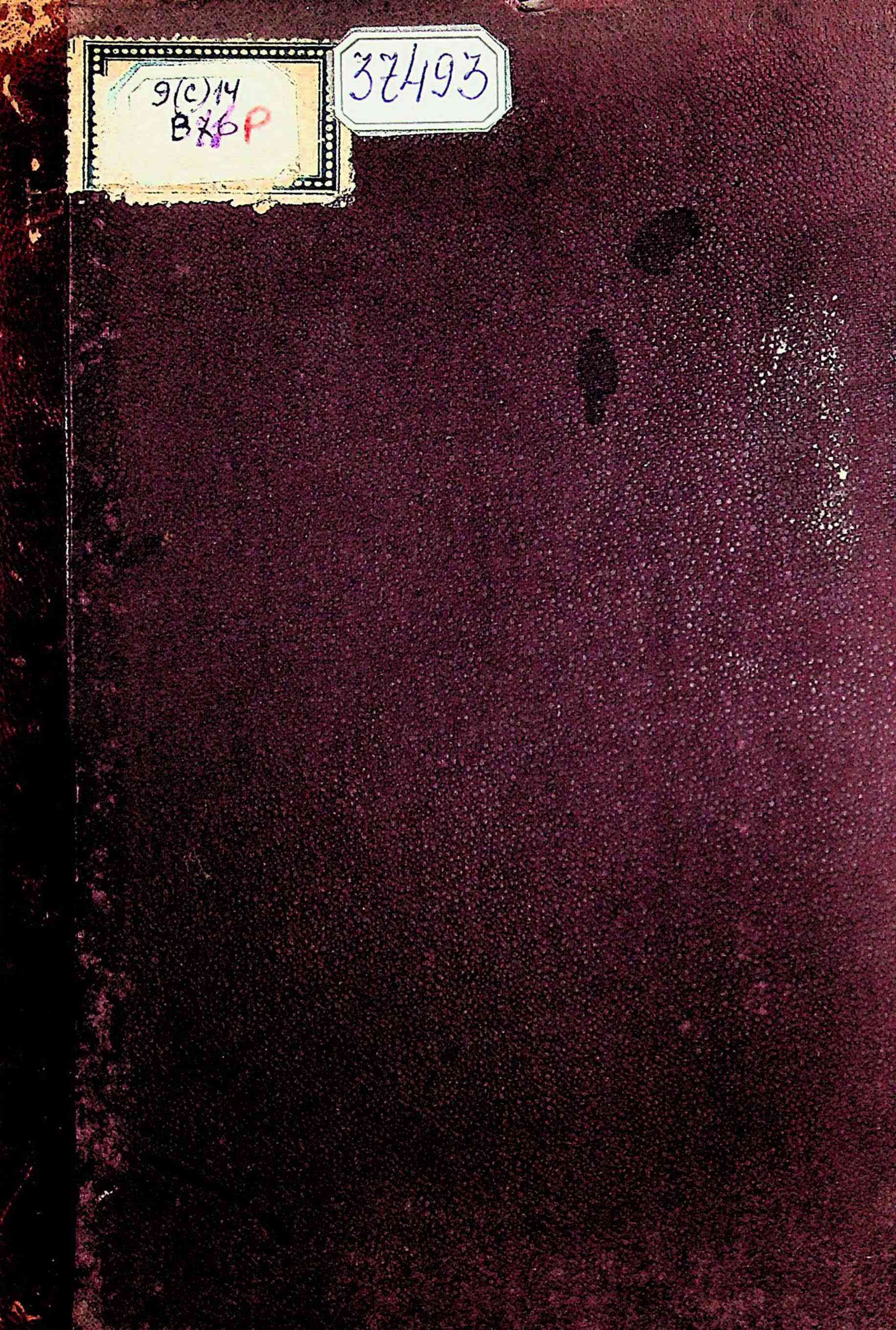
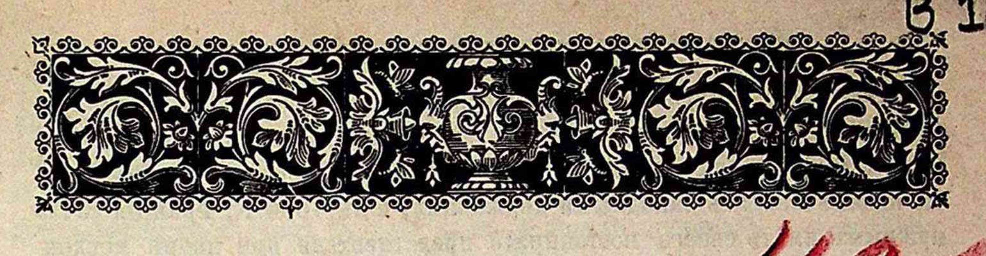

9(С)14
В76Р
37493

ПОД ПСЕВДОНИМОМ В.В. В ЖУРНАЛЕ "РУССК.
СТАРИНА" ПЕЧАТАЛАСЬ ВЕРА ВАСИЛЬЕВНА
ТИМОЩУК.

22.03.93г.

Л.Г.Гурай

Михаилъ Георгіевичъ
Альтфатеръ.

РОССІЯ и ФРАНЦІЯ
въ
первой половинѣ XVIII вѣка [1]).

I.

Намѣреніе Петра Великаго заключить союзъ съ Франціей. — Колебанія герцога Орлеанскаго по этому вопросу.—Петръ Великій въ Парижѣ.—Его отношенія къ малолѣтнему Людовику XV.—Заключеніе конвенціи.—Пріѣздъ французскаго посланникъ Кампредона въ Петербургъ.—Пріемъ ему оказанный.—Празднество по случаю заключенія мира.—Царица и ея дочери.—Брачные проекты.—Предложенія Петра.—Нерѣшительность регента и инструкціи кардинала Дюбуа.— Свиданіе Кампредона съ царемъ.— Царь предлагаетъ руку Елисаветы Петровны герцогу Шартрскому.—Необъяснимое молчаніе Франціи.—Возобновленіе переговоровъ.—Кончина Петра I.

До начала XVIII столѣтія Россія не играла почти никакой роли въ европейской политикѣ. Кабинеты вѣнскій, версальскій и лондонскій весьма мало интересовались ея существованіемъ и не искали съ нею сближенія. Когда царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, вскорѣ по восшествіи своемъ на престолъ, желая снискать себѣ друзей, отправилъ въ 1615 г. посла къ королю Людовику XIII, чтобы привѣтствовать его и увѣрить въ своей дружбѣ, то это изъявленіе дружбы осталось безъ всякихъ послѣдствій [2]).

---

[1]) Матеріаломъ къ составленію настоящей статьи послужили „Сборники Императорскаго русскаго историческаго общества“, „Архивъ графа Воронцова“ и главнымъ образомъ сочиненія Альберта Вандаля: Исторія дипломатическихъ сношеній Россіи съ Франціей въ XVIII в.—Составлено по документамъ архива французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ. Louis XV et Elisabeth de Russie. Etude sur les rélations de la France et de la Russie au dix-huitième siècle, d'après les archives du Ministère des affaires étrangères par Albert Vandal. Ouvrage couronné par l'Académie française. Troisième edition. Paris 1896.

[2]) Сборн. Истор. Общ. т. 34, стр. 1.

Между тѣмъ нарождавшееся могущество Московскаго царства, подготовлявшее Россію постепенно къ той первенствующей роли, которую она была призвана играть въ европейскомъ концертѣ, не могло пройти незамѣченнымъ западными державами, и въ 1630 г., Франція сочла нужнымъ имѣть своего постояннаго представителя при дворѣ московскаго царя. Въ этомъ году въ Москву былъ назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ де-Гай-Курмененъ, которому было поручено заключить между обоими государствами торговый договоръ.

Въ своемъ письмѣ къ царю, по этому поводу, французскій король ссылался на то, что большія войны помѣшали ему отвѣтить ранѣе на его привѣтствіе, но что онъ желаетъ установить въ будущемъ дружбу и союзъ [1]).

— Ваше величество стоите въ главѣ восточныхъ народовъ, исповѣдующихъ православную вѣру, сказалъ посланникъ Михаилу Ѳедоровичу; Людовикъ, король Франціи, стоитъ во главѣ южныхъ народовъ; заключивъ съ королемъ дружественный союзъ, ваше царское величество ослабите этимъ своихъ враговъ. Царь московскій и король французскій должны дѣйствовать во всемъ согласно.

Между обоими державами былъ заключенъ дружественный и торговый договоръ, но отдаленность обоихъ государствъ и нерасположеніе французовъ къ торговлѣ были причиною, что этотъ договоръ не принесъ существенныхъ выгодъ въ торговомъ отношеніи; дипломатическія же сношенія не имѣли регулярнаго характера, и Франціи пришлось долго ожидать, пока Россія отозвалась окончательно на предложенія о союзѣ, сдѣланныя ей черезъ де-Гай-Курменена.

Во время войны со Швеціей, Петръ Великій добивался посредничества Людовика XIV; но французскій король возлагалъ въ то время слишкомъ большія надежды на своего союзника, Карла XII, чтобы вступать въ какія-либо переговоры съ его соперникомъ. Послѣ кончины Людовика XIV, послѣдовавшей 1-го сентября 1715 года, когда могущество Швеціи было уже сломлено, царь послалъ во Францію своего агента—Зотова [2]); ему было поручено развѣдать взгляды и намѣренія французскаго двора и подготовить почву для сближенія, которое Петръ Великій хотѣлъ осуществить лично, давно собираясь посѣтить Францію. Онъ полагалъ, что явясь въ Парижъ своею собственною персоною, чтобы предложить Франціи союзъ съ Россіей, ему, царю-побѣдителю, удастся скорѣе достигнуть желаемой цѣли, поэтому въ исходѣ 1716 г. онъ отправился во Францію, не объявляя впрочемъ оффиціально о цѣли своего путешествія. Проѣздомъ черезъ Германію

[1]) Сборн. Истор. Общ. т. 34, стр. 2.

[2]) Кононъ Никитичъ Зотовъ † 1742 г. въ званіи контръ-адмирала.

царь имѣлъ свиданіе въ Гавельсбергѣ съ королемъ прусскимъ, Фридрихомъ-Вильгельмомъ I, отцомъ Фридриха Великаго. Отъ природы въ высшей степени грубый, исключительно преданный милитаризму, Фридрихъ-Вильгельмъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ тонкій дипломатъ и человѣкъ крайне честолюбивый.—Какъ всѣ сѣверо-германцы, онъ глубоко ненавидѣлъ Францію и постоянно упрекалъ своего сына Фридриха за его любовь къ ней «и къ женщинамъ».—Но сознавая могущество этой державы онъ понималъ, что пренебрегать ею нельзя, и думалъ при случаѣ воспользоваться ею для своихъ личныхъ цѣлей. Подмѣтивъ въ Петрѣ большія симпатіи къ Франціи, Фридрихъ вздумалъ разъиграть роль посредника между нею и Россіей, хотѣлъ способствовать ихъ сближенію и участвовать, въ качествѣ договаривающейся стороны, что̀ сулило ему извѣстныя выгоды въ его борьбѣ съ Австріей. Съ этой цѣлью онъ поручилъ одному изъ своихъ министровъ, барону Книпгаузену, сопровождать царя въ его путешествіи и служить ему посредникомъ при переговорахъ съ французскимъ дворомъ.

Изъ Пруссіи Петръ отправился въ Голландію, куда съѣзжались въ то время для свиданія, переговоровъ и тайныхъ или явныхъ совѣщаній всѣ государственные люди Европы. По пріѣздѣ Петра въ Нидерланды первымъ встрѣтилъ его шведскій посланникъ, баронъ Герцъ, которому было поручено завести съ царемъ рѣчь о перемиріи. Вслѣдъ за нимъ явился англійскій и австрійскій посланники, жаждавшіе вывѣдать тайную цѣль его путешествія, но онъ отвѣчалъ всѣмъ уклончиво и открылся только французскому посланнику де-Шатоневу.

13-го января нов. ст. кн. Куракинъ, пріѣхавшій въ свитѣ царя, явился къ Шатоневу.

— Я буду говорить съ вами не какъ съ посланникомъ, сказалъ онъ, но какъ съ другомъ, которому я открою тайну, довѣренную мнѣ царемъ. Его величество призналъ полезнымъ вмѣстѣ съ королемъ прусскимъ заключить союзъ съ Франціей; онъ искренно этого желаетъ и хочетъ, чтобы переговоры по этому предмету начались безъ промедленія и происходили въ его присутствіи.

Восемь дней спустя послѣ этого разговора, имѣвшаго цѣлью подготовить почву для дальнѣйшихъ объясненій, Куракинъ оффиціально возобновилъ предложеніе о союзѣ отъ имени царя; Шатоневъ поспѣшилъ извѣстить о томъ свой дворъ.

Во главѣ французскаго правительства, за малолѣтствомъ короля, стоялъ въ это время Филиппъ, герцогъ Орлеанскій. Находясь весьма недавно у кормила правленія, онъ успѣлъ уже совершенно измѣнить политическую систему, которой держался его предшественникъ, Людовикъ XIV; онъ искалъ сближенія съ Англіей, которая недавно была въ числѣ враговъ Французской монархіи. Въ принципѣ, союзъ съ Англіей

*

былъ совмѣстимъ съ сближеніемъ Франціи съ Россіей, но къ несчастью между Петромъ Великимъ и королемъ англійскимъ возникли въ это время нѣкоторыя недоразумѣнія: царь былъ возмущенъ двусмысленнымъ поведеніемъ короля во время Сѣверной войны, помощью, оказанной имъ втайнѣ Швеціи, а также публичными оскорбленіями, нанесенными царскому резиденту въ Лондонѣ, и гнусными пасквилями, которые печатались о Россіи въ Англіи [1]).

Герцогъ Орлеанскій опасался, сближаясь съ царемъ, вызвать неудовольствіе Георга I и тѣмъ порвать слабыя узы, соединявшія англійскаго короля съ Франціей. Поэтому онъ отнесся къ предложенію Петра Великаго чрезвычайно сдержанно и долго колебался, какой ему дать отвѣтъ, тѣмъ болѣе, что бывшій воспитатель герцога, аббатъ Дюбуа, который имѣлъ на него огромное вліяніе, узнавъ, что герцогъ приказалъ де-Шатоневу начать съ царемъ переговоры, рѣшительно возсталъ противъ союза съ Россіей, совѣтуя не полагаться на дружбу русскаго царя и не рисковать ради него союзомъ съ Англіей. Совѣты аббата подѣйствовали на регента: онъ измѣнилъ приказаніе, данное Шатоневу, и велѣлъ ему затянуть переговоры, придумывая всевозможныя препятствія къ заключенію союза съ Россіей.

Петръ Великій предлагалъ Франціи заключить оборонительный трактатъ, въ силу котораго Россія и Франція приняли бы на себя обязательство взаимно гарантировать цѣлость ихъ владѣній; царь желалъ включить въ этотъ договоръ и вновь пріобрѣтенныя имъ отъ Швеціи завоеванія, но когда Франція отвѣчала на это рѣшительнымъ отказомъ, то онъ не настаивалъ на этомъ требованіи и ограничился просьбою выдавать ему ежемѣсячно субсидію въ 25.000 экю [2]) впредь до окончанія Сѣверной войны. Эта уступка была сдѣлана Петромъ 30 марта н. ст. 1717 г.; въ тотъ же день вечеромъ онъ выѣхалъ неожиданно въ Парижъ, чтобы принять личное участіе въ заключеніи союза. Его отъѣздъ изъ Голландіи совершился въ величайшей тайнѣ; онъ предупредилъ о немъ регента, но желая избѣжать докучливыхъ церемоній, просилъ не оглашать этого извѣстія и полагалъ, что неожиданный его пріѣздъ въ Парижъ произведетъ большую сенсацію.

— Царь желаетъ, говорилъ Куракинъ де-Шатоневу, чтобы до его пріѣзда о немъ говорили во Франціи какъ можно менѣе.

---

[1]) Сборн. Истор. Общ. т. 40, стр. 343.

[2]) Экю—старинная французская серебряная монета, бывшая въ употребленіи со временъ Людовика XIII до начала нынѣшняго столѣтія и за это время нѣсколько разъ мѣнявшаяся въ своей цѣнности. Стоимость экю равнялась приблизительно 3 франкамъ или нашимъ 75 коп. По этому расчету 25.000 экю составляли приблизительно 18.750 рублей.

Пріѣхавъ въ Парижъ, Петръ не захотѣлъ остановиться въ комнатахъ, приготовленныхъ для него въ Луврѣ, и помѣстился въ частномъ домѣ. Подробности его пребыванія въ этомъ городѣ, гдѣ онъ поразилъ всѣхъ своими вкусами и привычками, шедшими въ разрѣзъ съ тогдашними обычаями французскаго двора, слишкомъ хорошо извѣстны, чтобы на нихъ останавливаться; гораздо интереснѣе и менѣе извѣстна политическая цѣль его поѣздки. Зачѣмъ царь отправился во Францію? вотъ вопросъ, который задавали себѣ всѣ дворы: у однихъ это путешествіе вызывало опасенія, у другихъ — надежды, но всѣ рѣшительно были до-нельзя имъ заинтересованы. Вначалѣ король прусскій хотѣлъ лично сопровождать Петра въ Парижъ, съ цѣлью наблюдать за нимъ, но побоялся парижанъ, ихъ насмѣшекъ, и отказался отъ своего намѣренія. Король польскій, имѣвшій до тѣхъ поръ въ Парижѣ одного дипломатическаго представителя, по пріѣздѣ Петра назначилъ къ французскому двору втораго посланника, и одинъ изъ нихъ слѣдовалъ неотступно за царемъ, куда бы онъ ни отправился. Датскій король завелъ въ Парижѣ форменнаго шпіона, коему было спеціально поручено наблюдать за Петромъ. Прусскіе и австрійскіе агенты слѣдили за нимъ даже во время его прогулокъ въ Фонтенебло, гдѣ они заставали царя бесѣдующимъ наединѣ съ Рагоцци—главою венгерскихъ мятежниковъ [1]). Царь обращалъ весьма мало вниманія на всѣ эти происки, разговаривалъ со всѣми посланниками, всѣхъ обнадеживалъ, но все его вниманіе было поглощено переговорами, ради которыхъ онъ пріѣхалъ въ Парижъ. Онъ чрезвычайно сожалѣлъ о томъ, что во Франціи не было монарха, которому онъ могъ бы въ личной бесѣдѣ изложить свои планы, и съ которымъ могъ бы договориться какъ равный съ равнымъ. Вмѣсто покойнаго Людовика XIV онъ нашелъ въ Парижѣ семилѣтняго ребенка, коему оказывалъ все время самое дружеское вниманіе и къ которому относился съ такимъ же уваженіемъ какъ къ взрослому. Такъ напр. онъ не пожелалъ никуда выѣхать до тѣхъ поръ, пока маленькій король не посѣтитъ его; когда тотъ пріѣхалъ, то царь встрѣтилъ его у дверецъ кареты, взялъ его на руки и приподнявъ поцѣловалъ нѣсколько разъ. Всѣ были поражены, говоритъ Сенъ-Симонъ [2]) въ своихъ запискахъ, тою

---

[1]) Рагоцци, кн. Францъ род. 1676 г.—одинъ изъ представителей нынѣ угасшаго венгерскаго и трансильванскаго княжескаго рода. Въ 1703 г. онъ сталъ во главѣ возставшихъ венгровъ, но въ 1708 г. былъ разбитъ австрійскимъ фельдмаршаломъ гр. Гейстеромъ и долженъ былъ бѣжать. Всю остальную жизнь провелъ въ скитаніяхъ по Европѣ. Умеръ въ Турціи въ 1735 г.

[2]) Сенъ-Симонъ, герцогъ де-Рувруа, род. 1675 г., служилъ долгое время при дворѣ Людовика XIV, послѣ его смерти былъ членомъ совѣта регентства; скончался въ 1755 г. Онъ оставилъ обширные мемуары, служащіе важнымъ источникомъ для изученія современной ему эпохи.

любезностью, какую онъ оказывалъ королю, удивительной нѣжностью, съ какой онъ относился къ нему, и вообще отмѣнною вѣжливостью его обращенія, въ которомъ проглядывало величіе, равенство происхожденія и нѣкоторое превосходство лѣтъ—ибо все это какъ «нельзя лучше чувствовалось въ обращеніи царя».

Какъ знать, быть можетъ при видѣ этого красиваго ребенка, въ которомъ сказывались уже благородство и величіе его царственнаго происхожденія, въ умѣ Петра тогда же мелькнула мысль о возможности брачнаго союза между Людовикомъ XV и его дочерью, Елисаветой Петровной, которая была ровесницею короля. Бракъ французскаго короля съ дочерью русскаго царя могъ способствовать еще болѣе къ упроченію союза между двумя державами.

Послѣ свиданія съ королемъ, Петръ Великій возобновилъ формальнымъ образомъ предложенія, сдѣланныя имъ французскому посланнику въ Гагѣ. Регентъ долженъ былъ волей неволей-на что нибудь рѣшиться: онъ назначилъ маршала де-Тессе вести переговоры съ русскими уполномоченными—Шафировымъ, Толстымъ и Долгорукимъ. Впрочемъ, ихъ роль ограничилась только передачею маршалу записки, составленной подъ руководствомъ самого царя, въ которой, плохимъ французскимъ языкомъ, прямо и открыто были высказаны сокровенныя желанія Петра.

«Поставьте меня на мѣсто, которое занимала до сей поры по отношенію къ Франціи Швеція, говорилось въ этой запискѣ; карта Европы измѣнилась; Швеція полу-уничтожена и не можетъ оказать Франціи никакой помощи. Могущество моей имперіи чрезвычайно возрасло, и я, царь, готовъ замѣнить вамъ Швецію. Я предлагаю вамъ свой союзъ и содѣйствіе Пруссіи и Польши и не только свой союзъ, я предлагаю вамъ и свое могущество. Равновѣсіе, которое было обезпечено союзомъ со Швеціей этимъ не только возстановится, но мое содѣйствіе дастъ этому союзу перевѣсъ. Все то, что я вамъ предлагаю, ни мало не противорѣчитъ союзу, заключенному вами съ Англіей и Голландіей. Англія подвержена такимъ раздорамъ и такъ непостоянна, что если бы на будущее время она отказалась отъ союза съ вами, то союзъ съ Россіею замѣнитъ вамъ все, на что бы вы могли разсчитывать со стороны Швеціи и Англіи. Я не прошу васъ гарантировать моихъ завоеваній, а прошу васъ только выдавать мнѣ то же пособіе, какое вы оказывали Швеціи».

Лично, регентъ былъ не прочь принять предложеніе царя; тѣмъ болѣе что при дворѣ была партія, желавшая союза съ Россіей; во главѣ ея стоялъ Сенъ-Симонъ, но вліяніе аббата Дюбуа взяло верхъ, и Петру дали уклончивый отвѣтъ. Въ этомъ случаѣ, по свидѣтельству самого

маршала Тессе, ведшаго переговоры съ русскими, Франція дѣйствовала неискренно изъ боязни испортить свои отношенія къ Англіи.

«Новое правительство, говоритъ онъ въ своихъ мемуарахъ [1]), поставило себѣ цѣлью дѣйствовать уклончиво и забавлять царя до его отъѣзда, не рѣшая ничего окончательно». Маршалу было предписано настаивать на заключеніи торговаго договора, уклоняясь отъ обсужденія политическихъ вопросовъ. Вмѣсто того чтобы заявить царю прямо и откровенно, что Франція въ силу предыдущихъ договоровъ обязана еще въ продолженіе десяти мѣсяцевъ выдавать субсидію Швеціи, Тессе было приказано составить и показать русскимъ подложный трактатъ, яко бы заключенный съ Швеціей, въ который были включены только тѣ статьи, какія французы считали удобнымъ сообщить имъ [2]). Но что всего хуже, французское правительство, несмотря на торжественное обѣщаніе хранить эти переговоры въ тайнѣ, извѣстило о нихъ англійскій дворъ.—Такимъ образомъ тайна, которую хотѣлъ сохранить Петръ Великій, была нарушена; Англіи стало извѣстно, что первый шагъ къ сближенію былъ сдѣланъ царемъ, а это могло повредить его доброй славѣ. Узнавъ впослѣдствіи объ этомъ вѣроломномъ поступкѣ, Петръ требовалъ, чтобы ему назвали виновнаго, говоря, что если таковымъ окажется кто либо изъ его сановниковъ, то онъ его примѣрно накажетъ. Эти жалобы были переданы въ свою очередь англійскому королю, который принялъ ихъ въ шутку.

— Царю хочется посадить одного изъ своихъ сановниковъ на колъ, сказалъ онъ—и онъ ищетъ къ тому предлога.

Впослѣдствіи самъ Дюбуа сознался, что это нескромное сообщеніе исходило изъ французскаго источника.

Въ концѣ концовъ переговоры, которые велись во время пребыванія царя въ Парижѣ, не увѣнчались успѣхомъ. Можетъ быть въ этомъ былъ виноватъ отчасти самъ Петръ, который, выказывая при всякомъ удобномъ случаѣ чрезвычайное уваженіе къ памяти Людовика XIV и самое трогательное вниманіе къ малолѣтнему королю, относился пренебрежительно къ тогдашнимъ правителямъ Франціи, держалъ себя довольно высокомѣрно съ регентомъ, не отдалъ визита принцамъ крови и не особенно понравился высшей французской аристократіи тѣмъ, что онъ не подчинялся излюбленнымъ ею правиламъ придворнаго этикета.

17-го іюня 1717 года, наканунѣ отъѣзда Петра Великаго, парижане были изумлены невиданнымъ доселѣ зрѣлищемъ: московскій царь производилъ въ Елисейскихъ поляхъ смотръ придворному королев-

---

[1]) Mémoires du maréchal de Tessé, стр. 319.

[2]) Тамъ же стр. 347.

скому штату и королевской гвардіи; царя сопровождалъ маршалъ Вилларъ [1]) во главѣ блестящей свиты изъ 80 штабныхъ офицеровъ. Петръ промчался галопомъ вдоль фронта войскъ и повидимому не былъ особенно пораженъ роскошью и блескомъ ихъ вооруженія и обмундировки. Утомленный жарою и пылью онъ сошелъ съ лошади и отправился въ Тюльерійскій садъ, гдѣ находились маленькій король и герцогъ Орлеанскій. Сказавъ нѣсколько словъ ребенку, царь вошелъ съ регентомъ и двумя высшими сановниками въ швейцарскую, гдѣ они долго бесѣдовали наединѣ [2]).

По всей вѣроятности царю удалось, въ этой бесѣдѣ, склонить герцога Орлеанскаго на свою сторону, такъ какъ, послѣ его отъѣзда на воды въ Спа, начатые имъ переговоры не только не были прерваны, но продолжались еще дѣятельнѣе съ тою лишь разницею, что они происходили уже не въ Парижѣ, а въ Голландіи. Переговоры эти привели къ заключенію договора, подписаннаго Франціей, Россіей и Пруссіей въ Амстердамѣ 4-го (15-го) августа 1717 г. Державы гарантировали этимъ договоромъ порядокъ престолонаслѣдія во Франціи, установленный Утрехтскимъ мирнымъ договоромъ; Франція со своей стороны обѣщала Россіи посредничество для заключенія мира со Швеціей и обязалась слѣдить за точнымъ соблюденіемъ условій этого договора. Кромѣ того, договаривающіяся стороны рѣшили приступить къ новымъ переговорамъ для выработки условій торговаго и политическаго союза, который онѣ намѣревались заключить впослѣдствіи. Очевидно, дворы, подписавшіе упомянутый договоръ, полагали, что онъ поведетъ къ болѣе тѣсному ихъ сближенію; между тѣмъ ни та ни другая сторона не подумала въ теченіе четырехъ послѣдующихъ лѣтъ сдержать обѣщанія, данныя другъ другу въ Амстердамѣ. Причиною этого было осложнившееся политическое положеніе въ Европѣ, спокойствію которой угрожали притязанія Испаніи и Швеціи.

Хотя со смертью Карла XII разсѣялись тучи, омрачавшія политическій горизонтъ, но Франція все-таки не рѣшалась открыто заявить о своемъ соглашеніи съ Россіей до тѣхъ поръ, пока ея исконная союзница, Швеція, не сложитъ оружія и не признаетъ себя окончательно побѣжденною.—Поэтому герцогъ Орлеанскій, желая содѣйствовать скорѣйшему заключенію мира, принялъ на себя, наконецъ, какъ имъ было обѣщано, роль посредника между Россіей и Швеціей.

Со времени путешествія Петра Великаго, въ Парижѣ находился русскій посланникъ, но Франція не имѣла еще постояннаго представителя въ Россіи; въ 1719 г. де-Кампредонъ, бывшій въ теченіе мно-

---

[1]) Вилларъ герцогъ, род. 1653 г. † 1734 г.

[2]) Buvat, journal de la Régence, т. I стр. 287.

гихъ лѣтъ французскимъ резидентомъ въ Стокгольмѣ, получилъ приказаніе отправиться въ Швецію и употребить всевозможное стараніе, чтобы добиться соглашенія между Швеціей и Россіей.

На аудіенціи данной ему царемъ, когда онъ былъ проѣздомъ въ Петербургѣ, посланникъ совѣтовалъ Петру Великому умѣрить свои требованія и возвратить Швеціи часть Прибалтійскихъ губерній, но побѣдитель былъ непреклоненъ.

— Я не желаю видѣть изъ моего окна владѣній сосѣда, отвѣтилъ онъ.

Наконецъ Швеція покорилась своей участи и по заключеніи Ништадскаго мира Кампредонъ, подписавшій мирный договоръ въ качествѣ посредника, получилъ приказаніе отправиться въ Петербургъ и остаться тамъ въ званіи полномочнаго министра.

23-го октября 1721 г. Кампредонъ прибылъ въ Кронштадтъ на шведскомъ фрегатѣ; на слѣдующій день онъ обѣдалъ у коменданта крѣпости, когда его извѣстили о пріѣздѣ царя, который, пренебрегая всѣми правилами этикета, прибылъ въ Кронштадтъ, чтобы встрѣтить французскаго посланника. Петръ Великій отправился прямо на фрегатъ.

Поспѣшивъ вернуться изъ крѣпости, Кампредонъ засталъ царя на палубѣ. Петръ принялъ его очень милостиво, поздравилъ съ дипломатическимъ успѣхомъ и выразилъ свою признательность Франціи за посредническія услуги. Осмотрѣвъ шведскій фрегатъ отъ палубы до трюма, царь пригласилъ Кампредона въ свою шлюпку и произвелъ вмѣстѣ съ нимъ смотръ своимъ девятнадцати линейнымъ кораблямъ, показалъ ему «Андрея Первозваннаго», «Св. Екатерину» и «Мирнаго», съ изумительною точностью объясняя, какъ самый опытный строитель, всѣ преимущества этихъ судовъ съ точки зрѣнія ихъ конструкціи и вооруженія. Уѣзжая съ корабля «Св. Екатерина», царь, выпивши на дорогу чарку водки за здоровье посланника, приказалъ контръ-адмиралу Сиверсу позаботиться о томъ, чтобы на пути въ С.-Петербургъ окружали его всевозможными удобствами [1]).

Столь явное доказательство особаго благоволенія къ французскому посланнику взволновало всѣхъ прочихъ дипломатовъ, аккредитованныхъ при петербургскомъ дворѣ, въ особенности повергло въ совершенное отчаяніе австрійскаго посланника, которому, въ это именно время, было поручено хлопотать о самомъ тѣсномъ союзѣ между царемъ и австрійскимъ императоромъ.

Вернувшись въ столицу, Петръ принялъ Кампредона въ торжественной аудіенціи въ присутствіи канцлера Головкина, вице-канцлера Шафирова, Толстаго и Остермана. Отвѣчая на привѣтствіе французскаго

---

[1]) Кампредонъ къ кардиналу Дюбуа 27-го октября (7-го ноября) 1721 г. Сборн. Ист. Общ. т. 40 стр. 282—286.

посла, царь еще разъ подтвердилъ ему свою признательность Франціи за участіе, принимаемое ею въ его славѣ и выгодахъ, и выразилъ свое искренное желаніе поддержать и упрочить доброе согласіе, существующее между обоими дворами.—Затѣмъ онъ предложилъ представителю Франціи присутствовать на назначенныхъ въ этотъ день церемоніяхъ и празднествахъ по случаю обнародованія мирнаго договора.

По окончаніи аудіенціи, Кампредона повели въ находившуюся у самаго Сената кофейню, гдѣ собрались всѣ вельможи двора и куда царь и самъ прибылъ; всѣ послѣдовали за нимъ въ соборъ, гдѣ должна была происходить церемонія обнародованія мира.

Въ церкви, куда царь прослѣдовалъ во главѣ своихъ сановниковъ, онъ поставилъ французскаго посланника на почетное мѣсто, приказавъ придворнымъ посторониться, чтобы онъ могъ лучше слѣдить за богослуженіемъ, а графу Матвѣеву приказалъ объяснять ему службу. Изъ церкви всѣ отправились въ зданіе Сената, гдѣ въ большой залѣ, окнами на Неву, были накрыты столы болѣе чѣмъ на тысячу персонъ.—Царь распорядился, чтобы за обѣдомъ всѣ пили, сколько кто пожелаетъ, и берегли свои силы къ вечернему фейерверку. По окончаніи пиршества начался балъ. Въ этотъ моментъ въ зало вошла императрица со своими дочерьми. Кампредонъ видѣлъ ихъ первый разъ и былъ пораженъ красотою и граціей царевенъ. Онѣ были остроумны, бѣгло говорили по французски и по нѣмецки и въ разговорѣ съ посланникомъ отозвались съ большою симпатіей о Франціи [1]).

Петръ въ продолженіе всего вечера былъ чрезвычайно предупредителенъ къ Кампредону; царица сдѣлала ему честь пригласила его танцовать съ нею; въ 11 часовъ вечера былъ сожженъ блистательный фейерверкъ, коимъ распоряжался самъ царь.

По окончаніи празднества его величество выразилъ посланнику желаніе, не теряя времени, приступить къ переговорамъ, подъ условіемъ что Франція обязуется держать ихъ въ величайшей тайнѣ.

Петръ хотѣлъ заключить съ Франціей дружественный торговый и оборонительный союзъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ его умѣ созрѣвала мысль о брачномъ союзѣ младшей дочери, царевны Елисаветы, съ однимъ изъ принцевъ французскаго королевскаго дома, который, связавъ домъ Бурбоновъ съ домомъ Романовыхъ узами крови, увѣнчалъ бы и упрочилъ ихъ политическій союзъ. Царь мечталъ даже о бракѣ своей дочери съ самимъ королемъ, несмотря на то, что онъ получилъ, незадолго передъ тѣмъ, оффиціальное извѣщеніе о помолвкѣ Людовика XV съ инфантой испанской. Трудно сказать, зародилась ли эта мысль въ

---

[1]) Депеша Кампредона отъ 27-го октября (7-го ноября) 1721 г. Сборн. Ист. Общ. т. 40 стр. 290—302.

головѣ царя во время его поѣздки во Францію, или она подсказана была ему царицей или кѣмъ либо изъ его ближайшихъ совѣтниковъ. Какъ бы то ни было, вскорѣ по пріѣздѣ Кампредона въ Петербургъ, ему были сдѣланы въ этомъ смыслѣ весьма опредѣленныя предложенія.

«Одинъ пріятель, писалъ Кампредонъ аббату Дюбуа 8-го ноября 1721 года, заявилъ мнѣ, что лучшимъ средствомъ склонить царя къ заключенію союза съ Франціей на хорошихъ условіяхъ будетъ—предложить ему гарантировать его распоряженіе насчетъ престолонаслѣдія, которое онъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, утвердитъ за своей старшей дочерью. Съ другой стороны, чтобы окончательно привлечь царицу на нашу сторону, желательно было бы устроить бракъ младшей дочери царя, очень милой и очень хорошенькой особы, съ однимъ изъ французскихъ принцевъ, котораго легко, а, при могуществѣ царя, даже навѣрное можно бы сдѣлать польскимъ королемъ. Я убѣжденъ, что эти инсинуаціи исходятъ отъ Шафирова, и хотя мнѣ назвали принца Шаролэ [1]), я сдѣлалъ видъ, что принимаю все это за простой, незначащій разговоръ, и отвѣчалъ въ общихъ выраженіяхъ, что ничего не слыхалъ объ этомъ дѣлѣ.

«Ваше высокопреосвященство знаете, что я уже давно писалъ о немъ и точно такъ-же вамъ лучше, чѣмъ кому либо извѣстно, какъ легко выполнить этотъ проектъ и сколько выгодъ и почета это доставило бы Франціи» [2]).

Нѣсколько дней спустя, Кампредонъ имѣлъ объ этомъ разговоръ съ самимъ Шафировымъ, который подтвердилъ все сказанное, замѣтивъ, что изъ всѣхъ дѣлъ, царя наиболѣе озабочиваетъ прочное установленіе престолонаслѣдія и вопросъ о томъ, кого назначить въ преемники себѣ. Поэтому вѣрнѣйшимъ средствомъ заключить союзъ, которому препятствовали доселѣ продолжавшіяся смуты на сѣверѣ—было бы, конечно, включить въ него, какъ одно изъ главнѣйшихъ условій, гарантію престолонаслѣдія, что въ такомъ случаѣ царь охотно войдетъ въ интересы Франціи, отвергнетъ всѣ другія предложенія, и со своей стороны гарантируетъ порядокъ престолонаслѣдія. Если Франція на это согласится, то можно будетъ немедленно приступить къ переговорамъ, которые необходимо будетъ держать въ тайнѣ, такъ какъ всѣ прочіе сосѣди Россіи смотрятъ на нее недружелюбно и были бы рады случаю ввергнуть ее въ прежній мракъ, и если бы имъ были извѣстны всѣ подробности ея соглашенія съ Франціей, то они навѣрно помѣшали бы этому союзу осуще-

---

[1]) Карлъ, герцогъ Бурбонскій, графъ-де Шаролэ, изъ дома Бурбоновъ-Конде. Ему было въ то время 23 года.

[2]) Кампредонъ кардиналу Дюбуа, 8 ноября 1721 года Сборн. Ист. Общ. т. 40, стр. 303—304.

ствиться. Франція одна только искренно желаетъ участія Россіи въ обще-европейскихъ дѣлахъ, и царь можетъ найти выгоду только въ союзѣ съ этой державой [1]).

«Вчера, писалъ Кампредонъ кардиналу Дюбуа 17-го ноября 1721 г., у графа Кинскаго былъ большой пиръ, на которомъ присутствовалъ царь съ нѣсколькими вельможами двора и съ иностранными министрами. Какъ только я вошелъ, его царское величество съ самымъ любезнымъ видомъ подошелъ ко мнѣ и поцѣловалъ меня въ знакъ дружбы. Немного погодя, выходя изъ-за стола, монархъ снова подошелъ ко мнѣ, и я, выразивъ ему въ самыхъ короткихъ словахъ свое рвеніе и свою преданность его славѣ и интересамъ, высказалъ надежду, что Шафировъ докладывалъ ему о нашихъ разговорахъ и то̀, что онъ говорилъ мнѣ, было сказано по приказанія его императорскаго величества. Царь отвѣчалъ утвердительно и сказалъ, что надѣется, что все пойдетъ хорошо».

«Одно только достовѣрно, писалъ Кампредонъ нѣсколько дней спустя, что царь горячо желалъ бы видѣть одну изъ своихъ дочерей замужемъ за принцемъ французскаго дома, и если только его королевское высочество найдетъ это дѣло подходящимъ, я увѣренъ, что можно разсчитывать вмѣстѣ съ царской дочерью получить корону Польши, въ которой царь пользуется безусловной властью» [2]).

Въ концѣ ноября 1721 года, французскимъ посланникомъ былъ выработанъ проектъ союзнаго договора съ Россіею. Возникшая надежда на гарантію престолонаслѣдія, существенный личный интересъ Шафирова въ томъ, чтобы разыграть роль главнаго дѣятеля въ этомъ великомъ предпріятіи, давало Кампредону увѣренность, что старанія русскихъ объ успѣхѣ дѣла искренни, но такъ какъ сановники, съ коими ему приходилось вести переговоры, завидовали другъ другу и интриговали одинъ противъ другого, то вести переговоры при этихъ обстоятельствахъ было весьма затруднительно и требовало большой ловкости и осторожности. [3]).

Отвѣтъ на письма, коими Кампредонъ извѣщалъ свое правительство о желаніяхъ царя и о ходѣ переговоровъ, былъ полученъ имъ только осенью 1722 года, вмѣстѣ съ подробной инструкціей относительно дальнѣйшаго образа дѣйствій. Регентъ, герцогъ Орлеанскій,

---

[1]) Кампредонъ кардиналу Дюбуа, 10 и 17 ноября 1721 года, Сборн. Ист. Общ. т. 40, стр. 308—312 и 341.

[2]) Кампредонъ аббату Дюбуа отъ 24 ноября 1721 г. Сборн. Ист. Общ. т. 40, стр. 351.

[3]) Кампредонъ Дюбуа, 24 ноября 1721 г. Сборн. Ист. Общ., т. 40, стр. 356.

будучи не прочь доставить польскую корону своему собственному сыну, герцогу Шартрскому, предлагалъ завести переговоры объ его бракѣ съ Елисаветой Петровной, но находилъ болѣе удобнымъ отложить этотъ бракъ до того времени, когда польскій престолъ окажется вакантнымъ [1]). Онъ требовалъ приданаго, т. е. обѣщанной короны до брака своего сына, и ставилъ избраніе герцога на польскій престолъ непремѣннымъ условіемъ этого брака. По счастію, говорилось въ инструкціи, сказанный принцъ обладаетъ всѣми качествами, какія царь можетъ пожелать найти въ кандидатѣ на польскій престолъ. Онъ членъ дружественнаго царю дома, не могущаго имѣть никакого враждебнаго ему интереса, вполнѣ чуждъ интересамъ сосѣднихъ съ Польшею государствъ и не имѣетъ по близости никакой опоры, которая могла бы сдѣлаться угрозой для вольности націи. Послѣднее обстоятельство справедливо служитъ главнымъ предметомъ заботъ и политики царя, который, сохраняя правительство этого королевства (Польши) въ его настоящемъ видѣ и соблюдая дружбу націи и царствующаго среди нея государя, дѣлаетъ изъ Польши защиту своихъ границъ и въ то же время всегда открытый, вѣрный и легкій путь къ нападенію на своихъ враговъ [2]).

Кампредону было приказано вести дальнѣйшіе переговоры, руководствуясь вышеприведенными соображеніями.

Когда курьеръ, привезшій французскому послу эту инструкцію отъ кардинала Дюбуа, прибылъ въ Петербургъ, Петра не было въ столицѣ. Раздѣляя опасности и труды своего войска онъ совершалъ съ нимъ, въ это время, походъ въ Персію, окончившійся взятіемъ Дербента. Въ исходѣ 1722 г. царь вернулся на зиму въ Москву, гдѣ его ожидалъ Кампредонъ.

Первымъ вопросомъ Петра, по пріѣздѣ въ Москву, было: какія извѣстія получены изъ Франціи? ему отвѣчали, что Кампредонъ получилъ наконецъ полномочія и инструкціи и проситъ аудіенціи. Царь принялъ его немедленно и, предвидя, что разговоръ коснется главнымъ образомъ вопроса о бракѣ, выслалъ изъ комнаты всѣхъ сановниковъ, не исключая и канцлера Остермана; съ ними осталась только одна императрица.

Когда Кампредонъ произнесъ имя герцога Шартрскаго:—«я его знаю и весьма уважаю», сказалъ Петръ и на его лицѣ такъ-же какъ на

---

[1]) Болѣзнь короля польскаго подавала надежду, что этотъ престолъ будетъ въ скоромъ времени вакантнымъ.

[2]) Мемуаръ Кампредону кардинала Дюбуа 14 октября 1722 г. и инструкціи, долженствовавшія служить ему руководящей нитью въ его дѣйствіяхъ въ отношеніи устройства интересовъ Франціи. Сборн. Ист. Общ., т. 49, стр. 184, и слѣд. также стр. XXXVI.

лицѣ императрицы выразилось замѣтное удовольствіе [1]); но царь изъ гордости не далъ сразу никакого отвѣта. Впрочемъ, сознавая, что дѣло это требовало быстраго рѣшенія и соблюденія тайны, Петръ не хотѣлъ, чтобы оно шло обычнымъ медленнымъ путемъ, и, для веденія переговоровъ о бракѣ, назначилъ князя Долгорукова, бывшаго посланникомъ во Франціи, который только что пріѣхалъ изъ Версаля, гдѣ находился въ то время французскій дворъ. Князю Долгорукову было приказано вести переговоры съ Кампредономъ съ соблюденіемъ величайшей тайны и въ то самое время, когда Остерманъ обсуждалъ съ посланникомъ въ оффиціальныхъ засѣданіяхъ основные пункты союзнаго договора.

Остерманъ—типъ дипломата старой школы, ставившій выше всего притворство и умѣнье обмануть противника, притворявшійся больнымъ, когда надобно было высказать свое мнѣніе, и дѣйствовавшій охотнѣе всего въ пользу той державы, которая сопровождала свои требованія цѣнными подарками въ видѣ перстней, табакерокъ и т. п. Онъ всячески затягивалъ переговоры, тогда какъ князь Долгорукій, имѣя отъ Петра особыя инструкціи, старался вести дѣло какъ можно быстрѣе. Долгорукій былъ противъ того, чтобы откладывать бракъ Елисаветы Петровны до того времени, когда польскій престолъ станетъ вакантнымъ, и уже завелъ рѣчь о приданомъ, о вдовьей части изъ имѣнія герцога въ случаѣ вдовства принцессы и т. п. [2]).

Эта торопливость объясняется до нѣкоторой степени задней мыслію, которая была у царя. Рѣшившись возвести свою дочь на польскій престолъ, Петръ Великій лелѣялъ въ тайнѣ мысль, что Елисавета Петровна, выйдя замужъ за старшаго сына герцога Орлеанскаго, вступитъ, можетъ быть, со временемъ на престолъ Франціи, такъ какъ слабое здоровье Людовика XV и отдаленный срокъ его брака съ инфантой испанской позволяли думать, что онъ умретъ, не оставивъ наслѣдника. Во всякомъ случаѣ, откладывать этотъ бракъ казалось царю несовмѣстимымъ съ его планами и достоинствомъ.

— Что будетъ, говорилъ князь Долгорукій Кампредону, въ томъ случаѣ, если король польскій проживетъ еще лѣтъ пятнадцать? Въ такомъ случаѣ принцесса вовсе не выйдетъ замужъ и останется непристроенною.

— Словомъ, присовокупилъ онъ, царь велѣлъ мнѣ передать вамъ, что онъ желаетъ покончить это дѣло какъ можно скорѣе; если же съ вашей стороны будутъ затягивать переговоры и настаивать на согласіи Англіи, то объ этомъ бракѣ нечего и думать.

---

[1]) Депеша Кампредона отъ 5 февраля 1723 года.

[2]) Депеши Кампредона отъ 26 февраля 5 и 13 марта 1723 года.

Въ концѣ концовъ Долгорукій высказалъ желаніе Петра, чтобы Франція и Россія обязались особымъ договоромъ заключить этотъ бракъ въ самомъ непродолжительномъ времени и дѣйствовать въ Польшѣ во всемъ согласно.

Выработанные въ этомъ смыслѣ Кампредономъ нѣкоторыя статьи союзнаго договора были имъ препровождены французскому правительству 13-го марта 1723 года при депешѣ, въ которой онъ испрашивалъ полномочія для подписанія этого договора.

Французскій дипломатъ былъ задѣтъ за живое необыкновенной важностью и значеніемъ, какія пріобрѣтало возложенное нанего порученіе. Онъ пустилъ въ ходъ всевозможные доводы, чтобы убѣдить свой дворъ въ необходимости согласиться на предложеніе царя, не забывъ ни одной мелочи, которая могла бы подкупить герцога Шартрскаго, тронуть регента и разсѣять предубѣжденія министра. Онъ доказывалъ, что успѣхъ дипломатическихъ переговоровъ между Франціей и Россіей зависитъ всецѣло отъ успѣха его тайнаго порученія; единственное средство заставить Остермана дѣйствовать энергичнѣе заключалось, по его мнѣнію, въ томъ, чтобы принять предложенія кн. Долгорукаго. Союзный договоръ будетъ подписанъ немедленно послѣ заключенія брака, и русскій императоръ, довольный тѣмъ, что ему удастся устроить свою дочь какъ онъ того желаетъ, согласится на всѣ условія, предложенныя Франціей. Что касается возведенія молодой четы на польскій престолъ, то это будетъ только вопросомъ времени.

«Это событіе не заставитъ себя вѣроятно долго ждать, присовокупляетъ Кампредонъ. Нѣкоторыя личности, видѣвшія польскаго короля послѣднее время, увѣряли меня, что онъ по всей вѣроятности долго не проживетъ» [1]).

«Наконецъ и сама принцесса (Елисавета) вполнѣ достойна того высокаго положенія, къ которому ее предназначаютъ; ея красота будетъ служить украшеніемъ блестящихъ собраній въ Версалѣ; нѣкоторая свобода въ обращеніи, свойственная ей, покажется, быть можетъ, вначалѣ нѣсколько странной, но несомнѣнно, что она всѣхъ очаруетъ. Съ свойственной русскимъ способностью быстро ко всему приспособляться, молодая принцесса скоро освоится со вкусами и привычками своего новаго отечества, и Франція довершитъ въ ней то, чего ей не достаетъ отъ природы. Впрочемъ, принцесса Елисавета сама по себѣ чрезвычайно милая. Ее можно даже назвать красавицей, въ виду ея стройнаго стана, цвѣта лица, глазъ и рукъ. Недостатки, если таковые вообще есть въ ней, могутъ оказаться лишь въ воспитаніи и въ манерахъ. Меня увѣряли, что она очень умна. Слѣдовательно, если въ ска-

---

[1]) Депеша Кампредона отъ 13-го марта 1723 г.

занномъ отношеніи найдется какой-нибудь недостатокъ, его можно будетъ исправить, назначивъ къ прицессѣ, если дѣло сдѣлается, какую-нибудь свѣдущую и искусную особу» [1]).

Одновременно съ этимъ Кампредонъ думалъ возбудить опасенія своего двора, извѣщая его о пріѣздѣ въ Петербургъ двухъ принцевъ Гессенъ-Гомбургскихъ, коихъ молва называла претендентами на руку великихъ княженъ. Не упуская изъ вида ни одной мелочи, которая могла бы быть пріятною царю, Кампредонъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Дюбуа проситъ его позаботиться, чтобы отъ имени регента была прислана Петру «бочка хорошаго, настоящаго вина, которое царь выразилъ желаніе имѣть. Это маленькое вниманіе будетъ весьма пріятно е. и. в.— Я, со своей стороны, буду весьма признателенъ вашему высокопреосвященству, если вы соблаговолите прислать мнѣ портреты короля, королевы-инфанты, его королевскаго высочества и герцога Шартрскаго, дабы присылка портрета этого принца, который императрица желаетъ видѣть, не показалась странной» [2]).

Депеши Кампредона, по самой сущности затронутаго въ нихъ вопроса, требовали немедленнаго отвѣта; поэтому можно себѣ представить удивленіе этого дипломата, когда курьеръ пріѣзжалъ за курьеромъ не привозя ему никакого рѣшенія. Онъ писалъ вторично, прося инструкцій, но такъ же безуспѣшно. Такъ прошелъ конецъ зимы, настала весна, лѣто, а французскій дворъ все еще не обмолвился ни словомъ по поводу брака. Между тѣмъ, напоминанія русскихъ сановниковъ становились болѣе и болѣе настоятельны; встрѣчаясь съ Кампредономъ, они спрашивали всякій разъ, не получилъ ли онъ желаемаго отвѣта, и казались удивленными и обиженными столь продолжительнымъ молчаніемъ. Кампредонъ въ отчаяніи писалъ письмо за письмомъ кардиналу, регенту, даже самому королю, которому въ то время было всего 15-ть лѣтъ отъ роду [3]); не получая ни отвѣта, ни требуемыхъ инструкцій онъ не дерзаетъ болѣе являться во дворецъ и, сказавшись больнымъ, сидитъ безвыходно въ своей квартирѣ [4]).

Въ началѣ сентября Кампредонъ былъ приглашенъ въ Петергофъ— лѣтнюю резиденцію царя, который принялъ его со своею обычною благосклонностью, показалъ ему весь дворецъ и паркъ, не выказавъ на своемъ лицѣ во время разговора съ посланникомъ и тѣни неудовольствія; но Остерманъ отвелъ Кампредона въ сторону и заговорилъ съ нимъ, вѣроятно, по повелѣнію царя, болѣе откровенно чѣмъ когда-либо.

---

[1]) Кампредонъ кардиналу Дюбуа 13 марта 1723 г. Сборн. Ист. Общ. т. 49, стр. 324.

[2]) Письмо Кампредона отъ 19-го марта 1723 г.

[3]) Письмо Кампредона отъ 13-го іюня 1723 г.

[4]) Тоже, отъ 23-го іюня 1723 г.

— Трудно себѣ объяснить,—сказалъ онъ,—по какой причинѣ король не даетъ до сихъ поръ какихъ-либо приказаній насчетъ начатыхъ въ Москвѣ переговоровъ. Многіе иностранные дворы, въ особенности вѣнскій, считаютъ ихъ уже оконченными. Вѣнскій дворъ выражалъ даже свое безпокойство царю, который не можетъ понять, что за причина побуждаетъ его величество такъ пренебрегать его союзомъ, заключенія коего его величество самъ желалъ. Вы не можете сомнѣваться,— прибавилъ Остерманъ,—въ искренности добраго расположенія государя, но не говоря уже о томъ, что онъ не привыкъ къ пренебреженію, его положеніе, очевидно, должно было бы внушить менѣе равнодушія къ союзу, выгодному главнымъ образомъ его величеству [1]).

Положеніе французскаго посланника становилося невыносимо; пятнадцать курьеровъ были имъ отправлены безъ малѣйшаго результата; наконецъ онъ получилъ депешу, въ которой французское правительство сваливало вину за всѣ проволочки на Англію, которая противилась будто бы этому союзу, при чемъ Кампредону еще разъ было поставлено на видъ, для дальнѣйшаго руководства, что Франція ни въ какомъ случаѣ не согласится на то, чтобы этотъ бракъ былъ заключенъ до избранія герцога Шартрскаго на польскій престолъ. Петръ такъ и не получилъ оффиціальнаго отвѣта на свое предложеніе; нѣсколько мѣсяцевъ спустя онъ былъ извѣщенъ о бракосочетаніи герцога Шартрскаго съ одной изъ германскихъ принцессъ.

«Извѣстіе о бракосочетаніи молодаго герцога было непріятно русскимъ», говоритъ Кампредонъ въ депешѣ отъ 22-го апрѣля 1724 г.

Между тѣмъ 2-го декабря 1723 г. скончался герцогъ Орлеанскій, и Людовикъ XV, хотя уже совершеннолѣтній, не вступилъ въ управленіе государствомъ, а поручилъ завѣдываніе дѣлами герцогу Бурбонскому. Кончина герцога Орлеанскаго не принесла никакого измѣненія въ отношеніяхъ Россіи съ Франціей. Давно уже начатые переговоры о союзѣ между ними продолжались по-прежнему, но по-прежнему затягивались съ обѣихъ сторонъ и велись вяло. Узнавъ о перемѣнѣ правительства во Франціи, Петръ построилъ на немъ новыя надежды.—Отказавшись на время отъ проекта выдать свою дочь за одного изъ принцевъ французскаго королевскаго дома, онъ не отказался отъ мысли заключить съ Франціей политическій союзъ и въ этомъ смыслѣ возобновилъ свои предложенія герцогу Бурбонскому въ началѣ 1724 года. Герцогъ приказалъ отвѣтить царю, что причины, въ силу которыхъ король считалъ необходимымъ настаивать до начала какихъ-бы то ни было переговоровъ на примиреніи Россіи съ Англіей, имѣютъ первостепенную государственную

---

[1]) Письмо Кампредона королю отъ 3-го сентября 1723 г. Сборн. Ист. Общ. т. 49, стр. 369—378.

важность, поэтому король не можетъ отказаться отъ своего требованія [1]) и слѣдовательно о заключеніи союза не можетъ быть рѣчи до примиренія царя съ англійскимъ дворомъ.

Такимъ образомъ, хотя герцогъ Орлеанскій и настаивалъ все время на примиреніи Россіи съ Англіей, но онъ не дѣлалъ изъ этого условія sine qua non, тогда какъ герцогъ Бурбонскій поставилъ это соглашеніе непремѣннымъ условіемъ заключенія предполагаемаго союза между Франціей и царемъ.

Казалось, переговоры не могли долго продолжаться при такихъ условіяхъ; дѣйствительно, они были прерваны окончательно, но нѣсколько мѣсяцевъ спустя неожиданный случай далъ державамъ возможность возобновить ихъ.

Въ 1724 году едва не возгорѣлась война между Россіей и Турціей, которая смотрѣла съ большимъ неудовольствіемъ на пріобрѣтенія, сдѣланныя Россіей на берегу Каспійскаго моря, и на распространеніе русскаго владычества на Кавказѣ, населенномъ мусульманами; съ другой стороны, Петръ Великій, стремясь сохранить свои завоеванія и опасаясь войны съ Турціей, обратился къ посредничеству Франціи; французскому посланнику въ Константинополѣ де-Бонаку, который подобно Кампредону былъ убѣжденный сторонникъ франко-русскаго союза, удалось благодаря его энергіи и рѣшительности, уладить это дѣло на пользу Россіи. Онъ такъ живо представилъ Портѣ всѣ неудобства для нея войны съ царемъ и всѣ выгоды, какія она можетъ извлечь изъ союза съ нимъ, что она согласилась предоставить царю завоеванныя имъ у Персіи земли съ тѣмъ, чтобы и онъ не препятствовалъ туркамъ отнять у этого государства тѣ земли, которыя они себѣ намѣтили [2]).

Конвенція, заключенная Россіей съ Турціей, на основаніи которой Петръ Великій сохранилъ сѣверныя провинціи Кавказа, Дагестанъ и Ширванъ, была редактирована де-Бонакомъ, просмотрѣна въ Петербургѣ Кампредономъ и подписана въ Константинополѣ русскими и турецкими уполномоченными.

Послѣ такого дипломатическаго успѣха Кампредонъ надѣялся, что Петръ, изъ признательности къ Франціи, согласится примириться съ Англіей и такимъ образомъ явится возможность возобновить переговоры. Успѣхъ французскаго посредничества въ переговорахъ съ Турціей далъ французскому послу смѣлость сдѣлать слѣдующій рѣшительный шагъ.

Въ тотъ самый день, когда въ Петербургѣ была получена подписанная Портою конвенція, Кампредонъ, зная что царь отправится въ

[1]) Письмо графа де-Морвиля Кампредону, январь 1724 г.

[2]) Сборн. Истор. Общ. т. 52, стр. XVI.

торжественной процессіи въ соборъ, всталъ на пути его возлѣ церкви. — Петръ появился верхомъ въ сопровожденіи многочисленной свиты. Замѣтивъ на его лицѣ выраженіе необычайной грусти, Кампредонъ пробрался сквозь толпу и неожиданно подошелъ къ царю въ томъ моментъ, когда онъ сходилъ съ лошади, чтобы войти въ храмъ. Не прогнѣвавшись за такую фамильярность, Петръ взялъ посланника за руку и, намекая на договоръ, подписанный при его посредничествѣ съ Швеціей, сказалъ:

— Вы всегда были для меня вѣстникомъ мира.

— Позвольте мнѣ, ваше величество, имѣть честь быть имъ до конца, отвѣчалъ Кампредонъ. Вашему величеству извѣстно все то, что король сдѣлалъ для васъ; сдѣлайте со своей стороны пріятное его величеству, который, настаивая на примиреніи между вами и королемъ англійскимъ, только желаетъ этимъ содѣйствовать вашей славѣ и вашимъ собственнымъ интересамъ.

— Я не буду неблагодаренъ, отвѣчалъ Петръ, и тотчасъ дамъ моимъ сановникамъ приказаніе, коимъ вы навѣрно останетесь довольны [1]).

Царь сдержалъ свое слово. — Нѣсколько дней спустя онъ заявилъ оффиціально, что ему будетъ пріятно воспользоваться посредническими услугами французскаго короля въ дѣлѣ примиренія съ Англіей и вмѣстѣ съ тѣмъ предложилъ Франціи заключить союзъ на условіяхъ, которыя будутъ выработаны совмѣстно обѣими державами.

Столь благопріятный результатъ смѣлой выходки Кампредона удивилъ русскихъ сановниковъ, а еще болѣе французское правительство, которое выразило по этому поводу посланнику свое полнѣйшее одобреніе.

Казалось бы, что съ устраненіемъ единственнаго препятствія къ франко-русскому союзу ничто не могло помѣшать державамъ подписать союзный договоръ. Между тѣмъ, когда переговоры были возобновлены, французское правительство отвѣчало на уступчивость Петра новымъ тробованіемъ. Ему казалось уже мало примиренія Россіи съ Англіей, оно требовало, сверхъ того, чтобы англійскій король подписалъ союзный договоръ въ качествѣ договаривающейся стороны. Россія протестовала противъ участія Англіи въ актѣ, ея вовсе не касавшемся.

«Переговоры съ Франціей не представляютъ никакихъ затрудненій, говорили Кампредону русскіе сановники; договоръ могъ бы быть подписанъ хоть сейчасъ, но его величество находитъ неудобнымъ заключеніе союза при участіи Англіи» [2]). Переговоры снова были прерваны.

---

[1]) Депеша Кампредона отъ 1 августа 1724.

[2]) Депеши Кампредона отъ 8 декабря 1724 и 9 января 1725 г.

*

Настаивая на скорѣйшемъ заключеніи столь желаннаго имъ союзнаго договора, Петръ какъ будто предчувствовалъ, что дни его сочтены, и опасался, что въ случаѣ новой проволочки ему не удастся довести этого дѣла до конца. Полагаясь на свою желѣзную волю, на свое могучее здоровье, онъ не щадилъ своихъ силъ; его жизнь была сплошною борьбою; ему приходилось бороться съ внѣшними врагами, со своимъ народомъ, со своей семьею. Непрестанная борьба сломила наконецъ его крѣпкій организмъ; чувствуя, что силы начинаютъ ему измѣнять, онъ спѣшилъ утвердить порядокъ престолонаслѣдія и устроить судьбу своихъ дочерей. Старшая — была имъ выдана за герцога Фридриха Голштейнъ-Готторпскаго [1]), приглашеннаго незадолго передъ тѣмъ въ Россію; что же касается младшей, Елисаветы Петровны, то царь все еще не оставлялъ надежды выдать ее за французскаго принца и уже помышлялъ о бракѣ ея съ герцогомъ Бурбонскимъ, которому вмѣстѣ съ рукою принцессы онъ намѣревался предложить польскую корону. Въ этомъ смыслѣ въ октябрѣ 1724 г. были сдѣланы Кампредону довольно ясные намеки [2]).

Быть можетъ надежда, что его предложеніе будетъ этотъ разъ принято, была причиною, что Петръ не отказывался болѣе включить Англію въ союзный договоръ, какъ того требовала Франція. Въ концѣ 1724 г. царь обнадежилъ посланника, что онъ получитъ вскорѣ окончательный отвѣтъ, и вопросъ о союзномъ договорѣ уже былъ внесенъ на обсужденіе въ совѣтъ, какъ вдругъ, въ тотъ самый день, когда должны были начаться совѣщанія подъ предсѣдательствомъ самого царя, Петръ тяжко заболѣлъ и 28-го января (8-го февраля) 1725 г. его не стало. — Если вѣрить приближеннымъ царя, то на его письменномъ столѣ былъ найденъ, послѣ его кончины, вполнѣ выработанный проектъ союзнаго договора съ Франціей [3]).

Такимъ образомъ Петру Великому не удалось выполнить ту высокую задачу, которую онъ себѣ намѣтилъ, радѣя о благѣ своего отечества. Онъ хотѣлъ дать Россіи управленіе организованное на европейскій ладъ, хотѣлъ доставить ей преобладающее значеніе среди державъ сѣверной Европы, наконецъ хотѣлъ дать ей надежныхъ союзниковъ. Изъ этихъ трехъ цѣлей онъ успѣлъ достигнуть блистательнымъ образомъ только двухъ первыхъ. Осуществленіе третьей зависѣло всецѣло отъ

---

[1]) Герцогъ Голштейнъ-Готторпскій, Карлъ Фридрихъ, род. въ Стокгольмѣ 3 апр. 1700, былъ помолвленъ 16 янв. 1724 г. съ царевной Анной Петровной.

[2]) Депеша Кампредона отъ 21 октября 1724 г.

[3]) Объ этомъ упоминаетъ въ одной изъ своихъ депешъ (отъ 5 января 1762 г.) де-Бретейль, бывшій французскимъ посланникомъ въ Россіи съ 1760 по 1763 г. Его депеша хранится во французскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

согласія Франціи; такъ какъ ему не удалось заручиться ея содѣйствіемъ, то эта цѣль не могла быть имъ достигнута, и Петръ Великій, несмотря на свои выдающіяся побѣды, оставилъ Россію въ Европѣ одинокой. Союзъ съ Франціей, къ которому онъ такъ страстно стремился, будучи основанъ на общности интересовъ, обѣщалъ быть устойчивымъ и выгоднымъ для Россіи и несомнѣнно могъ бы быть заключенъ, если бы французское правительство было настолько дальновидно, чтобы оцѣнить предложенія, сдѣланныя ей Петромъ Великимъ, и если бы у него хватило энергіи побѣдить скорѣе кажущіяся, нежели существенныя препятствія, коими оно всячески старалось тормозить заключеніе союза съ Россіей.

II.

Положеніе Россіи и Франціи при Екатеринѣ I.—Выборъ невѣсты для французскаго короля.—Екатерина предлагаетъ руку своей дочери Елисаветы Петровны.—Переговоры по этому вопросу кн. Меншикова съ Кампредономъ.—Характеристика Елисаветы Петровны, сдѣланная французскимъ посланникомъ.—Интриги при французскомъ дворѣ.—Дѣвица де-Сенсъ.—Бракъ короля съ Маріею Лещинской.—Шлезвигскій вопросъ.—Договоръ Россіи съ Австріей и его послѣдствія.

Одною изъ первыхъ заботъ преемницы Петра Великаго было дать французскому правительству отвѣтъ, обѣщанный ей покойнымъ императоромъ. Екатерина I, такъ-же какъ ея покойный супругъ, сознавала чрезвычайную важность для Россіи союза съ одной изъ великихъ державъ Европы. Въ апрѣлѣ 1725 г. она созвала членовъ Верховнаго тайнаго совѣта: Толстаго, Остермана, канцлера Головкина, адмирала Апраксина и кн. Меншикова для обсужденія нѣкоторыхъ вопросовъ внѣшней политики. Въ этомъ собраніи князь Меншиковъ высказалъ мысль, что для обезпеченія союза Россіи съ Франціею слѣдовало согласиться и на сближеніе съ Англіей. Послѣ непродолжительныхъ преній всѣ прочіе члены собранія присоединились къ его мнѣнію [1]).

Тогда Екатерина приказала отвѣтить Кампредону въ утвердительномъ смыслѣ и изъявить ему согласіе Россіи на участіе Англіи въ договорѣ. Собственно говоря, рѣшеніе Екатерины было принято до засѣданія совѣта; ея уступчивость объясняется однимъ обстоятельствомъ, о которомъ большинству ея совѣтниковъ ничего не было

---

[1]) Кампредонъ передаетъ все происходившее на этомъ засѣданіи въ депешѣ отъ 13 апрѣля 1725 г. со словъ самого Меншикова.

извѣстно, а именно, ею было получено изъ вѣрнаго и надежнаго источника извѣстіе, возбудившее въ ея сердцѣ давно лелѣянныя ею надежды. Ей сообщили изъ Парижа, что бракъ французскаго короля съ инфантой испанской не состоится вслѣдствіе огромной разницы лѣтъ между помолвленными (королю было въ то время уже 16 лѣтъ, а инфантѣ минуло только 7 лѣтъ). Слѣдовательно этотъ бракъ не могъ состояться ранѣе какъ черезъ нѣсколько лѣтъ, и порядокъ престолонаслѣдія во Франціи все это время не былъ бы обезпеченъ. Въ виду этого герцогъ Бурбонскій рѣшилъ пріискать королю другую, болѣе подходящую по лѣтамъ, невѣсту. Съ этой цѣлью къ разнымъ дворамъ Европы, гдѣ имѣлись взрослыя принцессы, были посланы тайные агенты съ приказаніемъ представить какъ можно болѣе вѣрные физическій и нравственный портреты этихъ принцессъ на основаніи ихъ личныхъ наблюденій и разспросовъ окружающихъ. Министръ иностранныхъ дѣлъ Франціи, гр. де-Морвиль, получая донесенія отъ своихъ агентовъ, дѣлалъ изъ нихъ краткія извлеченія, на основаніи которыхъ была составлена сравнительная таблица, въ коей излагались всѣ преимущества и невыгоды предполагаемыхъ брачныхъ союзовъ. Французское правительство не послало своихъ агентовъ въ Россію, но въ спискѣ Морвиля, въ числѣ семнадцати принцессъ, на коихъ считали достойнымъ обратить вниманіе короля, имя второй дочери Петра Великаго, царевны Елисаветы Петровны, фигурировало по порядку вторымъ [1]).

Въ началѣ 1725 г. ничего еще не было рѣшено окончательно, когда Людовикъ XV такъ опасно занемогъ, что его жизнь была нѣсколько дней въ опасности. Герцогъ Бурбонскій до того былъ напуганъ этимъ, что рѣшилъ какъ можно скорѣе покончить съ вопросомъ о бракѣ. 11-го марта было рѣшено отправить обратно инфанту въ Испанію, которая жила и воспитывалась въ Луврѣ.—Екатерина I узнала объ этомъ чрезъ своихъ тайныхъ агентовъ, когда представители державъ не получали еще оффиціальнаго увѣдомленія, и тотчасъ рѣшила добиваться для своей младшей дочери престола, оставшагося вакантнымъ послѣ удаленія инфанты. Она имѣла полное право разсчитывать, что ни одна изъ принцессъ, бывшихъ въ возрастѣ, подходящемъ для вступленія въ бракъ, по своимъ личнымъ качествамъ и по своему положенію не могла выдержать сравненія съ Елисаветой Петровной. Хотя большинство изъ нихъ и принадлежало къ царствующимъ домамъ Германіи, которые кичились древностью своего рода, но всѣ онѣ были бѣдны.—Одна Елисавета Петровна была дочерью могуще-

---

[1]) D'Haussonville. Histoire de la réunion de la Lorraine à la France, т. IV стр. 175.

ственнаго монарха, который силою своего генія и рядомъ блестящихъ побѣдъ поднялъ значеніе своей имперіи и заставилъ цѣнить съ нимъ союзъ. У царевны могла быть только одна опасная соперница: внучка англійскаго короля, но французскій король могъ жениться только на католичкѣ, а Англія, вѣроятно, не дозволила бы принцессѣ отречься отъ протестанской вѣры. Екатерина ничего не имѣла противъ перемѣны религіи ея дочерью.

Вечеромъ въ тотъ день, когда совѣтъ, по желанію императрицы, рѣшилъ вопросъ о союзѣ съ Англіей въ утвердительномъ смыслѣ, Кампредонъ былъ принятъ Екатериной въ частной аудіенціи.

— Правда ли, спросила его императрица неожиданно, что король отсылаетъ инфанту назадъ въ Испанію?

Посланникъ, не имѣвшій никакихъ положительныхъ извѣстій, отвѣчалъ уклончиво.

— Я получила изъ Голландіи письма, продолжала императрица, въ которыхъ меня увѣряютъ, что уже назначенъ день отъѣзда инфанты. Я давно предвидѣла, что столь юная принцесса не годится для короля, ни для блага его короны, требующаго скорѣйшаго появленія наслѣдника. Я желаю королю всевозможнаго счастія и благополучія и отъ души готова содѣйствовать ему, въ чемъ могу; прошу васъ увѣрить короля, что дружбу и союзъ съ нимъ я предпочла бы всѣмъ державамъ въ мірѣ [1]).

На другой день Кампредона посѣтилъ князь Меншиковъ, пояснившій слова императрицы.

— Есть вѣрное средство сдѣлать союзъ Франціи съ Россіей нерасторжимымъ, сказалъ онъ, и, на вѣки связавъ неразрывными узами интересы коронъ русской и французской, поставить ихъ въ возможность предписывать законы всѣмъ европейскимъ державамъ. Разъ король рѣшился отослать инфанту въ Испанію, то ему нельзя найти во всей Европѣ партіи болѣе подходящей, чѣмъ принцесса Елисавета. Она однихъ лѣтъ, она всего на полтора мѣсяца старше короля. Вамъ извѣстно какъ она хороша собою, какъ прекрасно сложена, сколько въ ней ума, веселости и живости, дѣлающихъ ее вполнѣ способной проникнуться французскимъ духомъ. Царица, мать ея, владѣетъ обширной имперій, пользуясь въ ней самой неограниченной властью, какою только можетъ обладать государь, и располагаетъ арміей и флотомъ, коихъ численность и превосходство хорошо извѣстны. Если король, не сдѣлавъ еще иного выбора, рѣшится остановить его на русской принцессѣ, то онъ можетъ вполнѣ разсчитывать на всѣ эти силы, на все могущество царицы,

---

[1]) Кампредонъ къ графу де-Морвилю отъ 3 апрѣля 1725 г. Сборн. Истор. Общ. т. 58. стр. 110—116.

которыя обратятся противъ всякой державы, на какую его величеству угодно будетъ напасть. Такой союзъ дастъ королю возможность располагать короной польской и осуществить всякіе замыслы по отношенію къ имперіи.

Князь Меншиковъ совѣтывалъ Кампредону, не теряя времени, увѣдомить французское правительство о предложеніи императрицы, чтобы немедленно приступить къ его осуществленію.

— Здѣсь оно не встрѣтитъ никакого затрудненія, прибавилъ онъ, даже по вопросу о вѣрѣ, потому что тогда все устроится: принцесса Елисавета согласится перемѣнить религію. Заключивъ этотъ бракъ французскій король поступитъ по примѣру своего предшественника, Генриха I [1]), который вступилъ въ бракъ съ русской принцессой въ такое время, когда Россія была далеко ниже во всѣхъ отношеніяхъ, не то, чѣмъ она стала теперь [2]).

Два дня спустя по приказанію императрицы Кампредону было сообщено предложеніе, коимъ она хотѣла лично заинтересовать герцога Бурбонскаго въ успѣхѣ своего плана, суля ему въ будущемъ корону.— Екатерина велѣла передать герцогу ея совѣтъ жениться на дочери Станислава Лещинскаго, лишившагося польскаго престола въ 1712 г., и жившаго съ тѣхъ поръ уединенно во Франціи. У него была еще масса приверженцевъ въ Польшѣ, но онъ жаждалъ покоя и охотно отказался бы въ пользу своего зятя ото всѣхъ своихъ правъ и притязаній на этотъ престолъ. Бракъ герцога Бурбонскаго съ Маріей Лещинской могъ оправдать кандидатуру герцога на польскій престолъ и способствовать его избранію на ближайшемъ сеймѣ, въ чемъ поддержали бы его со своей стороны Россія и Франція. Словомъ, Екатерина предлагала Франціи вмѣстѣ съ рукою своей дочери самый тѣсный союзъ: преслѣдованіе одинакихъ цѣлей въ Польшѣ, возведеніе на польскій престолъ французскаго принца, наступательный и оборонительный союзъ и предоставленіе въ распоряженіе Франціи всѣхъ военныхъ силъ Россіи.— Таковы были бы главные пункты союзнаго договора, въ случаѣ брака Людовика XV съ Елисаветой Петровной. Этотъ секретный договоръ былъ бы заключенъ независимо отъ оффиціальнаго трактата, который Россія намѣревалась одновременно заключить съ Франціей на вышеприведенныхъ основаніяхъ.

Въ депешѣ, отправленной по этому случаю своему двору, Кампредонъ явился вѣрнымъ истолкователемъ чувствъ и предложеній императрицы. При этомъ онъ писалъ: «Насчетъ личныхъ качествъ принцессы

---

[1]) Въ одиннадцатомъ вѣкѣ Генрихъ I женился на дочери Ярослава Мудраго.

[2]) Кампредонъ графу де-Морвилю, 13 апр. 1725 г.

Меншиковъ говорилъ сущую правду. Личности, коимъ ввѣрено было воспитаніе ея и сестры ея, принцессы Анны, были такъ мало образованы, что безъ большихъ природныхъ дарованій, принцессы никакъ не могли бы ни сдѣлать тѣхъ успѣховъ въ языкахъ французскомъ и нѣмецкомъ, на которыхъ онѣ говорятъ и пишутъ очень хорошо, ни пріобрѣсти тѣхъ прекрасныхъ манеръ и того умѣнья вести разговоръ и держать себя, какими онѣ обладаютъ. Къ тому же, въ Россіи изстари укоренилось правило, что женщина, безразлично принцесса она или простая мѣщанка, должна во всемъ подчиняться волѣ своего мужа» [1]).

Затѣмъ Кампредонъ перечисляетъ политическія выгоды этого союза.

«Царица согласится, говоритъ онъ, дѣйствовать съ нами во всѣхъ случаяхъ за-одно противъ Австріи, сосѣдство которой внушаетъ ей наиболѣе опасеній. Я имѣю возможность, помимо ея министровъ узнавать быстрымъ и надежнымъ путемъ ея сокровенныя мысли и тѣмъ же путемъ передавать ей желанія короля».

Лишь только депеша Кампредона была отправлена, какъ Екатерина узнала одновременно о переговорахъ, начатыхъ герцогомъ Бурбонскимъ относительно брака короля съ дочерью принца Уэльскаго, и результатъ этихъ переговоровъ: Англія отвѣчала рѣшительно отказомъ, ссылаясь па разницу вѣроисповѣданій.

Это извѣстіе успокоило Екатерину и увеличило ея надежды на успѣхъ ея плана, но нѣсколько дней спустя она получила отъ своего посланника во Франціи, кн. Куракина, весьма тревожныя вѣсти. Князь сообщалъ о романѣ, разыгравшемся при французскомъ дворѣ, въ которомъ король съигралъ роль перваго любовника.

Въ Версалѣ появилась незадолго передъ тѣмъ девятнадцатилѣтняя красававица, m-elle де-Сенсъ, сестра герцога Бурбонскаго, которая своей молодостью и замѣчательной красотою плѣнила сердце юнаго монарха. Взаимная склонность молодыхъ людей не была ни для кого тайною; придворные были крайне встревожены, какъ вдругъ они узнали, что герцогъ отослалъ свою сестру обратно въ монастырь. Людовикъ въ отчаяніи призвалъ герцога Бурбонскаго и спросилъ его о причинѣ такого распоряженія.

— Сестра моя, отвѣчалъ герцогъ, не такого званія, чтобы быть любовницей.

На это король возразилъ, что онъ сдѣлаетъ ее своей женою.

По словамъ кн. Куракина, изъ этого можно было вывести заключеніе, что слѣдовало зрѣло обсудить всѣ выгоды за и противъ, прежде

---

[1]) Кампредонъ графу де-Морвилю отъ 13-го апрѣля 1725 г. Сборн. Истор. Общ. т. 58, стр. 116.

нежели заключить союзъ съ дворомъ, въ которомъ духъ интриги заслоняетъ всѣ заботы объ общественномъ благѣ.

Сообщеніе кн. Куракина нанесло первый ударъ надеждамъ царицы и произвело въ Петербургѣ сильное впечатлѣніе. Кампредонъ справедливо опасался, что оно затруднитъ порученные ему переговоры [1]). Государыня послала Толстаго къ Кампредону, чтобы провѣрить справедливость фактовъ, переданныхъ ей Куракинымъ. Кампредонъ затруднялся отвѣтомъ; ему ничего не было извѣстно и онъ боялся скомпрометировать себя. На всякій случай онъ попытался замолвить слово въ защиту короля.

— Положеніе королей было бы весьма печально, если бъ они никогда не смѣли отдаться своему личному влеченію въ выборѣ того союза, съ которымъ связано счастье домашней жизни, сказалъ онъ Толстому.

— Государи, вступавшіе въ неравные браки, всегда много утрачивали въ славѣ и добромъ имени своемъ, живо возразилъ Толстой; французскіе короли всегда сохраняли въ этомъ отношеніи ту чистоту, какой блещутъ лиліи, украшающія ихъ корону. Взоры всей Европы устремлены на единственнаго потомка Людовика Великаго, и она ждетъ отъ него лишь такихъ поступковъ, которые были бы достойны безконечной славы, коей помянутый несравненный монархъ пользуется въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ міра [2]).

Послѣ этого свиданія, Кампредонъ взялся снова за перо и написалъ 24-го апрѣля еще одно письмо (къ гр. де-Морвилю), которое безъ сомнѣнія дѣлаетъ ему большую честь, ибо, настаивая въ немъ на пользѣ, какую могъ принести Франціи предполагаемый бракъ и союзъ съ Россіей, скромный представитель французскаго короля позволилъ себѣ дать своему правительству урокъ патріотизма и безкорыстія и рисковалъ, до нѣкоторой степени, своимъ положеніемъ.

«Партія, предложенная здѣсь королю черезъ меня, писалъ онъ, представляетъ во всѣхъ отношеніяхъ для него огромныя выгоды. Заключивъ этотъ бракъ, его величество имѣлъ бы въ своемъ распоряженіи одну изъ главнѣйшихъ державъ Европы. Эта держава обезпечила бы за нимъ поддержку Пруссіи и Швеціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и польскую корону Станислава. Царица еще вчера опять увѣряла меня въ этомъ черезъ князя Меншикова, присовокупивъ, что особенно благо-

---

[1]) Кампредонъ де-Морвилю 24-го апрѣля 1725 г. Сборн. Истор. Общ. т. 58, стр. 185.

[2]) Депеша Кампредона отъ 24-го апрѣля 1725 г. Сборн. Истор. Общ. т. 58. стр. 183.

даритъ вашу свѣтлость за услугу, которую вы окажете въ этомъ случаѣ его величеству и ей» [1]).

Первое письмо Кампредона было получено въ Парижѣ 8-го мая. Три дня спустя, а именно 11-го мая, Морвиль отвѣчалъ ему общими разсужденіями о текущихъ дѣлахъ. Не касаясь ни словомъ предложенія о бракѣ, онъ прибавляетъ въ postscriptum'ѣ: «Откладываю до слѣдующаго раза бесѣду о тѣхъ дѣлахъ, о коихъ вы пишете въ вашемъ послѣднемъ письмѣ. Если объ этомъ съ вами заговорятъ, ограничьтесь общими выраженіями дружбы и преданности» [2]). На депешу отъ 24-го апрѣля Кампредонъ не получилъ никакого отвѣта.—Трудно сказать, обсуждали ли даже серьезно во Франціи предложенія, сдѣланныя русскимъ дворомъ, и было ли о нихъ доложено королю, такъ какъ на поляхъ депеши отъ 24-го апрѣля, которая хранится въ государственномъ архивѣ Франціи, мы находимъ помѣтку «секретная», и къ этой депешѣ приложено краткое изъ нея извлеченіе, предназначавшееся вѣроятно для прочтенія королю и совѣту.

Екатерина терпѣливо ожидала нѣкоторое время отвѣта на свое предложеніе, но ея мечты мало-по-малу рушились: ограниченность и эгоистическое честолюбіе герцога Бурбонскаго все болѣе и болѣе становились очевидны. Въ то же время недруги Франціи не дремали, и при русскомъ дворѣ пріобрѣтали мало-по-малу вліяніе тѣ личности, которыя желали отвлечь императрицу отъ союза съ этой державой.

Въ половинѣ мая 1725 г. въ Петербургъ прибылъ иностранецъ, старавшійся окружить себя особой таинственностью, и тщательно скрывавшій отъ всѣхъ цѣль своего пріѣзда. Онъ остановился у лейбъ-медика царицы Блументроста, которому вручилъ рекомендательныя письма, удостовѣрявшія его личность, былъ принятъ имъ любезно и представленъ нѣкоторымъ сановникамъ. Впослѣдствіи оказалось, что это былъ англійскій офицеръ де-Гэй, посланный въ Россію съ секретнымъ порученіемъ. Въ это время образовался дипломатическій заговоръ противъ Франціи, во главѣ котораго стоялъ испанскій король Филиппъ V, принявшій отправку инфанты за личное оскорбленіе и жаждавшій отомстить за него французскому правительству. Душою этого заговора былъ первый министръ короля баронъ Рипперда, ловкій и страстный интригантъ, устроившій сближеніе между Филиппомъ V и австрійскимъ императоромъ Карломъ VI, которые нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ были заклятыми врагами. Союзники желали заручиться

---

[1]) Кампредонъ де-Морвилю 24-го апрѣля 1725 г. Сборн. Истор. Общ. т. 58 стр. 185.

[2]) Морвиль Кампредону, 11-го мая 1725 г.

поддержкою Россіи и съ этою цѣлью послали въ Петербургъ тайнаго эмиссара, коимъ и былъ помянутый англійскій офицеръ.

Екатерина выслушала его, но не хотѣла связывать себя никакими обѣщаніями до тѣхъ поръ, пока не получится извѣстіе, что задуманный ею брачный проектъ не имѣетъ болѣе шансовъ на успѣхъ. Когда одинъ изъ ея приближенныхъ, Ягужинскій, совѣтывалъ ей начать какъ можно скорѣе пореговоры съ Австріей и Испаніей, она отвѣчала вопросомъ: женился ли французскій король? Въ то же время кн. Меншиковъ спросилъ въ ея присутствіи французскаго посла, скоро ли онъ разсчитываетъ получить отвѣтъ на свои письма.

Кампредонъ, сознавая опасность, которая угрожала Франціи, постарался вывѣдать тайну отъ посланнаго Рипперды и предупредилъ свой дворъ [1]). Но всѣ его старанія не повели ни къ чему. Герцогъ Бурбонскій нашелъ, наконецъ, то, чего онъ такъ страстно желалъ, и, по странной случайности, его натолкнула на это сама царица. Если припомнимъ, Екатерина предлагала ему жениться на Маріи Лещинской, обѣщая въ то же время польскую корону. Это предложеніе заставило герцога обратить вниманіе на дочь короля Станислава, которая показалась ему самой подходящей особой для той второстепенной роли, на которую онъ хотѣлъ обречь французскую королеву. Людовикъ не противился его выбору, и этотъ бракъ, повергшій въ уныніе всю Францію, былъ заключенъ 27-го мая 1725 г. Ближайшимъ послѣдствіемъ его было то, что доброе согласіе, чуть-было не установившееся между Франціей и Россіей, было нарушено. Екатерина не хотѣла навязывать Людовику XV руку своей дочери, но была сильно задѣта этимъ извѣстіемъ [2]) и не могла простить французскому королю того, что онъ предпочелъ дочери Петра Великаго дочь короля Станислава, свергнутаго съ польскаго престола.

Императрица узнала объ этомъ бракѣ по слухамъ прежде, нежели былъ полученъ отвѣтъ на ея предложенія [3]). Франція рѣшилась отвѣтить только тогда, когда Станиславъ оффиціально извѣстилъ европейскія державы о бракѣ своей дочери. Письмо графа де-Морвиля, заключавшее этотъ отвѣтъ, было получено въ Петербургѣ 30-го іюня; хотя оно было написано въ самыхъ вѣжливыхъ выраженіяхъ, но доводы, коими мотивировался отказъ французскаго правительства, даютъ право предполагать, что депеши Кампредона врядъ ли были дочитаны до конца. Несмотря на рѣшительное заявленіе императрицы, что Елисавета

---

[1]) Депеши Кампредона отъ 19 мая и 12 іюня 1725 г.

[2]) Кампредонъ—де-Морвилю, 9-го іюня 1725 г. Сборн. Ист. Общ., т. 58, стр. 364.

[3]) Депеша Кампредона отъ 9-го іюня 1725 г.

Петровна приметъ вѣру своего супруга, французское правительство продолжало настаивать на различіи вѣроисповѣданій и выставляло его непреодолимымъ препятствіемъ къ заключенію брака между Людовикомъ XV и Елисаветой Петровной.

«Настоящее письмо, писалъ Кампредону графъ де-Морвиль, служитъ отвѣтомъ на ваше посланіе, коимъ вы сообщаете мнѣ о предложеніи, сдѣланномъ княземъ Меншиковымъ, о женитьбѣ короля на принцессѣ Елизаветѣ. Вы сами легко поймете, что когда зашла рѣчь о выборѣ невѣсты для его величества, то здѣсь обращено было большое вниманіе на выгоды, которыя могъ бы доставить союзъ съ принцессою, дочерью почившаго царя. Съ одной стороны, высокія достоинства, возведшія царицу на ту высоту, на которой она нынѣ стоитъ, съ другой—личныя прелести, коими, какъ всѣмъ извѣстно, одарена принцесса Елисавета, такъ сказать, не дозволили бы его величеству остановить свой выборъ на комъ-либо иномъ, если бы можно было надѣяться, что исповѣдуемая царицею и ея семьею вѣра не послужитъ препятствіемъ къ исполненію желаній его величества. Но, соображая, какъ велика привязанность Россіи къ господствующей въ ней религіи, и какія неудобства могли бы возникнуть для самой царицы, если бы она, на глазахъ всѣхъ своихъ подданныхъ, дозволила принцессѣ, своей дочери, перемѣнить вѣру, его величество можетъ только навсегда сохранить безпредѣльную благодарность за полученное имъ доказательство дружбы такой великой государыни, какъ царица. Но впослѣдствіи, когда заключится союзъ, переговоры о коемъ вамъ поручены, монархиня сама убѣдится, что его величество умѣетъ давать такое же распространеніе дѣйствію своей дружбы и любви къ государямъ, союзникамъ своимъ, какъ если бы состоялъ съ ними въ самомъ близкомъ кровномъ родствѣ. Старайтесь какъ можно яснѣе утвердить эту истину. Увѣрьте царицу и князя Меншикова, что сдѣланное предложеніе будетъ сохранено въ глубочайшей тайнѣ, и достоинство монархини ничѣмъ не будетъ компрометировано, и объясните въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ, какъ глубоко тронутъ его величество и какъ искренно желаетъ найти случай доказать царицѣ почтеніе, которое онъ всегда сохранитъ къ этой государынѣ и ея семейству» [1]).

Къ этому отвѣту былъ приложенъ другой, также отрицательнаго свойства. Предлагая руку своей дочери Людовику XV и опасаясь, что царь связалъ уже себя иными обязательствами, императрица сдѣлала, подъ величайшимъ секретомъ, добавочное предложеніе о бракѣ Елисаветы Петровны съ герцогомъ Бурбонскимъ. Это предложеніе не могло понравиться любовницѣ герцога г-жѣ де-При и было отвергнуто точно

---

[1]) Сборн. Ист. Общ., т. 58, стр. 313, 314.

такъ же, какъ первое. Герцогъ приказалъ отвѣтить въ выраженіяхъ самой горячей признательности, но въ письмѣ даже не было приведено никакой причины отказа.

«Тщетно старался бы я описать горесть его свѣтлости при мысли, что онъ не властенъ болѣе принять честь, которою монархиня соизволила удостоить его, прибавляетъ отъ себя гр. Морвиль, но, тѣмъ не менѣе, благодарность его свѣтлости безпредѣльна. Царица всегда найдетъ въ его свѣтлости ту же преданность и то же усердіе ко всему, что можетъ быть ей пріятно, какихъ въ правѣ была бы она ожидать отъ принца, удостоившагося чести быть ея зятемъ» [1]).

Послѣ этого двойнаго отказа между обоими дворами первое время не произошло замѣтнаго охлажденія. По прочтеніи писемъ Морвиля, Екатерина только замѣтила сухо, что относительно вопроса о религіи легко было бы придти къ соглашенію подъ условіемъ соблюденія тайны [2]); она медлила изъявить свое согласіе на предложенія, сдѣланныя ей Австріей и Испаніей и, повидимому, даже была расположена продолжать переговоры, начатые съ Франціей и Англіей, но относилась къ нимъ уже не такъ горячо, какъ прежде, дѣлая всевозможныя затяжки; казалось, императрица только ждала предлога, чтобы предоставить себѣ полную свободу дѣйствій. Случай къ тому представилъ императрицѣ въ скоромъ времени ея зять, герцогъ голштинскій, требовавшій отъ Даніи возвращенія Шлезвига, занятаго ею во время Сѣверной войны, и который она не соглашалась возвратить ему. Въ срединѣ 1725 г. шлезвигскій вопросъ обострился, Франція и Англія еще въ 1721 году гарантировали Даніи обладаніе этимъ герцогствомъ, тогда какъ императрица приняла сторону герцога и настаивала по меньшей мѣрѣ на томъ, чтобы ея зятю было назначено за Шлезвигъ извѣстное вознагражденіе и чтобы въ трактатъ, который будетъ ею заключенъ съ западными державами, была включена особая статья, которой опредѣлялись бы сущность и размѣръ этого вознагражденія. Англія рѣшительно отказалась отъ этого, изъ уваженія къ копенгагенскому двору, а Франція покорно присоединилась къ ея мнѣнію.—Россія же продолжала настаивать на своемъ требованіи; царица, въ вопросѣ о герцогѣ была непреклонна, ея министры утверждали, что она не можетъ отказаться отъ своихъ требованій, ибо это нанесло бы непоправимый вредъ ея доброму имени, долгу кровнаго родства и возложенному на нее покойнымъ царемъ обязательству доставить зятю справедливое удовлетвореніе. Для нея было бы просто постыдно, говорили они, договоромъ утвердить безвозвратную потерю

---

[1]) Графъ де-Морвиль Кампредону, 21-го мая 1725 г. Сборн. Истор. Общ. т. 58, стр. 322.

[2]) Депеша Кампредона отъ 30-го іюня 1725 г.

наслѣдственныхъ владѣній герцога голштинскаго, не обезпечивъ ему справедливаго вознагражденія, на которое она сама же уговорила его согласиться. Союзъ съ царицей не такъ ужъ ничтоженъ, чтобы ей приходилось подчиняться законамъ, которые ей хотятъ навязать въ ущербъ ея чести, обязательствамъ и интересамъ ея семьи [1]).

Ягужинскій, вліяніе котораго усиливалось, не переставалъ внушать царицѣ, что Англія всегда будетъ противодѣйствовать всему, что можетъ усилить славу и выгоды Россіи, а Франція, хотя бы и захотѣла, при всемъ своемъ благорасположеніи, не въ состояніи будетъ отстоять ея интересы; никакія ея обязательства въ пользу безопасности царицы и удовлетворенія ея зятя не приведутъ ни къ чему, ибо, по отдаленности Франціи, ея помощь и ея добрая воля не могутъ быть дѣйствительны. Ягужинскій, со своей стороны, склонялъ Екатерину къ союзу съ Австріей, которая, предлагая ей вѣчный оборонительный и наступательный союзъ, вдобавокъ обѣщала возстановить герцога голштинскаго во владѣніе Шлезвига или, по меньшей мѣрѣ, доставить за него полное удовлетвореніе [2]).

Разногласіе, возникшее между Франціей и Россіей по вопросу о Шлезвигѣ, сдѣлалось камнемъ преткновенія при переговорахъ, которые были, наконецъ, прерваны.

25-го октября 1725 г. Людовикъ XV приказалъ Кампредону не касаться болѣе при переговорахъ вопроса о герцогѣ голштинскомъ. Одновременно съ этимъ французскій посланникъ въ Константинополѣ д'Андрезель, который старался, по мѣрѣ возможности, облегчить Россіи исполненіе договоровъ, заключенныхъ ею въ послѣднее время съ Портою, получилъ приказаніе не оказывать болѣе никакого содѣйствія русскимъ уполномоченнымъ и относиться къ нимъ впредь сдержанно и высокомѣрно [3]).

Въ то время какъ Франція колебалась заключить союзъ со вдовою Петра Великаго, Австрія неоднократно предлагала его. Осенью 1725 г. русскимъ правительствомъ былъ посланъ въ Вѣну Ланчинскій, уполномоченный подписать съ Австріей оборонительный союзъ; вслѣдъ за тѣмъ въ Петербургъ прибылъ австрійскій посланникъ гр. Рабутинъ, на коего было возложено особое порученіе. Австрія надѣялась подкупить Россію обѣщаніемъ совмѣстныхъ дѣйствій противъ турокъ; но переговоры тянулись цѣлый годъ, такъ какъ интересы обѣихъ монархій во многомъ

---

[1]) Кампредонъ королю 30-го октября 1725 г. Сборн. Истор. Общ. т. 64, стр. 36–39.

[2]) Сборн. Истор. Общ. т. 64, стр. 9.

[3]) Письма короля Людовика XV отъ 18-го октября 1725 г. и отъ 1-го марта 1726 года.

расходились. Екатерина не особенно спѣшила связывать себя окончательно обязательствами и вспоминала иногда съ сожалѣніемъ о Франціи.

— Какъ честный человѣкъ, говорилъ однажды Кампредону чрезвычайный посланникъ герцога голштинскаго, Бассевичъ,—увѣряю васъ, что пока договоръ съ вѣнскимъ дворомъ не ратификованъ, и даже если бы въ немъ одной только этой формальности не доставало, царица предпочтетъ союзъ съ Франціей, если она согласится обезпечить договоромъ интересы герцога, государя моего» [1]).

Наконецъ союзный договоръ съ Австріей, заключенный на 30 лѣтъ былъ подписанъ въ Вѣнѣ 25 августа 1726 г. Обѣ державы обязались дѣйствовать на дипломатическомъ поприщѣ не иначе, какъ съ обоюднаго согласія; въ случаѣ нападенія на одну изъ нихъ, другая держава обязывалась выставить вспомогательный корпусъ въ 30 тысячъ человѣкъ. Кромѣ того, договаривающіяся стороны обязались употребить свое посредничество, дабы полюбовно склонить короля датскаго къ удовлетворенію герцога голштинскаго, а если эти посредническія услуги оказались бы недостаточными, то онѣ обязывались прибѣгнуть къ силѣ и не слагать оружія, пока сказанное удовлетвореніе не будетъ достигнуто [2]). Отдѣльная секретная статья договора выяснила истинный смыслъ заключаемаго союза: она гласила, что обѣ стороны обязываются всѣми силами помогать другъ другу въ войнѣ съ турками, какова бы ни была причина войны и кѣмъ бы она ни была объявлена. Такимъ образомъ, договоръ, имѣвшій по отношенію къ прочимъ державамъ характеръ исключительно оборонительный, имѣлъ относительно Турціи характеръ наступательнаго союза.

Этотъ трактатъ, о которомъ исторія упоминала до сихъ поръ только вскользь, какъ бы мимоходомъ, былъ однимъ изъ важнѣйшихъ дипломатическихъ актовъ XVIII столѣтія. Уже нѣсколько лѣтъ передъ этимъ, настойчиво напрашивался вопросъ о томъ, вступитъ ли Россія въ европейскій концертъ и окончитъ ли она свое, такъ сказать, политическое воспитаніе подъ руководствомъ Германіи или Франціи? Вопросъ этотъ оказался рѣшеннымъ въ пользу Германіи. Хотя договоръ 1726 г. не вовлекъ Россію непосредственно въ войну съ Франціей, такъ какъ Австрія и Испанія, заключивъ противъ этой державы союзъ, къ которому примкнула Екатерина I, не рискнули вступить съ нею въ борьбу и ограничились однѣми враждебными демонстраціями, но этотъ договоръ пріучилъ Россію мало-по-малу считать себя въ лагерѣ противниковъ Франціи и подчинилъ ее непосредственно нѣмецкому вліянію. Благодаря дру-

---

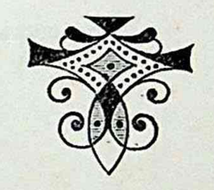
[1]) Депеша Кампредона отъ 3-го января 1726 г.

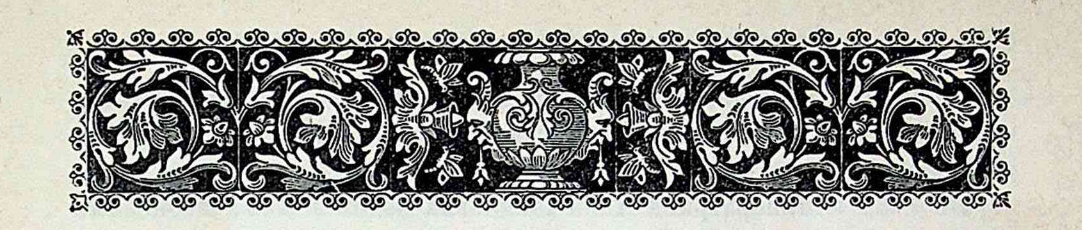
[2]) Маньянъ гр. де-Морвилю, 27-го августа 1726 г. Сборн. Ист. Общ. т. 68, стр. 400.

жескимъ отношеніямъ, установившимся между двумя императорскими дворами, все нѣмецкое пріобрѣло съ теченіемъ времени въ Россіи преобладающее значеніе. Германія дала Россіи администраторовъ, генераловъ, инженеровъ, которые, поступая на русскую службу, не забывали своей родины и внесли на берега Невы нѣмецкіе нравы, нѣмецкія чувства и стремленія. Это мирное, непрерывное завоеваніе неминуемо должно было оставить свои слѣды, которые времени не удалось еще стереть окончательно. Въ частности, вѣнскій договоръ надолго связалъ Россію съ Австріей въ отношеніи политическомъ и военномъ; на конгрессѣ въ Камбрэ въ 1727 г. русскимъ уполномоченнымъ велѣно было во всемъ сообразоваться съ поступками австрійскихъ уполномоченныхъ, и когда русскія войска выступили впервые на поляхъ битвъ средней Европы, имъ пришлось дѣйствовать въ качествѣ резерва Австріи.

В. В

(Продолженіе слѣдуетъ).

РОССІЯ и ФРАНЦІЯ
въ
первой половинѣ XVIII вѣка.

III [1]).

Внѣшняя политика Россіи послѣ Петра I.—Вліяніе Елисаветы Петровны.— Вопросъ о престолонаслѣдіи въ Польшѣ.—Бѣлградскій миръ служитъ сближеніемъ Россіи съ Франціею.—Разговоръ фельдмаршала Миниха съ барономъ Тоттомъ.—Назначеніе князя Антіоха Кантемира посломъ въ Парижѣ, а маркиза Шетарди—въ Петербургъ.—Характеристика послѣдняго и инструкція, ему данная.—Торжественная обстановка путешествія Шетарди по Россіи.—Первое свиданіе его съ Елисаветою.—Призрачные намеки Остермана.—Кончина императрицы Анны Іоанновны.—Симпатіи Елисаветы Петровны къ Людовику XV.—Предложеніе Швеціи содѣйствовать воцаренію Елисаветы за уступку части владѣній, отнятыхъ у нея Петромъ Великимъ.—Отказъ Елисаветы. Вопросъ объ этикетѣ.—Шетарди удаляется отъ двора и переселяется на дачу.—Начало дѣйствій въ пользу Елисаветы.—Причины, побудившія ускорить переворотъ.—Ночь съ 24-го на 25-е ноября 1741 года.—Провозглашеніе Елисаветы императрицею.—Письмо ея французскому королю.

Послѣ кончины Екатерины I, Россія все болѣе и болѣе подпадала подъ вліяніе Австріи, и союзъ, заключенный съ этой державою покойной императрицею, съ теченіемъ времени еще болѣе упрочился. Остерманъ, который руководилъ дѣлами внѣшней политики въ продолженіе четырехъ царствованій, тяготѣлъ къ нѣмцамъ, состоялъ на жалованіи у Австріи, смотрѣлъ ея глазами, слушалъ ее одну, и на поддержку союза съ нею изощрялъ все свое искусство въ дѣлахъ. Благодаря его стараніямъ допускались ко двору лишь люди вполнѣ преданные ему, и русскій дворъ съ

[1]) См. „Русскую Старину", августъ 1897 г.

теченіемъ времени совершенно онѣмечился [1]). Остерманъ поддерживалъ вмѣстѣ съ тѣмъ дружественныя отношенія Россіи къ Пруссіи и его стараніями произошло также сближеніе Россіи съ Англіей.

Въ 1732 г. императрица Анна Іоанновна подписала съ лондонскимъ дворомъ торговый договоръ, поставившій Россію въ зависимость отъ Англіи точно такъ, какъ трактатъ, заключенный съ Вѣною въ 1726 г. поставилъ ее подъ опеку Австріи въ отношеніи политическомъ. Находясь въ союзѣ съ Австріею, первою непріятельницею Франціи, русскій дворъ въ продолженіе бо̀льшей части царствованія Анны Іоанновны былъ въ размолвкѣ съ Парижемъ. Хотя дипломатическія сношенія съ Франціей не были прерваны, но отношенія къ ней Россіи стали въ высшей степени холодны и натянуты. Монархи обѣихъ державъ изрѣдка обмѣнивались церемоніальными письмами, извѣщая другъ друга о какомъ-либо семейномъ событіи, и этимъ обмѣномъ вѣжливости ограничивались всѣ ихъ сношенія. На мѣсто Кампредона, отозваннаго въ 1726 г. не было даже назначено настоящаго, аккредитованнаго посланника, человѣка сколько-нибудь съ вѣсомъ и значеніемъ; обязанности повѣреннаго въ дѣлахъ Франціи исполнялъ, послѣ его отъѣзда, простой секретарь посольства, г. Маньянъ, не получившій отъ своего двора никакихъ оффиціальныхъ дипломатическихъ инструкцій.

Во Франціи, обязанности перваго министра исполнялъ въ то время кардиналъ Флёри, замѣнившій герцога Бурбонскаго. Кардиналъ ничего не ожидалъ отъ Россіи, не возлагалъ на нее никакихъ надеждъ, ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ, и поэтому не добивался съ нею союза. Въ инструкціяхъ, данныхъ имъ Маньяну, намекая на продажность русскихъ вельможъ, онъ дѣлаетъ, между прочимъ, слѣдующее замѣчаніе, характеризующее его взглядъ на пользу, которую могло принести французамъ сближеніе съ Россіей: «Полнѣйшее подчиненіе царицы вѣнскому двору будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, говоритъ онъ, пока ея сановники будутъ имѣть выгоды въ денежномъ отношеніи со стороны императора; допустивъ даже, что удалось бы уменьшить вліяніе вѣнскаго двора, то польза, какую изъ этого можно было бы извлечь, разумѣется не стоитъ тѣхъ затратъ, какія пришлось бы для этого сдѣлать».

Несмотря на столь упрочившееся вліяніе Австріи, въ Петербургѣ была многочисленная партія, порицавшая австрійскую политику русскаго двора. Партія эта, группировавшаяся около дочери Петра Великаго, царевны Елисаветы, ненавидѣла нѣмцевъ и сокрушалась о томъ, что правленіе находилось исключительно въ рукахъ иноземцевъ. Елисавета, вѣрная завѣтамъ своего державнаго отца, при всякомъ удобномъ случаѣ

---

[1]) Маньянъ—Шовелену, 17-го апрѣля 1730 г. и 23-го сентября 1732 г. „Сборн. Ист. Общ.", т. 81, стр. 11 и 453.

заявляла свои симпатіи къ Франціи; ея сторонники часто имѣли свиданія съ Маньяномъ и въ откровенной бесѣдѣ высказывали ему свою ненависть къ Германіи, заявляя, что въ интересахъ Россіи они предпочли бы союзъ съ Франціей, который находятъ въ тысячу разъ выгоднѣе союза съ императоромъ австрійскимъ и съ королемъ прусскимъ. Какъ ни была сильна и вліятельна въ Петербургѣ нѣмецкая партія, но сторонники союза съ Франціей едва не одержали верхъ при дворѣ даже въ царствованіе Анны Іоанновны, такъ какъ фельдмаршалъ Минихъ, имѣвшій чрезвычайное вліяніе на государыню и на Бирона, лично симпатизировалъ Франціи, настаивалъ на союзѣ съ ней, чтобы побороть вліяніе Остермана.

Въ концѣ апрѣля 1732 года Минихъ однажды неожиданно заявилъ Маньяну, что царица, по его совѣту, согласна сблизиться съ Франціей, нарушивъ союзъ съ Австріей. Начались переговоры между Маньяномъ и императрицей при посредничествѣ Миниха, и былъ уже составленъ проектъ союзнаго договора. Анна Іоанновна, взамѣнъ помощи, обѣщанной ею Франціи, требовала, чтобы эта держава обязалась не препятствовать ей возвратить отъ Турціи Азовъ, т. е. имѣть портъ на Черномъ морѣ, и отказалась бы отъ всякаго вмѣшательства въ ея распри съ Польшей.

Дѣйствуя болѣе энергично и рѣшительно, французское правительство могло бы воспользоваться этимъ благопріятнымъ моментомъ для сближенія съ Россіей, но оно не рѣшилось стать открыто на ея сторону, отказавшись отъ своихъ давнишнихъ союзниковъ—Швеціи и Польши, и поэтому отклонило отъ себя какія-либо обязательства. Поэтому переговоры не привели къ желаемому результату, и неудавшаяся попытка къ сближенію съ французскимъ дворомъ еще болѣе утвердила въ Петербургѣ поколебавшееся было вліяніе Австріи [1]).

Первою жертвою союза Россіи съ Австріею была Польша. Съ кончиною короля Августа II, послѣдовавшею 1-го февраля 1733 г., польскій сеймъ избралъ на престолъ Станислава Лещинскаго, тестя французскаго короля Людовика XV. Россія, несогласная съ этимъ избраніемъ, тотчасъ отправила войско, которое вступило въ Варшаву, чтобы смѣстить Станислава и замѣнить его своимъ кандидатомъ,—Августомъ, курфюрстомъ Саксонскимъ, за котораго также стояла и Австрія. Маньянъ подалъ, отъ имени своего государя, протестъ по поводу нарушенія Россіей вольностей Рѣчи Посполитой, но на всѣ его заявленія русское правительство не обратило никакого вниманія. Онъ обращался

---

[1]) Маньянъ сообщалъ своему правительству о ходѣ этихъ переговоровъ въ депешахъ отъ 25-го и 29-го апрѣля, 5-го іюля, 19-го августа и 4-го ноября 1732 г.

*

къ братьямъ Минихамъ, Остерману, графу Головкину совершенно безуспѣшно. Заявленія его произвели при русскомъ дворѣ очень слабое впечатлѣніе отчасти потому, что онъ не имѣлъ на этотъ предметъ особыхъ оффиціальныхъ полномочій. Русскіе кабинетъ-министры не давали ему никакого отвѣта, ссылаясь на то, что декларація короля относится къ вѣнскому двору, а не къ русскому. Тогда, въ виду ухудшившихся отношеній между Франціей и Россіей, Маньянъ былъ отозванъ и получилъ повелѣніе возвратиться въ Парижъ, куда и уѣхалъ 5-го іюля н. ст. 1732 года.—Онъ привезъ въ столицу Франціи убѣжденіе въ томъ, что пока въ министерствѣ царицы будетъ находиться человѣкъ, до такой степени, какъ Остерманъ, преданный вѣнскому двору, весьма заинтересованному сохраненіемъ союза съ Россіей, нечего и думать о заключеніи союзнаго договора и нечего ожидать отъ такого двора, гдѣ все мѣняется съ минуты на минуту и гдѣ лица, имѣющія преобладающее вліяніе на рѣшеніе царицы, обнаруживаютъ гораздо менѣе преданности къ интересамъ государыни, чѣмъ къ интересамъ императора [1]).

Подарки, присланные вѣнскимъ дворомъ фавориту, съ одной стороны, а съ другой—брачный проектъ, касавшійся принца Бевернскаго и племянницы царицы—погубили окончательно переговоры французскаго уполномоченнаго [2]). Франція не съумѣла обезпечить себѣ союзъ съ Россіей, но отказавшись отъ этого союза, не рѣшилась вступить съ нею въ борьбу. Она не объявила войны Россіи и, ограничившись отозваніемъ своего дипломатическаго представителя, ничего не предприняла для того, чтобы помочь Польшѣ.

Станиславъ просилъ французское правительство дать ему войско—оно послало ему три батальона подъ командою Плело, который погибъ геройскою смертью подъ стѣнами Данцига, не успѣвъ спасти Станислава; это было первое столкновеніе французовъ съ русскими на полѣ битвы. Когда Польша была вынуждена подчиниться волѣ Австріи и Россіи, Франція, подписавъ съ Австріей предварительныя условія вѣнскаго договора (1735 г.), признала этимъ фактъ низложенія Станислава. Такъ какъ она не вела оффиціально войны съ Россіей, то и не заключала съ ней мира, но дипломатическія сношенія не возобновлялись.

Подчиненіе Польши и утвержденіе на польскомъ престолѣ монарха, получавшаго совѣты и инструкціи изъ Вѣны и Петербурга, было осуществленіемъ только одной части проекта, составленнаго императорскими дворами. Это было какъ бы первымъ актомъ задуманнаго имъ политическаго дѣла; второй актъ разыгрался на берегахъ Дуная, и могъ

---

[1]) „Сборн. Ист. Общ.", т. 81, стр. XXII, и 530.

[2]) Маньянъ—Шовелену, 30-го декабря 1732 г. „Сборн. Ист. Общ.", т. 81, стр. 513.

кончиться разгромомъ Оттоманской имперіи. Въ 1736 и 1737 гг. Австрія и Россія объявили послѣдовательно войну Турціи; ихъ войска вступили на турецкую территорію. Тогда Франція, путемъ дипломатическихъ переговоровъ, заступилась за свою давнюю союзницу и на этотъ разъ ея посредничество оказалось удачнѣе.

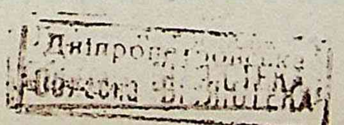
Французскимъ посланникомъ въ Константинополѣ былъ въ то время маркизъ де-Вильневъ—человѣкъ выдающихся способностей. Дѣйствуя умѣло и весьма рѣшительно, онъ успѣлъ посѣять рознь между союзниками и, воспользовавшись неудачею и паникой, овладѣвшей австрійскимъ правительствомъ, добился того, что державы, объявившія войну Турціи, прекратили ее каждая отдѣльно. Русскіе, подъ предводительствомъ Миниха, успѣли овладѣть побережьемъ Чернаго моря и Молдавіей, но послѣ пораженія ихъ союзниковъ вся тяжесть войны обрушилась на нихъ. Въ то же время де-Вильневъ старался вооружить противъ Россіи прочія державы, велъ переговоры о заключеніи союза между Портою и Швеціей и подготовлялъ диверсію шведовъ на Петербургъ. Россіи ничего не оставалось какъ поспѣшно заключить въ 1739 году Бѣлградскій миръ, который и былъ подписанъ при посредничествѣ де-Вильнева.

«Турки должны благодарить за этотъ миръ Магомета и Вильнева»,—сказалъ по этому случаю Минихъ.

Бѣлградскій миръ былъ верхомъ искусства французской дипломатіи XVIII-го вѣка. Благодаря ловкости своего посланника, Франція, не обнажая меча, пріобрѣла огромныя выгоды. Въ силу этого договора Россія была вынуждена очистить Румынскія княжества и срыть укрѣпленія Азова, изъ котораго она думала создать на югѣ крѣпость. Такимъ образомъ ея флоту былъ закрытъ доступъ въ Черное море.

Посредничество Франціи остановило Россію на пути къ Константинополю, но это обстоятельство не воздвигло между обѣими державами непреодолимой преграды, а подготовило, напротивъ, между ними сближеніе. Русскіе вполнѣ оцѣнили осторожность и энергію французскаго дипломата и старались возобновить сношенія съ противникомъ, котораго они научились уважать. По заключеніи Бѣлградскаго мира, для опредѣленія условій эвакуаціи Молдавіи, въ главную квартиру Миниха былъ посланъ французскій офицеръ Тоттъ. Когда онъ уѣзжалъ изъ лагеря, фельдмаршалъ отвелъ его въ сторону и сказалъ, прося передать его слова въ точности кардиналу Флёри:

— Я всегда былъ расположенъ къ Франціи и всю жизнь буду преданъ Россіи; я ничего такъ не желаю, какъ устроить ихъ союзъ, не изъ какихъ-либо личныхъ выгодъ, но ради взаимнаго блага обоихъ государствъ. Эта мысль не новая, я уже дѣлалъ однажды въ этомъ смыслѣ предложенія французскому двору. Его высокопреосвященство не управлялъ въ то время дѣлами, но онъ можетъ потребовать по этому поводу

справку, которая должна быть въ архивѣ министерства. Я никогда не сочувствовалъ союзу Россіи съ императоромъ и полагаю, что Австріи скорѣе придется воевать, нежели намъ, слѣдовательно, все бремя союза ляжетъ на насъ. Притомъ, я всегда высказывалъ, что императоръ постоянно смотритъ на своихъ союзниковъ, какъ на своихъ вассаловъ, чему доказательствомъ служатъ англичане и голландцы, которые скоро познали всю невыгоду этого союза и отказались отъ него, какъ люди опытные въ смыслѣ политики. Все то, что я тщетно старался доказать тогда, нынѣ подтвердилось на дѣлѣ, ибо союзъ съ императоромъ, не принеся намъ никакихъ выгодъ, привелъ къ тому, что мы остались въ совершенномъ одиночествѣ. Это можно приписать только вѣроломству или безсилію и доказываетъ, во всякомъ случаѣ, пагубу этого союза, ибо быть связаннымъ съ вѣроломнымъ или съ безсильнымъ союзникомъ—одно и то же. По этой причинѣ теперь было бы вполнѣ своевременно возобновить нашъ давнишній проектъ союза съ Франціей.

Намекая на сношенія Франціи со Швеціей и на анархію, господствовавшую въ этомъ королевствѣ, фельдмаршалъ присовокупилъ:

— Франція можетъ дружить со Швеціей и съ нами, но я совѣтовалъ бы ей болѣе дорожить нашей дружбой, нежели дружбой Швеціи. Въ Швеціи всякій прощалыга можетъ пріостановить самые важные переговоры, тогда какъ въ Россіи—неограниченная монархія, и отъ подобнаго правительства можно ожидать болѣе всего помощи.

Императрица Анна Іоанновна взяла на себя иниціативу въ возобновленіи дипломатическихъ сношеній съ Франціей, назначивъ князя Антіоха Кантемира посланникомъ въ Версаль и поручивъ ему оффиціально благодарить Людовика XV за его посредничество въ дѣлахъ съ Турціей. Французскому королю пришлось отвѣтить на эту любезность, въ свою очередь назначивъ представителя къ русскому двору. Но Франція хотѣла имѣть при дворѣ Анны Іоанновны скорѣе человѣка, дѣятельность котораго заключалась бы въ наблюденіи и сообщеніи французскому министерству всѣхъ сколько-нибудь выдающихся событій въ Россіи, нежели человѣка уполномоченнаго и способнаго вести переговоры. Она не желала въ сущности сближенія съ Россіей, но старалась, напротивъ, скрѣпить узы, соединявшія ее съ естественными врагами Россіи, возобновивъ съ Портою дружественныя сношенія, а со Швеціей новый оборонительный союзъ. Назначая въ Петербургъ посланника, французское правительство хотѣло только выяснить себѣ положеніе и силы Россіи, устойчивость и надежность ея правительства. Въ запискѣ, составленной французскимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ (іюль, 1739 г.) и долженствовавшей служить инструкціей вновь назначаемому посланнику, ему предписывалось лишь собрать предварительныя свѣдѣнія о положеніи Россіи и партій при русскомъ дворѣ.

При этомъ онъ долженъ былъ обратить особенное вниманіе на лицъ, державшихъ сторону великой княжны Елисаветы Петровны; разузнать, какое значеніе и какихъ друзей она можетъ имѣть, а также настроеніе умовъ въ Россіи, семейныя отношенія, словомъ, все то, что могло бы предвѣщать возможность переворота, причемъ имѣлся въ виду планъ возвести на престолъ великую княжну при содѣйствіи Франціи и замѣнить такимъ образомъ австрійское вліяніе на русскій дворъ французскимъ [1]). Въ Петербургѣ незадолго передъ тѣмъ былъ открытъ заговоръ, въ которомъ была замѣшана Елисавета Петровна [2]); ея фаворитъ Нарышкинъ долженъ былъ бѣжать во Францію, откуда онъ продолжалъ интриговать въ пользу царевны.

Въ столь неопредѣленномъ и щекотливомъ порученіи, какое возлагалось на французскаго посланника, все зависѣло отъ выбора человѣка. Сначала французскій дворъ остановился на графѣ Вогренанѣ, однако этого дипломата устрашили слухи о неудобствахъ жизненной обстановки, ожидающихъ его въ Россіи, и онъ отклонилъ отъ себя предложенное назначеніе. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній версальскій кабинетъ назначилъ на этотъ постъ маркиза Шетарди, который въ теченіе десяти лѣтъ съ успѣхомъ занималъ мѣсто французскаго посланника въ Берлинѣ [3]).

Шетарди былъ типомъ свѣтскаго француза восемнадцатаго вѣка. То офицеръ, то дипломатъ, а прежде всего придворный—онъ обращалъ на себя вниманіе вездѣ, гдѣ ни появлялся. Страстно любившій общество, гдѣ, благодаря своему изяществу и галантности, онъ имѣлъ большой успѣхъ и насчитывалъ столько же друзей, какъ и враговъ, привлекая однихъ своей любезностью и личнымъ обаяніемъ и возстановляя противъ себя другихъ своимъ подвижнымъ и вспыльчивымъ нравомъ. Одаренный быстрой и развитой сообразительностью, живымъ умомъ, а съ другой стороны—легкомысленный, отважный, увѣренный въ себѣ и безразсудно пылкій, онъ жертвовалъ всѣмъ ради желанія блистать, играть какую-нибудь видную роль; отваживался на самыя смѣлыя предпріятія, не предусматривая ихъ исхода, и лишался, благодаря своему легкомыслію, плодовъ, пріобрѣтаемыхъ его искуснымъ веденіемъ дѣлъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ высокомѣрный, ревниво охраняющій достоинство своего званія, преданный своимъ привилегіямъ, въ качествѣ дворянина и посла, не уступавшій ни въ чемъ, касающемся церемоніала—онъ обсуждалъ пу-

---

[1]) „Сб. Ист. Общ.“, т. 86, стр. 76—96.

[2]) Еще въ 1733 г. Маньянъ писалъ изъ Петербурга: „Здѣшнему государству грозитъ переворотъ, вслѣдствіе чрезвычайно сильнаго желанія всего русскаго народа освободиться отъ ига чужеземнаго владычества“. „Сборн. Ист. Общ.“, т. 81, стр. 532.

[3]) Іоахимъ маркизъ де-ла-Шетарди род. 1705 г. † 1758 г. Ему было при отъѣздѣ въ Петербургъ 35 лѣтъ.

стыя подробности весьма серьезно, а дѣла—иногда легкомысленно. Въ чемъ онъ выказалъ себя великимъ мастеромъ—это въ искусствѣ сорить деньгами, истинно по-барски. Уже съ самыхъ раннихъ лѣтъ Шетарди не имѣлъ недостатка въ примѣрахъ блестящаго мотовства. При тѣхъ дворахъ, гдѣ онъ являлся уполномоченнымъ лицомъ, онъ вызывалъ восторгъ великолѣпіемъ своего образа жизни; всѣ ставили въ примѣръ его экипажи, одежду, блескъ устраиваемыхъ имъ пріемовъ, ливреи его слугъ. Онъ могъ бы давать иностранцамъ уроки чопорнаго этикета и утонченной элегантности, но, къ сожалѣнію, его политика слишкомъ часто напоминала салонную интригу, и ему не разъ приходилось въ томъ раскаиваться. Таковъ былъ человѣкъ, игравшій видную роль въ Петербургѣ при воцареніи Елисаветы Петровны.

Онъ прибылъ въ Россію въ исходѣ 1739 г. Русскій и французскій дворы были того мнѣнія, что возобновленіе между ними сношеній должно совершиться самымъ торжественнымъ образомъ; оба посланника, русскій и французскій, получили званіе чрезвычайныхъ пословъ, которое требовало отъ лица, имъ облеченнаго, особой представительности и давало право на особыя почести. Эта видная роль подходила какъ нельзя болѣе къ характеру маркиза Шетарди.

Онъ привезъ съ собою многочисленную свиту, состоявшую изъ 12-ти кавалеровъ, секретаря, 8-ми духовныхъ лицъ, 6-ти поваровъ, 50-ти пажей, камердинеровъ и ливрейныхъ слугъ. Проѣздомъ въ Дрезденѣ онъ поразилъ дворъ, слывшій однимъ изъ изысканнѣйшихъ дворовъ Германіи.

«Платья Шетарди, писалъ Мантейфель, прусскій посланникъ въ Саксоніи, — самыя великолѣпныя и самымъ лучшимъ образомъ исполненныя изъ виданныхъ когда-либо въ Россіи. По словамъ маркиза, онъ покажетъ русскимъ во всѣхъ отношеніяхъ, что́ значитъ Франція».

Въ Курляндіи послу былъ оказанъ великолѣпный пріемъ; на его пути были разставлены эшелонами отряды драгунъ, долженствовавшіе конвоировать его; такимъ образомъ онъ прибылъ на границу Россіи.

Переправившись черезъ Двину, у Риги, и сойдя на берегъ, онъ увидѣлъ четыре роты гренадеръ въ полномъ вооруженіи, а на лѣвомъ берегу—роту кирасиръ, артиллерію и конную стражу гражданъ Риги. Войска привѣтствовали его тремя ружейными залпами и 31-мъ пушечнымъ выстрѣломъ. Затѣмъ два депутата отъ города привѣтствовали его рѣчью отъ имени магистрата Риги. На набережной ожидали его и его свиту три кареты, запряженныя въ шесть лошадей. Онъ въѣхалъ въ городъ, предшествуемый музыкантами: однимъ литаврщикомъ и шестью трубачами, за коими шелъ отрядъ изъ 200 всадниковъ конной стражи гражданъ, которые ѣхали по-парно въ разноцвѣтныхъ мундирахъ. У дверей

дома, приготовленнаго для посланника, былъ поставленъ почетный караулъ изъ 50-ти гренадеръ съ полковымъ знаменемъ. Генералъ Бисмаркъ, русскій губернаторъ Риги, принялъ Шетарди при выходѣ изъ кареты, провелъ его въ приготовленные покои и представилъ ему мѣстныхъ чиновниковъ. Пріѣздъ представителя французскаго короля былъ отпразднованъ смотромъ, обѣдомъ и баломъ, и ему отдавали все время почести, подобающія монарху [1]).

Начиная отъ Риги, путешествіе посланника превратилось въ настоящее торжественное шествіе. На станціяхъ при смѣнѣ лошадей и на ночлегахъ онъ былъ встрѣчаемъ представителемъ отъ дворянства. Навстрѣчу Шетарди былъ посланъ одинъ изъ чиновъ императорскаго двора, который былъ при немъ неотлучно; войска отдавали ему воинскія почести, а онъ раздавалъ щедрою рукою золото и подарки. Когда посланникъ подъѣхалъ къ Петербургу, ему было предложено совершить торжественный въѣздъ въ столицу, но онъ скромно отъ этого отказался въ виду того, что въѣздъ русскаго посла въ Парижъ не былъ обставленъ никакою торжественностью. Зато Шетарди рѣшилъ поразить всѣхъ особымъ блескомъ и пышностью на первой же аудіенціи. Въ назначенный для того день онъ отправился во дворецъ въ царской каретѣ, за которой слѣдовали его собственные экипажи, окруженные придворными, которые ѣхали верхами, гайдуками, лакеями и скороходами. Императрица Анна Іоанновна приняла его сидя на тронѣ, съ короною на головѣ, окруженная всѣмъ дворомъ. Посланникъ поразилъ всѣхъ своими безупречными манерами, поцѣловалъ руку императрицы и сказалъ ей весьма краснорѣчивое привѣтствіе [2]), на которое императрица отвѣчала, что, относясь неизмѣнно съ полнѣйшимъ вниманіемъ къ дружбѣ его королевскаго величества, она съ удовольствіемъ пользуется случаемъ къ возобновленію добрыхъ отношеній между ихъ величествами. Заботы, принятыя на себя его королевскимъ величествомъ для возстановленія при его посредствѣ гарантіи мира, заключеннаго недавно императрицей съ Оттоманской Портой, вполнѣ убѣждаютъ ея императорское величество въ значительности услугъ, которыми она обязана королю. Поэтому, чтобы представить его королевскому величеству убѣдительныя доказательства своей признательности, императрица постарается со всѣмъ возможнымъ прилежаніемъ поддерживать дружбу короля и содѣйствовать всему, что будетъ отъ нея зависѣть, для большаго ея укрѣпленія [3]).

---

[1]) Корреспонденція Шетарди 12-го нояб. (1-го дек.), 29-го дек. (9-го янв.) 1739 г. „Сборн. Ист. Общ., т. 86, стр. 152—160.

[2]) Корреспонденція Шетарди 29-го дек. 1739 г. (9-го янв. 1740 г.)

[3]) „Сборн. Ист. Общ.“, т. 86, стр. 169.

Выйдя изъ царскихъ покоевъ, Шетарди тотчасъ отправился къ великой княжнѣ Елисаветѣ Петровнѣ. Это вниманіе со стороны француза къ молодой и красивой собою принцессѣ понятна сама собою, но надобно полагать, что въ этой поспѣшности не послѣднюю роль играли и политическія соображенія. Прочтя внимательно свои инструкціи, Шетарди зналъ, что многіе смотрѣли въ Россіи на Елисавету Петровну какъ на свою законную государыню, несправедливо устраненную отъ престола, на который она имѣла право по своему рожденію, и что эти люди были готовы при первомъ удобномъ случаѣ возвести ее на престолъ.

Двадцати-восьми-лѣтняя красавица, высокая ростомъ, стройная, прекрасно сложенная, съ чудными голубыми глазами съ поволокою, съ прекрасными бѣлокурыми волосами и ослѣпительно бѣлымъ цвѣтомъ лица, чрезвычайно веселая, живая, нѣсколько вѣтреная и легкомысленная, неспособная думать ни о чемъ серьезномъ—такова была въ то время Елисавета Петровна. Она прекрасно говорила по-французски, порядочно понѣмецки, и была какъ бы рождена для Франціи, такъ какъ она любила только блескъ [1]).

Она была весьма тронута вниманіемъ, оказаннымъ ей французскимъ посланникомъ и, несмотря на все свое легкомысліе, никогда этого не позабыла.

Шетарди былъ очарованъ великой княжною; совершенно иное впечатлѣніе произвела не него холодная, апатичная Анна Леопольдовна, къ которой онъ отправился отъ Елисаветы Петровны; онъ былъ принятъ ею и ея мужемъ такъ холодно и нелюбезно, что его самолюбіе было этимъ задѣто и онъ рѣшилъ отомстить имъ за этотъ пріемъ, если къ тому представится случай.

Послѣ утонченности версальскаго двора и простоты, господствовавшей въ Германіи, русскій дворъ съ его увеселеніями, шутами, скоморохами, грубой безвкусной роскошью поразилъ французскаго посланника. Среди этого двора была только одна личность, напоминавшая западные нравы и подходившая къ духу западныхъ націй своими вкусами, своей безъискусственной веселостью и врожденной граціей; это была великая княжна Елисавета.

Шетарди пользовался всякимъ случаемъ быть съ нею; вспомнивъ, что званіе посла давало ему право открывать съ нею при дворѣ балъ, такъ какъ императрица болѣе не танцовала, онъ заявилъ объ этомъ правѣ и настоялъ на своемъ требованіи. Это понравилось великой княжнѣ; она часто повторяла маркизу, что ей извѣстны чувства, которыя питаетъ къ ней король, что она этимъ тронута и постарается поддержать ихъ [2]).

---

[1]) Такъ описывалъ ее польскій посланникъ Лефортъ.

[2]) Письмо Шетарди 5 марта н. ст. 1740 г.

Въ это время Швеція, считая Россію истощенной и обезсиленной послѣднею войною съ Турціей, собиралась отплатить ей за прежнія пораженія, стягивала свои войска въ Финляндію и выражала намѣреніе отнять у русскихъ провинціи, завоеванныя у нея Петромъ Великимъ.

Чтобы отвратить эту опасность и не доводить дѣла до разрыва съ Швеціей, Россія разсчитывала на Францію, зная, какимъ вліяніемъ эта держава пользовалась въ Стокгольмѣ; но петербургскій дворъ изъ гордости не хотѣлъ сдѣлать перваго шага, надѣясь, что Людовикъ XV самъ предложитъ ей свое посредничество. Между тѣмъ, инструкціи, данныя Шетарди предписывали ему дѣйствовать въ этомъ случаѣ какъ можно осторожнѣе и сдержаннѣе, «оставаясь совершенно безучастнымъ къ внушеніямъ подобнаго рода» [1]). Преувеличивая смыслъ этихъ инструкцій, Шетарди никогда не касался дѣлъ въ своихъ бесѣдахъ съ русскими сановниками. Вскорѣ до него дошелъ слухъ, что они чрезвычайно удивлены его молчаніемъ. Наконецъ, петербургскій кабинетъ рѣшился заговорить, впрочемъ, довольно иносказательно и неясно.

— Надо, чтобы стало извѣстнымъ,—сказалъ однажды посланнику Остерманъ,—что мы находимся въ состояніи первобытной невинности.

Иными словами это значило, что Россія считала себя свободною отъ своихъ обязательствъ относительно Австріи и могла предложить новому другу, который съумѣлъ бы плѣнить ее сердце, свободное отъ всякой привязанности. Остерманъ повторилъ эти слова неоднократно, прося Шетарди передать ихъ въ точности кардиналу Флёри.

«Подтвердите г. Остерману, писалъ статсъ-секретарь Амело съ нарочнымъ, 8-го апрѣля н. ст. 1740 г., въ отвѣтъ на это сообщеніе, что мы такіе люди, съ которыми можно вести переговоры, и что, если только мы будемъ имѣть основаніе убѣдиться въ оказываемомъ намъ довѣріи и въ откровенности, то мы съумѣемъ показать на дѣлѣ Россіи, что у нея не можетъ быть друзей болѣе вѣрныхъ, чѣмъ мы» [2]).

Передавая это порученіе Остерману, посланникъ дружески замѣтилъ ему, что Россія дѣйствуетъ недостаточно откровенно.

— Скорѣе мнѣ приходится васъ упрекать въ томъ, въ чемъ вы думаете, что мы заслуживаемъ упрека,—отвѣчалъ старый дипломатъ.

Какъ бы то ни было, обѣ державы готовы были сблизиться и къ этому уже клонились всѣ переговоры, когда въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1740 г. внезапно скончалась императрица Анна Іоанновна. Послѣ кратковременнаго регентства Бирона, правленіе перешло въ руки Анны Леопольдовны.

Въ это время между версальскимъ и петербургскимъ кабинетами

---

[1]) Статсъ-секретарь Амело—Шетарди 17-го (28-го) апрѣля 1740 г.

[2]) Амело—Шетарди 29-го марта (8-го апрѣля) 1740 г.

завязались продолжительные и довольно щекотливые переговоры, вызванные пустяшнымъ требованіемъ церемоніала. Шетарди, назначенный чрезвычайнымъ посломъ французскаго короля при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ лишился этого званія со смертью императрицы; нѣсколько времени спустя ему велѣно было остаться представителемъ Франціи въ Петербургѣ, только въ званіи полномочнаго посланника: оставалось рѣшить вопросъ о томъ, какимъ образомъ онъ представитъ свои новыя ввѣрительныя грамоты. Посланники другихъ державъ удовольствовались аудіенціей у правительницы; Шетарди требовалъ, чтобы ему дозволили представиться самому царю, которому не исполнилось еще въ то время года. Подобное требованіе удивило русскихъ и породило массу самыхъ запутанныхъ вопросовъ. Будетъ ли аудіенція частная или публичная? Вручитъ ли посланникъ свои кредитивныя письма самому ребенку? Положитъ ли онъ ихъ на табуретъ, поставленный у подножія трона или вручитъ ихъ правительницѣ, которая будетъ держать малолѣтняго царя на рукахъ? Все это были вопросы крайне затруднительные и которые обсуждались съ самымъ серьезнымъ видомъ версальскимъ и петербургскимъ дворами, вызвавъ усиленный обмѣнъ депешъ, записокъ и дипломатическихъ писемъ.

Въ это же время скончался австрійскій императоръ Карлъ IV, не оставивъ прямыхъ наслѣдниковъ мужескаго пола, но утвердивъ престолъ за своей дочерью, Маріей-Терезіей, въ силу прагматической санкціи, которая была гарантирована Франціей и Россіей; однако претендентомъ на австрійскія владѣнія, унаслѣдованныя Маріей-Терезіей отъ отца, явился баварскій курфюрстъ Карлъ Альбертъ, встрѣтившій поддержку въ прусскомъ королѣ Фридрихѣ II и даже во Франціи, которая болѣе 200 лѣтъ только и мечтала о томъ, какъ бы унизить Австрію. Прусскій король, поддерживая права курфюрста, рѣшился занять войсками Силезію, тогда Марія-Терезія, видя опасность, угрожавшую ей со стороны Пруссіи и Франціи, стала искать поддержки у Россіи, но правительница Анна Леопольдовна, несмотря на личное свое сочувствіе къ австрійской императрицѣ, ограничилась протестомъ противъ дѣйствій прусскаго короля, но не помогла Маріи-Терезіи ни войскомъ, ни деньгами. Французская дипломатія не играла въ этомъ рѣшеніи никакой роли.

Весною 1741 г., Минихъ, бывшій противникомъ союза съ Австріей, не поладивъ съ герцогомъ Брауншвейгскимъ, былъ отрѣшенъ отъ занимаемыхъ имъ должностей; австрійская партія восторжествовала и въ тотъ моментъ, когда Франція стала открыто на сторону враговъ Маріи-Терезіи, подписавъ вмѣстѣ съ Пруссіей, Баваріей и Саксоніей союзный договоръ, Россія готовилась выступить на защиту королевы венгерской и послать ей на помощь 30.000 войска. Въ это же время прибылъ въ Петербургъ англійскій уполномоченный Финчъ: Англія предлагала браун-

швейгскому дому обезпечить за нимъ русскій престолъ, если Россія обѣщаетъ помогать ей въ ея борьбѣ съ Франціей. Правительница согласилась на эти предложенія и, подписавъ договоръ, представленный ей Финчемъ, присоединилась открыто къ недругамъ Франціи [1]).

Шетарди предвидѣлъ это рѣшеніе, но не старался устранить его; зная непріязненное отношеніе брауншвейгскаго дома къ Франціи и питая въ душѣ непримиримую вражду къ правительницѣ, которую онъ выводилъ изъ себя своимъ формализмомъ, онъ полагалъ, что Франціи отъ нея нечего ожидать и что Россія, управляемая нѣмцами, рано или поздно, всецѣло подпадетъ подъ вліяніе Австріи. Онъ былъ увѣренъ, что русскій дворъ измѣнитъ свою политику только съ перемѣною правленія и для того, чтобы вырвать Россію изъ рукъ нѣмцевъ, по его мнѣнію, было одно средство: совершить государственный переворотъ. Это казалось дѣломъ довольно легкимъ, такъ какъ большинство русскихъ ненавидѣло господствовавшую нѣмецкую партію. Составить заговоръ, положить конецъ господству иноземцевъ, возвести на престолъ Елисавету, которая душою и сердцемъ напоминала француженку — таковъ былъ планъ, осуществленію котораго предался всею душею маркизъ Шетарди.

Извѣстны любовь и преданность, какую питали къ Елисаветѣ Петровнѣ войско и народъ, какія надежды возлагали на нее русскіе, обожавшіе въ ея лицѣ дочь Петра Великаго; однако, несмотря на ея доступность, несмотря на массу друзей, у Елисаветы не было того, что называется партіей, т. е. извѣстнаго числа дисциплинированныхъ людей, которые подчинялись бы одному лицу и были бы на все готовы по первому знаку.

Для того, чтобы образовать партію и руководить ею, необходимы терпѣніе и притворство, а Елисавета Петровна была легкомысленна и несдержанна, притомъ, главнымъ двигателемъ всякаго заговора являются деньги, которыхъ у великой княжны не было. Помочь ей совѣтомъ, снабдить ее деньгами, поддерживать въ ней энергію и бодрость духа, необходимые для столь рискованнаго предпріятія, взялъ на себя французскій посланникъ.

Въ царствованіе Анны Іоанновны ему ни разу не удалось видѣться и говорить съ принцессой наединѣ. Всякій разъ, когда онъ являлся къ ней, чтобы засвидѣтельствовать ей свое почтеніе, у нея оказывался какой-нибудь непрошенный посѣтитель, подосланный дворомъ, который поспѣвалъ какъ разъ во-время, чтобы присутствовать при ихъ разговорѣ.

Въ правленіе Анны Леопольдовны первый шагъ къ сближенію былъ

---

[1]) Корреспонденція Шетарди 7-го (18-го) апрѣля, 9-го (20-го) мая 1741 г.

сдѣланъ самой Елисаветой. Окруженная шпіонами, она довѣряла только своему врачу и другу, ганноверскому уроженцу Лестоку. Ловкій въ искусствѣ завязать интригу, онъ не имѣлъ смѣлости довести ее до конца, но по своей глубокой преданности къ великой княжнѣ какъ бы самою судьбою былъ предназначенъ къ скромной роли довѣреннаго лица и посредника.

Лестокъ заѣхалъ однажды во французское посольство, и распространившись о симпатіи великой княжны къ Франціи, намеками далъ понять посланнику о надеждахъ, которыя возлагала на него Елисавета. Шетарди понялъ съ полуслова и тотчасъ же поѣхалъ къ принцессѣ, которую онъ засталъ на этотъ разъ одну. Она открыла ему свою душу, горько жаловалась на правительницу, незаконно владѣющую престоломъ, и присовокупила, что какъ дочь Петра Великаго она вѣрна завѣтамъ отца и полагается на дружбу Франціи для поддержанія ея правъ [1]).

Во время этой бесѣды она не разъ съ особеннымъ чувствомъ упоминала имя французскаго короля, и Шетарди подмѣтилъ, что она питаетъ къ нему какую то особенную романическую привязанность. Ей были извѣстны, конечно, переговоры, которые велись о ея бракѣ съ Людовикомъ XV; слыша со всѣхъ сторонъ похвалы уму и красотѣ молодаго короля, она питала къ этому монарху, котораго она никогда не видѣла, но женою котораго могла бы быть, чувство какой-то особенной нѣжности, смѣшанное съ любопытствомъ; воспоминаніе о немъ преслѣдовало ее какъ очаровательное, мимолетное видѣнье. Подобное настроеніе было весьма благопріятно для плана, составленнаго Шетарди, но онъ не считалъ себя въ правѣ дѣйствовать, не снесшись предварительно со своимъ правительствомъ, такъ какъ, по его собственному выраженію, посланникъ, не имѣющій иструкцій, все равно что «незаведеные часы».

Французскій дворъ колебался вступить на тотъ путь, который указывалъ ему рѣшительный и предпріимчивый маркизъ. Вмѣшаться тайнымъ образомъ въ домашнія распри посторонней державы, дать деньги для составленія заговора противъ существующаго правительства и сдѣлать французскаго короля сообщникомъ этого заговора—казалось дѣломъ довольно рискованнымъ. Получивъ первыя предложенія своего посланника, версальскій кабинетъ попросилъ время на размышленіе. Но мало-по-малу желаніе устранить въ Петербургѣ нѣмецкое вліяніе и замѣнить его французскимъ взяло верхъ надъ всѣми прочими соображеніями; тѣмъ болѣе что въ XVIII-мъ вѣкѣ государства не придерживались еще современнаго принципа невмѣшательства въ чужія дѣла, поэтому французское министерство пришло мало-по-малу къ убѣжде-

---

[1]) Корреспонденція Шетарди 3-го (14-го) января 1741 года.

нію, что «это дѣло вполнѣ заслуживаетъ серьезнаго вниманія короля и что не слѣдуетъ огорчать принцессу Елисавету отказомъ» [1]).

Нѣсколько времени спустя, оно высказалось опредѣленнѣе.—Шетарди велѣно было передать царевнѣ, что Франція предоставляетъ въ ея распоряженіе свои средства, свой кредитъ и готова помогать ей своими совѣтами. Желая польстить тайной склонности Елисаветы, Шетарди старался увѣрить ее, что король, содѣйствуя ея планамъ, занятъ лишь ею и ея выгодами; онъ ссылался на удовольствіе, какое испытаетъ король, содѣйствуя такимъ цѣлямъ, и увѣрялъ Елисавету, что дѣйствія короля всегда будутъ направлены единственно къ удовольствію видѣть ее счастливой и возсѣдающей на престолѣ; что король охотно доставитъ средства для такихъ издержекъ, какъ только она увѣдомитъ, какимъ образомъ это можно будетъ сдѣлать, соблюдая тайну, и что когда бы его величество увидѣлъ принцессу Елисавету и уступилъ бы чувствамъ, какія она весьма способна внушать, то и тогда бы онъ не могъ заниматься еще болѣе тѣмъ, что ее интересуетъ, и что онъ будетъ считать себя вполнѣ вознагражденнымъ, если ему достанется слава возведенія на престолъ принцессы, заслуживающей этого во всѣхъ отношеніяхъ [2]).

Елисавета Петровна, со своей стороны, не замедлила высказать, что она тронута тѣмъ, что король желаетъ для нея сдѣлать и, руководимая живѣйшею признательностью, ни минуты не замедлила бы ее высказать, взявъ на себя честь написать его величеству, если бы соображенія, которымъ она оказывается подчиненной, не лишали ее средствъ къ тому. Тѣмъ скорѣе она поспѣшитъ вознаградить за упущенное, если дѣла примутъ счастливый оборотъ: ни о чемъ не будетъ тогда заботиться сильнѣе, какъ о томъ, чтобы всю свою жизнь представлять доказательства своей благодарности королю [3]). Оставалось только выработать планъ совмѣстныхъ дѣйствій.

Въ это самое время отношенія Россіи къ Швеціи обострились; возможность войны становилась все болѣе и болѣе вѣроятною, такъ какъ Швеція не могла примириться съ потерею провинцій на восточномъ побережьи Балтійскаго моря и собиралась возвратить ихъ силою оружія. Елисавета и Лестокъ хотѣли выждать начала войны и воспользоваться смятеніемъ, какое вызоветъ при петербургскомъ дворѣ вѣсть о приближеніи непріятеля, чтобы подать сигналъ къ возстанію. Франція одобрила, въ принципѣ, этотъ планъ, но съ нѣкоторымъ измѣненіемъ.

---

[1]) Письмо Амело—Шетарди 12 (23) января и 23 января (2 февр.) 1741 г.

[2]) Письмо Шетарди 2 мая н. ст. 1741 г. „Сборн. Истр. Общ." т. 92, стр. 516.

[3]) „Сбор. Ист. Общ." т. 92 стр. 517.

Содѣйствуя государственному перевороту, она хотѣла имъ воспользоваться не только для того, чтобы сблизиться съ Россіей, но чтобы возстановить на ея счетъ прежнее величіе Швеціи. Преслѣдуя эту цѣль, французское правительство выразило желаніе, чтобы между стокгольмскимъ дворомъ и Елисаветой Петровной установилось нѣкотораго рода соглашеніе, а именно, Швеція обязалась бы напасть на русскихъ по первому требованію, а Елисавета, со своей стороны, обѣщала бы, вступивъ на престолъ, возвратить ей часть Прибалтійскихъ провинцій, завоеванныхъ Петромъ Великимъ.

«Ничего не будетъ упущено, писалъ статсъ-секретарь Амело Шетарди, для побужденія шведовъ оказать помощь перевороту и даже для доставленія имъ возможности нанести рѣшительный ударъ, какъ только мѣры будутъ, повидимому, хорошо приняты. Но, по всей вѣроятности, въ награду за такую значительную услугу, они пожелаютъ возвращенія, по крайней мѣрѣ части отнятыхъ у нихъ областей. Если вы въ состояніи будете склонить принцессу Елисавету къ такой жертвѣ, вы окажете громадную услугу королю, для котораго всегда будетъ выгодно сдерживать Россію въ ея прежнихъ границахъ» [1]).

Поступая такъ, Франція не приняла во вниманіе патріотизмъ и дочернюю любовь великой княжны. Соглашаясь воспользоваться услугами Швеціи и даже вызвать ея на войну съ Россіей, Елисавета Петровна сочла бы измѣною противъ Россіи и противъ памяти своего отца— отказаться отъ завоеваній, которыя должны были обезпечить государству сообщеніе съ моремъ и защищать доступъ къ основанной Петромъ Великимъ столицѣ. Возвратить Прибалтійскія губерніи—значило бы вернуться на полвѣка назадъ; возможно ли было вычеркнуть изъ лѣтописей исторіи Полтавскую побѣду? Лучше было отказаться отъ престола, нежели получить его такой цѣной. Понятно, что относительно этого пункта Елисавета оставалась непреклонною.—Несмотря на всѣ настоянія Шетарди и шведскаго посланника, барона Нолькена, она на отрѣзъ отказалась уступить хотя бы одну пядь русской земли. Шведскому посланнику даже не удалось добиться отъ великой княжны никакого письменнаго ходатайства о помощи со стороны Швеціи, которое служило бы законнымъ оправданіемъ его дѣйствій, но которое было бы вмѣстѣ съ тѣмъ оффиціальнымъ доказательствомъ соглашенія Елисаветы Петровны съ врагами государства [2]).

Это упорство со стороны великой княжны было первою помѣхою къ осуществленію плана, составленнаго маркизомъ Шетарди; а затѣмъ вскорѣ явилось другое препятствіе: пререканія объ этикетѣ, возникшія

[1]) Амело—Шетарди 5 (16) февраля 1741 г.

[2]) Корреспонденція Шетарди 14 (25) февраля 1741 г.

между Франціей и Россіей по поводу представленія посланника малолѣтнему царю. Переговоры по этому поводу затянулись и угрожали повести къ разрыву дипломатическихъ сношеній. Въ маѣ мѣсяцѣ 1741 г. Шетарди приказано было объявить графу Остерману, что онъ прерветъ всякія сношенія съ русскимъ правительствомъ, если ему не будетъ дозволено представить свои ввѣрительныя грамоты самому царю. Остерманъ не хотѣлъ отвѣчать на это требованіе рѣшительнымъ отказомъ и въ то же время не хотѣлъ согласиться на аудіенцію у царя, который былъ слабъ здоровьемъ и которому въ то время не исполнилось еще года.—Поэтому во избѣжаніе всякихъ объясненій, онъ прибѣгнулъ къ своему обычному способу, когда находился въ затрудненіи или когда отстаивалъ неправое дѣло—онъ заболѣлъ. При свиданіи съ Шетарди Остерманъ сталъ уклоняться отъ прямаго отвѣта и вдругъ почувствовалъ себя худо.—Жизнь моя, говорилъ Остерманъ, есть цѣпь страданій.—Внезапно овладѣвавшіе имъ мнимые болѣзненные приступы заставили его дѣлать тысячи гримасъ; его кресло никакъ не могло доставить ему покойнаго положенія, онъ обливался обильнымъ потомъ; жестокій кашель душилъ его, причемъ онъ нѣсколько разъ отиралъ лицо, прикрываясь платкомъ. «Онъ искоса бросалъ на меня, писалъ Шетарди взгляды, стараясь лучше проникнуть мои мысли» [1]).

Не получая на свои требованія категорическаго отвѣта, Шетарди прекратилъ дипломатическія сношенія съ русскимъ дворомъ, и вслѣдствіе этого потерялъ возможность оффиціально посѣщать Елисавету Петровну, которая еще не рѣшалась видѣться съ нимъ тайно. Посредникомъ между ними при переговорахъ служилъ нѣкоторое время баронъ Нолькенъ, но шведскій дворъ вскорѣ отозвалъ его, не назначивъ ему преемника. Лестокъ являлся иногда на свиданія, назначаемыя ему Шетарди, но боязнь наказанія, а можетъ быть и ссылки, парализовала его языкъ. Въ домѣ, гдѣ происходили эти свиданія, при малѣйшемъ шумѣ на улицѣ, Лестокъ быстро подходилъ къ окну и считалъ уже себя погибшимъ [2]).

Дѣйствительно, подозрѣніе двора уже было возбуждено. Совѣтники правительницы предлагали принять разныя мѣры для ея личной безопасности и, внушая подозрѣнія относительно Елисаветы Петровны, предлагали заточить ее въ монастырь или выдать ее замужъ за иностраннаго принца [3]).

---

[1]) Корреспонденція Шетарди, 5 (16) мая 1741 г. „Сбор. Истр. Общ.“ т. 96, стр. 24.

[2]) Корреспонденціи Шетарди 4 (15) мая 1741 г. „Сборн. Истор. Общ.“ т. 96, стр. 18.

[3]) Тоже 24 марта (4 апр.) 1741 г.

Такъ прошло нѣсколько недѣль, въ теченіе которыхъ Шетарди не видѣлъ великой княжны и ничего не слыхалъ о ней. Его разрывъ съ дворомъ дѣлалъ его подозрительнымъ въ глазахъ русскихъ, лишилъ его всякаго общества и обрекъ на полное одиночество.—Его никто не посѣщалъ, но дюжины шпіоновъ день и ночь слѣдили за домомъ посольства. Пользуясь чудными лѣтними днями, посланникъ переселился на дачу, на берега Невы, въ томъ мѣстѣ гдѣ рѣка, раздѣляясь на нѣсколько рукавовъ, образуетъ такъ называемые Островки. На дачѣ онъ велъ совершенно отшельническій образъ жизни, къ которому, какъ выражался онъ, не чувствовалъ никогда ни малѣйшаго призванія [1]), и томясь бездѣйствіемъ, обвинялъ Елисавету въ легкомысліи и равнодушіи къ ея собственнымъ интересамъ. Но эти обвиненія были напрасны, царевна не забыла его и всячески старалась устроить съ нимъ свиданіе. Она прогуливалась въ сумерки въ лодкѣ по рѣкѣ и нѣсколько разъ проѣзжала вблизи его сада, который выходилъ на Неву; сидя вечеромъ на берегу, наслаждаясь прохладою, посланникъ видѣлъ иногда таинственную гондолу, скользившую по рѣкѣ; человѣкъ, сидѣвшій на кормѣ время отъ время трубилъ въ охотничій рогъ, какъ бы желая этимъ обратить на себя вниманіе, но Шетарди не подозрѣвалъ, что въ этой гондолѣ сидѣла Елисавета, спрятавшись за своей свитою и что, приказывая трубить въ рогъ, она хотѣла этимъ обратить вниманіе маркиза и вызвать его на свиданіе. Когда это не удалось, она хотѣла купить домъ возлѣ его дачи, но побоялась возбудить подозрѣнія двора. Наконецъ, въ началѣ августа, сгорая отъ нетерпѣнія, она послала къ маркизу своего камергера Воронцова, чтобы условиться съ нимъ насчетъ свиданія. Было рѣшено встрѣтиться на слѣдующій день какъ бы нечаянно по дорогѣ въ Петербургъ. Но въ самый послѣдній моментъ, Елисавета не рѣшилась выѣхать, зная что за каждымъ ея шагомъ слѣдятъ [2]).

Въ августѣ мѣсяцѣ произошелъ окончательный разрывъ съ Швеціей. Стокгольмскій дворъ, подстрекаемый Франціей, объявилъ войну Россіи, причемъ текстъ манифеста былъ продиктованъ французскимъ посланникомъ въ Швеціи, Мондамеромъ. Все это было извѣстно правительницѣ и казалось, что ей слѣдовало послѣ этого порвать всякія сношенія съ Франціей, но случилось совершенно обратное.—Русскій дворъ сдѣлалъ видъ, что ему ничего неизвѣстно и, желая отдѣлаться отъ посторонних затрудненій, въ тотъ моментъ, когда ему угрожала серьзная опасность, онъ уступилъ требованіямъ французскаго прави-

---

[1]) Корреспонденція Шетарди, 4 (15) августа 1741 г.

[2]) Корресnúmод. Шетарди 7 (18) іюля, 20 іюля (1 авг.) и 28 іюля (8 августа) 1741 года.

*

тельства относительно церемоніала.—Шетарди получилъ наконецъ давно желаемую аудіенцію у царя и снова появился при дворѣ. На первомъ же пріемѣ онъ встрѣтился съ Елисаветой Петровною и въ разговорѣ съ нею высказалъ, что несмотря на справедливыя основанія, существовавшія у короля для отозванія посланника изъ Петербурга, онъ повелѣлъ ему оставаться въ Россіи единственно для того, чтобы отстаивать интересы царевны.

— Его величество, говорилъ Шетарди, занятъ изысканіемъ средствъ для возведенія вашего высочества на престолъ, и, если ради этой цѣли, онъ уже заставилъ своихъ союзниковъ, шведовъ, взяться за оружіе, то король съумѣетъ также ничего не пощадить, чтобы дать имъ возможность оказать вамъ наилучшее содѣйствіе.

Елисавета искренно благодарила посланника и сообщила ему, что въ надеждѣ, что онъ будетъ теперь ее навѣщать, она приняла свои мѣры предосторожности, чтобы не терпѣть никакихъ стѣсненій отъ присутствія какихъ либо лицъ. Елисавета Петровна присовокупила, что по мѣрѣ того какъ недовольство ростетъ, ея партія увеличивается; въ числѣ самыхъ ревностныхъ приверженцевъ, она можетъ считать князей Трубецкихъ и принца Гессенъ-Гомбургскаго; всѣ лифляндцы недовольны и преданы ей; судя по нынѣшнему настроенію, предпріятіе это будетъ имѣть благопріятный исходъ [1]).

Замѣтивъ, что всѣ взоры были устремлены на нее, она не могла продолжать разговора. На другой день Лестокъ имѣлъ свиданіе съ Шетарди въ лѣсочкѣ, смежномъ съ дачею посланника, и обнадежилъ его насчетъ страстнаго желанія Елисаветы какъ можно скрѣе приступить къ исполненію задуманнаго плана и насчетъ преданности ея друзей.

Съ этого момента возникаетъ заговоръ, коимъ взялась руководить Франція. Восьмидесяти-восьми-лѣтній старикъ—кардиналъ Флёри и серьезный, педантичный статсъ-секретарь Амело рѣшились взять на себя роль заговорщиковъ.—Нити тайной интриги, затѣянной въ Петербургѣ, сходились въ ихъ рукахъ, въ Парижѣ, и ихъ тайные агенты препровождали въ Россію массу денегъ, отъ которыхъ зависѣлъ успѣхъ переворота.

Въ первыхъ числахъ октября 1741 г. въ кафе Фуа, на улицѣ Ришелье, въ Парижѣ, куда часто заходили литературныя знаменитости и писатели, вошелъ молодой человѣкъ. Къ нему вскорѣ присоединился другой посѣтитель, съ коимъ тотъ заговорилъ, предварительно обмѣнявшись съ нимъ условными знаками, и которому онъ вручилъ, съ большими предосторожностями, кошелекъ съ 2.000 дукатовъ (22, 423 франка). Первый молодой человѣкъ былъ агентъ министра иностран-

---

[1]) Шетарди—Амело 2 сент. 1741 г. „Сборн. Ист. Общ.“, т. 96, стр. 347.

ныхъ дѣлъ; второй—былъ г. де-Мань, другъ маркиза Шетарди. Де-Мань отослалъ полученныя деньги своему племяннику, проживавшему въ Россіи. Этотъ молодой человѣкъ былъ извѣстный мотъ и игрокъ, велъ въ Петербургѣ расточительный образъ жизни, поэтому ему было какъ нельзя болѣе естественно прибѣгнуть къ помощи щедраго дядюшки. Въ сущности эти деньги предназначались для Шетарди, на имя котораго нельзя было ихъ послать, не возбуждая подозрѣнія; изъ рукъ маркиза эти деньги разошлись по казармамъ гвардейскихъ войскъ, гдѣ вербовались сторонники Елисаветы Петровны [1]).

Подобнымъ образомъ, французское правительство неоднократно пересылало въ Петербургъ довольно крупныя суммы денегъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ Франціи былъ посланъ въ Петербургъ особый эмиссаръ, которому было приказано увѣрить великую княжну въ нѣжной заботливости, съ какою король печется объ ея интересахъ [2]).

Въ то же время Франція съ успѣхомъ интриговала при разныхъ дворахъ Европы въ интересахъ Елисаветы Петровны. Въ Стокгольмѣ французскіе агенты проводили министровъ, и раздавали пригоршнями деньги въ сенатѣ и въ сеймѣ, чтобы ускорить выступленіе войскъ, которыя должны были напасть на русскія владѣнія. Въ Варшавѣ и Дрезденѣ, французская дипломатія подготовляла умы къ мысли объ ожидаемомъ въ Россіи переворотѣ. Въ Берлинѣ приходилось дѣйствовать осторожнѣе: Фридрихъ II былъ связанъ съ Брауншвейгскимъ домомъ узами крови и, несмотря на то, что ихъ отношенія были довольно холодны, можно было опасаться, что прусскій король отнесется къ планамъ Елисаветы Петровны неодобрительно. Французскому посланнику при дворѣ прусскаго короля было приказано осторожно вывѣдать его взглядъ на этотъ предметъ:

— Родными своими я признаю только моихъ друзей, съ цинизмомъ отвѣчалъ король прусскій [3]).

Душою заговора въ Петербургѣ былъ Шетарди. Чтобы достигнуть цѣли, которая льстила его самолюбію и тщеславію, онъ пустилъ въ ходъ всю свою ловкость. Маркизъ былъ совершенно въ своей сферѣ, когда дѣло шло о замысловатой интригѣ, въ особенности если въ ней была замѣшана очаровательная молодая женщина. Видя, съ какимъ увлеченіемъ и какъ энергично онъ преодолѣвалъ всѣ трудности, можно

---

[1]) Донесеніе Шетарди 22 августа (2 сент.) 1741 и письмо Амело къ Шетарди 21 окт. (2 ноября) 1741 г.

[2]) Объ этомъ упоминаетъ въ своихъ депешахъ Шетарди; эта подробность подтверждается также Фридрихомъ II въ Histoire de mon temps гл. IV стр. 130, (изд. 1789 г.).

[3]) Фридрихъ II. Histoire de mon temps, гл. IV, стр. 133.

было думать, что онъ былъ занятъ любовной интригою, а не политическимъ дѣломъ, за которое онъ могъ поплатиться свободою, а быть можетъ и жизнію. Для довершенія иллюзіи, тутъ были и тайныя свиданія и долгіе часы ожиданія въ назначенномъ мѣстѣ и украдкою брошенные взоры и записочки, которыя писались условно, полусловами; Елисавета называлась въ нихъ «героемъ», Лестокъ—«довѣреннымъ лицомъ», а другой агентъ Шварцъ—«посредникомъ».

Нѣсколько разъ въ недѣлю Шетарди имѣлъ продолжительныя свиданія съ Елисаветой Петровной. Онъ отправлялся къ ней во дворецъ, ночью, переодѣтый, каждый день посылалъ ей записки, одобряя ея планы или высказывая свои замѣчанія, стараясь, съ одной стороны, сдерживать ея излишнюю горячность, а съ другой—поддержать ея довѣріе, которое начинало колебаться.

Правительница Анна Леопольдовна, ея супругъ и сановники предчувствовали угрожавшую имъ опасность, но у нихъ не хватало смѣлости принять какія либо дѣйствительныя и зрѣло обдуманныя мѣры для своей защиты. До нихъ доходили жалобы недовольныхъ, которыя ихъ смущали, точно такъ-же какъ безмолвіе, съ какимъ встрѣчали ихъ войска, когда они проходили мимо нихъ.

— Что съ тобою? почему ты грустишь? спросилъ однажды герцогъ Брауншвейгскій одного изъ самыхъ ревностныхъ приверженцевъ Елисаветы, капитана Семеновскаго полка, стоявшаго на караулѣ во дворцѣ, и положилъ ему въ руку кошелекъ съ 300 дукатовъ.

«Офицеръ, пишетъ Шетарди, былъ очень доволенъ заключительнымъ актомъ этого разговора, но не измѣнилъ изъ-за этого своимъ привязанностямъ» [1]).

Во дворцѣ правительницы то и дѣло совѣщались сановники, не приходя ни къ какому результату. Иной разъ правительница забывала свои опасенія: одну недѣлю она только и была занята мыслію о своемъ фаворитѣ Линарѣ, котораго она женила на своей любимой фрейлинѣ Юліи фонъ-Менгденъ; она осыпала ихъ подарками, посылала имъ брильянты, серебро, мебель и т. п. [2]) Иной разъ страхъ овладѣвалъ

---

[1]) Донесеніе Шетарди 19 (30) мая 1741 г.

[2]) „Графъ Линаръ, который уѣдетъ завтра или послѣ завтра въ Дрезденъ, писалъ Шатарди 12 сентября 1741 г., увозитъ съ собой брильянтовъ на милліонъ пятьсотъ тысячъ франковъ; драгоцѣнные подарки фаворитки оцѣниваются, по крайней мѣрѣ, въ ту же сумму; два перстня, которыми они обмѣнялись при обрученіи, стоятъ, самое меньшее, 50 тысячъ экю, но ничто ни изъ серебра, ни изъ мебели, не можетъ сравниться съ великолѣпіемъ, которое правительницѣ угодно выставлять на показъ въ домѣ, подаренномъ ею и почти заново отдѣланномъ для фрейлины Менгденъ“ (Сборн. Ист. Общ. т. 96, стр. 394).

ею, она вставала ночью, выходила изъ дворца, отправлялась къ старику Остерману и умоляла его не покидать ее. Только одинъ человѣкъ старался поддержать въ ней бодрость духа въ это тревожное время—это Линаръ. Онъ предложилъ рѣшительную мѣру—подвергнуть великую княжну допросу и слѣдствію и заставить отречься отъ правъ на престолъ или арестовать ее [1]).

— Къ чему, вздыхая возразила правительница, это послужитъ? Развѣ нѣтъ еще чертенка, который всегда будетъ смущать нашъ покой? Такъ выразилась она, намекая на герцога Голштинскаго [2]).

Линаръ разузналъ, черезъ своихъ тайныхъ агентовъ, что противъ Брауншвейгскаго дома болѣе всѣхъ интриговалъ маркизъ Шетарди. Онъ сообщилъ Аннѣ Леопольдовнѣ обо всѣхъ проискахъ маркиза и совѣтовалъ арестовать Шетарди, если она не рѣшалась ничего предпринять противъ Елисаветы. Правительница была окружена шпіонами, подкупленными великой княжною; одна изъ ея камеръ-юнгферъ, услыхавъ сказанное Линаромъ, передала его слова Елисаветѣ Петровнѣ, которая предупредила Шетарди, а онъ тотчасъ громко заявилъ во дворцѣ, что если кто нибудь отважится посягнуть на его личность, то онъ вышвырнетъ посягнувшаго изъ окна [3]). Между тѣмъ въ домѣ посольства люди были вооружены, пистолеты заряжены и компрометирующія бумаги сожжены; посольство готовилось выдержать осаду—но никто не дерзнулъ посягнуть на посланника. Смѣлость и невозмутимое хладнокровіе Шетарди невольно внушали къ нему уваженіе. Онъ дѣйствовалъ рѣшительно и чуть не открыто работалъ надъ погибелью тѣхъ, кто мѣшалъ осуществленію его плановъ, но въ то же время относительно правительницы не упускалъ ни малѣйшаго правила, требуемаго этикетомъ и вѣжливостью. Проведя весь день съ Елисаветой, онъ отправлялся вечеромъ во дворецъ, былъ внимателенъ и предупредителенъ къ Аннѣ Леопольдовнѣ, а уѣзжалъ отъ нея на тайныя свиданія съ Лестокомъ и Воронцовымъ.

Елисавета и Шетарди только и ожидали начала непріязненныхъ дѣйствій со стороны шведовъ, чтобы подать гвардіи сигналъ къ возстанію. Они могли начаться со-дня-на-день; по улицамъ Петербурга ежедневно проходили войска, отправляясь въ Финляндію. Неожиданное извѣстіе о томъ, что фельдмаршалъ Ласси, командовавшій русскими войсками въ Финляндіи, вступилъ на непріятельскую территорію и взялъ приступомъ крѣпость Вильманстрандъ, едва не погубило дѣла. Узнавъ объ этомъ, Шетарди поспѣшилъ къ великой княжнѣ и засталъ ее въ отчая-

---

[1]) „Сборн. Ист. Общ.“ т. 96, стр. 427.

[2]) Донесеніе Шетарди 15 (26) сентб. 1741 г.

[3]) Тоже 22 августа (2 сентября) 1841 г.

ніи; онъ старался поддержать въ ней бодрость духа. Ему удалось войти въ сношеніе съ главной квартирой шведскаго генерала, откуда былъ присланъ манифестъ, обнародованный Швеціей, который онъ распространилъ въ городѣ, чтобы навести страхъ на русскій дворъ.

Въ этомъ манифестѣ, стокгольмское правительство, говоря о своихъ дружескихъ чувствахъ къ достохвальной русской націи, объявляло о своемъ намѣреніи напасть на незаконное его правительство, чтобы возстановить права законныхъ наслѣдниковъ престола [1]).

Несмотря на эти увѣренія, Елисавета теряла всякую надежду на скорую помощь со стороны шведовъ; побуждаемая къ тому своей партіей, она была готова ускорить развязку своего плана.

22 ноября (3-го декабря) 1741 г. она возвращалась въ свой дворецъ, совершивъ обычную прогулку, когда Шетарди подошелъ къ ней неожиданно и подалъ ей руку, помогая выйти изъ саней. Выраженіе лица великой княжны, ея голосъ и взглядъ свидѣтельствовали о чрезвычайномъ волненіи; маркизъ видѣлъ, что она не въ состояніи долѣе скрывать своихъ

---

[1]) Донесеніе Шетарди 17-го (28-го) окт., 24-го окт. (4-го нояб.) 1741 г.

Приводимъ текстъ этого манифеста, напечатанный въ переводѣ въ сочиненіи акад. Пекарскаго: „Маркизъ ла-Шетарди въ Россіи".

„Его королевскаго величества, моего всемилостивѣйшаго короля и государя, генералъ-аншефъ его арміи, я, Карлъ-Эмилій Левенгауптъ, графъ, объявляю всѣмъ и каждому сословію достохвальной русской націи, что королевская шведская армія вступила въ русскіе предѣлы не для чего инаго, какъ для полученія, при помощи Всевышняго, удовлетворенія шведской короны за многочисленныя неправды, ей причиненныя иностранными министрами, которые господствовали надъ Россіею въ прежніе годы, а также потребную для шведовъ безопасность на будущее время; а вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы освободить русскій народъ отъ несноснаго ига и жестокостей, съ которыми означенные министры, для собственныхъ своихъ видовъ, притѣсняли съ давняго времени русскихъ подданныхъ, чрезъ что многіе потеряли собственность, или лишились жизни отъ жестокихъ уголовныхъ наказаній, или впадали въ немилость, бѣдственно ссылались въ заточеніе. Вслѣдствіе этого, намѣреніе короля шведскаго состоитъ въ томъ, чтобы избавить достохвальную русскую націю, для ея же собственной безопасности, отъ тяжелаго, чужеземнаго притѣсненія и безчеловѣчной тираніи, и предоставить свободное избраніе законнаго и справедливаго правительства, подъ управленіемъ котораго русская нація могла бы безопасно пользоваться жизнію и имуществомъ, а со шведами сохранять доброе сосѣдство. Этого достигнуть будетъ невозможно до тѣхъ поръ, пока чужеземцы, по своему произволу и изъ собственныхъ видовъ, будутъ свободно и жестоко господствовать надъ вѣрными русскими подданными и ихъ сосѣдями-союзниками. Ради этихъ справедливыхъ намѣреній его королевскаго величества, должны и могутъ всѣ русскіе соединиться со шведами и, какъ друзья, отдаваться сами съ имуществомъ подъ высокое покровительство его величества и ожидать отъ его высокой особы всякаго сильнаго заступленія.

К. Э. Левенгауптъ".

намѣреній и терпѣливо ждать развязки. Зная непостоянство и неустойчивость Елисаветы, онъ понималъ, что, рискнувъ всѣмъ въ первый моментъ, она могла погубить все дѣло минутной слабостью, онъ видѣлъ, что ему необходимо поддержать въ ней мужество, и рѣшился поставить ей на видъ, что если борьба будетъ начата, то единственнымъ спасеніемъ можетъ быть успѣхъ. [1])

— Вы вынуждаете меня,—сказалъ онъ,—ничего не скрывать отъ васъ относительно опасности, какой вы подвергаетесь. Узнайте же, что по свѣдѣніямъ, полученнымъ мною изъ вѣрнаго источника, теперь идетъ рѣчь о томъ, чтобы заключить васъ въ монастырь, и вы бы тамъ уже были, не случись нѣкоторыхъ обстоятельствъ, помѣшавшихъ тому; но какъ нельзя болѣе вѣроятно, что эта отсрочка не будетъ долго продолжаться. Итакъ, чѣмъ же вы рискуете—если даже вашъ замыселъ не удастся, подвергнуться, быть можетъ, на нѣсколько мѣсяцевъ ранѣе той участи, которая вамъ предназначена и которой вы не можете избѣжать при тѣхъ мѣрахъ, какія приняты. Единственная разница лишь та, что, ничего не предпринимая, вы приводите въ отчаяніе вашихъ друзей, тогда какъ, выказавъ свое мужество, вы сохраните сторонниковъ, которыхъ ваше несчастіе лишь сильнѣе побудитъ отомстить за него, избавивъ васъ отъ опасности тѣмъ или инымъ способомъ.

Эти слова поразили Елисавету, она пожелала узнать, изъ какого источника онъ имѣлъ эти свѣдѣнія; его отвѣты убѣдили въ истинѣ сказаннаго и повергли ее въ ужасъ.

Она поблагодарила его за откровенность, присовокупивъ, что если захотятъ довести ее до крайности, то она покажетъ себя истинной дочерью Петра I [2]).

Воспользовавшись ея одушевленіемъ, Шетарди тотчасъ приступилъ къ обсужденію тѣхъ мѣръ, которыя слѣдовало принять.

— Надобно захватить власть неожиданно,—говорилъ онъ,—чтобы все было окончено въ одну ночь, и чтобы Петербургъ, проснувшись, могъ привѣтствовать новую императрицу.

Такъ какъ преданность гвардейскихъ солдатъ была внѣ всякаго сомнѣнія, а на офицеровъ нельзя было вполнѣ полагаться, то было рѣшено дѣйствовать исключительно при помощи солдатъ.

— Вы отнюдь не должны колебаться довѣриться имъ, —говорилъ Шетарди, — положитесь на нихъ вполнѣ, такая довѣрчивость усилитъ ихъ рвеніе.

---

[1]) „Сборн. Ист. Общ.", т. 96, стр. 626 и сл.

[2]) Всѣ эти и послѣдующія подробности заимствованы главнымъ образомъ изъ писемъ Шетарди французскому королю и къ Амело отъ 26-го ноября (7-го декабря) 1741 г., въ которыхъ онъ даетъ отчетъ о совершившемся переворотѣ.

Было рѣшено, что Елисавета, надѣвъ подъ свою одежду кирасу, отправится въ казармы, чтобы привлечь бо̀льшее число войска, и сама поведетъ ихъ къ Зимнему дворцу. Обсудивъ со всей подробностью различные пункты, касающіеся осуществленія переворота, Шетарди коснулся вопроса, интересовавшаго его въ особенности, какъ представителя Франціи. Торжество Елисаветы должно было быть торжествомъ Франціи; съ ея восшествіемъ на престолъ, вліяніе нѣмецкой партіи въ Россіи должно было уступить французскому вліянію. Нанося ударъ правительству, великой княжнѣ слѣдовало, какъ говорилъ ей Шетарди, отдѣлаться отъ всѣхъ своихъ враговъ. Онъ представилъ ей списокъ всѣхъ тѣхъ, кого, по его мнѣнію, слѣдовало арестовать или сослать. Въ этомъ спискѣ были поименованы всѣ тайные и явные приверженцы Германіи; а такъ какъ всѣ важнѣйшія должности были заняты нѣмцами, то оказалось, что французскій посланникъ внесъ въ составленный ихъ списокъ всѣхъ чиновъ правительства, при которомъ онъ былъ аккредитованъ. Во главѣ ихъ стояли имена: Остермана, Миниха, Линара и Юліи Менгденъ [1]).

Условившись относительно подробностей, оставалось только назначить день для переворота; это было отложено до ближайшаго свиданія. На другой день при дворѣ былъ обычный пріемъ; Елисавета Петровна поѣхала во дворецъ. Принцессы играли въ карты въ галлереѣ, возлѣ нихъ толпились придворные и дежурные адъютанты; тутъ же были и всѣ иностранные посланники и между ними Шетарди. Вдругъ правительница встала и прошла съ Елисаветой Петровной во внутренніе покои; ихъ бесѣда была продолжительна, лицо великой княжны, по возвращеніи, выражало сильнѣйшее волненіе.

Не была ли обнаружена тайна Елисаветы, которая была вмѣстѣ съ тѣмъ тайною французскаго короля? вотъ вопросъ, который чрезвычайно встревожилъ Шетарди. Онъ съумѣлъ, однако, скрыть свою тревогу съ искусствомъ тонкаго дипломата, но уѣхалъ изъ дворца ранѣе обыкновеннаго и тотчасъ послалъ за Лестокомъ. Тщетно прождалъ онъ его всю ночь не смыкая глазъ; лейбъ-медикъ явился только на слѣдующій день. Шетарди съ первыхъ же словъ понялъ всю опасность своего положенія. Разговоръ между принцессами всецѣло касался его, маркиза. Правительница, обрисовавъ его самыми мрачными красками, горько жаловалась на его интриги и заявила, что рѣшилась требовать отъ короля отозванія посла; она укоряла Елисавету въ томъ, что она принимаетъ такого человѣка, какъ онъ.

Великая княжна заявивъ, что она можетъ сказать посланнику разъ, другой, что ея нѣтъ дома, но на третій не въ состояніи будетъ отка-

[1]) Письмо Шетарди—Амело, 26-го ноября (7-го декабря) 1741 г.

зать ему въ пріемѣ. Какъ, напримѣръ, могла бы она сдѣлать это пристойнымъ образомъ наканунѣ, когда случай привелъ его къ ней въ ту минуту, когда она, подъѣхавъ къ своему дому, выходила изъ саней.

Но правительница, несмотря на эти доводы, настаивала на своемъ; тогда принцесса лукаво отвѣтила ей:

— Почему же вы не дѣйствуете болѣе простымъ путемъ; вы правительница и располагаете властью; такъ велите Остерману сказать маркизу Шетарди, чтобы онъ болѣе не посѣщалъ моего дома.

— Боже меня сохрани отъ этого,—отвѣчала Анна Леопольдовна,— ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ раздражать людей, подобныхъ ему, и явно давать имъ поводъ къ жалобамъ.

Елисавета отвѣчала, что если графъ Остерманъ, будучи первымъ министромъ и имѣя повелѣніе, не рѣшается сдѣлать что-либо подобное, то она гораздо менѣе можетъ рѣшиться на такой шагъ.

Правительница, оскорбленная такимъ сопротивленіемъ, приняла тогда высокомѣрный тонъ, и великая княжна, въ свою очередь, повысила до нѣкоторой степени голосъ. На этомъ онѣ разстались, обѣ раздраженныя въ высшей степени [1]).

Итакъ, правительница была на-сторожѣ.

Изъ дальнѣйшаго разговора съ Лестокомъ выяснилось, что основою партіи служилъ народъ и солдаты, и что лишь послѣ того, какъ они начнутъ дѣло — лица съ извѣстнымъ положеніемъ и офицеры, преданные принцессѣ, въ состояніи будутъ открыто выразить свои чувства. Тогда Лестокъ потвердилъ вторично, что солдаты на все готовы.

— Въ такомъ случаѣ, — сказалъ Шетарди, — чтобы помочь этимъ храбрымъ гренадерамъ, а также ради славы принцессы, назначимъ моментъ для начала дѣйствій, чтобы Швеція, на основаніи заявленія въ Стокгольмѣ, которое будетъ сдѣлано отъ имени короля, стала дѣйствовать со своей стороны [2]).

Лестокъ отправился за приказаніями къ великой княжнѣ и, не замедливъ вернуться, сказалъ, что Елисавета Петровна предоставляетъ ему право назначить время, когда онъ сочтетъ возможнымъ приступить къ выполненію замысла, и что только въ случаѣ неотразимой опасности она рѣшится, быть можетъ, предупредить срокъ, который онъ назначитъ.

На основаніи этого, Шетарди отправилъ на слѣдующій день курьера къ французскому посланнику въ Швецію, чтобы генералъ Левенгауптъ, стоявшій со своей арміей на границѣ, перешелъ въ наступленіе. Такъ

---

[1]) Шетарди — Амело, 26-го ноября (7-го декабря) 1741 г. „Сборн. Ист. Общ.", т. 96, стр. 631.

[2]) „Сборн. Ист. Общ.", т. 96, стр. 632.

какъ прибытіе курьера въ Стокгольмъ потребовало бы немало времени, то осуществленіе переворота было отложено до ночи съ 11-го на 12-е января н. ст. 1742 г.

Такимъ образомъ приходилось еще цѣлый мѣсяцъ жить въ тревогѣ. Елисавета Петровна покорилась этой необходимости; но въ тотъ самый моментъ, когда Лестокъ вышелъ изъ посольства, въ Петербургѣ было получено извѣстіе, что графъ Левенгауптъ, командовавшій шведскими войсками, двинулся впередъ, и вслѣдствіе этого гвардейскіе полки получили приказаніе быть на-готовѣ къ немедленному выступленію. Этотъ приказъ чрезвычайно смутилъ солдатъ, преданныхъ великой княжнѣ; уходя, они оставляли ее на произволъ ея враговъ.

Въ тотъ же вечеръ, между одиннадцатью часами и полуночью семеро гренадеръ, изъ наиболѣе рѣшительныхъ и энергичныхъ, явились къ ней и съ фамильярностью, которую оправдывала ихъ искренняя преданность, поставили ей на видъ, что они наканунѣ своего выступленія, что они не будутъ болѣе въ состояніи служить ей, и она останется вполнѣ преданой въ руки своихъ враговъ, поэтому нельзя терять ни минуты, и они готовы сами вести ее, если она не сдастся на ихъ увѣщанія и просьбы.

Жребій былъ брошенъ; Елисавета рѣшилась, объявивъ солдатамъ, что она послѣдуетъ за ними и отправится прямо въ Преображенскія казармы.

Въ половинѣ перваго по полуночи 25 ноября, передъ домомъ французскаго посольства остановились сани. Въ нихъ сидѣла Елисавета, закутанная въ шубу. Воронцовъ, Лестокъ, Шварцъ и семеро гренадеръ составляли ея конвой. Она приказала позвонить у дверей посольства и велѣла передать Шетарди, что она «стремится къ славѣ и ни мало не сомнѣвается, что онъ пошлетъ ей вслѣдъ благія пожеланія, такъ какъ она вынуждена, наконецъ, уступить настояніямъ партіи».

Не останавливаясь долго по пути, Елисавета направилась къ казармамъ и прошла прямо въ гренадерскую роту, гдѣ ее ожидали.

— Вы знаете, кто я,—спросила она солдатъ,—хотите слѣдовать за мною?

Солдаты окружили ее, изъявляя готовность служить ей. Тогда она взяла крестъ и стала на колѣни; всѣ послѣдовали ея примѣру.

— Я клянусь этимъ крестомъ умереть за васъ, — сказала Елисавета, — клянетесь ли вы сдѣлать то же самое за меня въ случаѣ надобности?

Клятва была единодушной. Затѣмъ всѣ двинулись подъ предводительствомъ Елисаветы къ Зимнему дворцу.

Только одинъ человѣкъ могъ бы остановить войско—это былъ Минихъ. Унтеръ-офицеръ, командовавшій карауломъ у его дома, былъ

участникомъ заговора; ему было приказано захватить фельдмаршала и отвезти его во дворецъ Елисаветы Петровны.

Стояла страшная стужа; толстый слой обледѣнѣвшаго снѣга покрывалъ землю, заглушая шумъ шаговъ. 200 гренадеръ твердой поступью шли молча около саней, въ которыхъ ѣхала Елисавета; они поклялись другъ другу хранить полное молчаніе по пути и пронзить штыкомъ всякаго, кто будетъ имѣть низость отступить, хоть на шагъ. Отъ преображенскихъ казармъ, расположенныхъ на окраинѣ города, до Зимняго дворца, было очень далеко. Пришлось идти по Невскому проспекту, безмолвному и пустынному. По обѣимъ сторонамъ его высились уже въ то время обширные дома, въ которыхъ жили сановники. Проходя мимо этихъ домовъ, солдаты входили въ нихъ и арестовывали тѣхъ, коихъ имъ велѣно было отвести во дворецъ Елисаветы. Такимъ образомъ они арестовали: фельдмаршала Миниха, графа Остермана, графа Головкина, графа Левенвольде, барона Менгдена и нѣкоторыхъ другихъ лицъ. Въ концѣ Невскаго, у Адмиралтейства, Елисавета вышла изъ саней, опасаясь, чтобы скрипъ полозьевъ не обратилъ вниманія караульныхъ, и пошла далѣе пѣшкомъ. Несмотря на все старанье, ей трудно было слѣдовать за солдатами, которые шли скорымъ шагомъ.

— Матушка наша,—сказали они,—такъ не довольно скоро, надо поспѣшить; подхватили великую княжну и пронесли ее на рукахъ до самаго двора въ Зимнемъ дворцѣ.

Она вошла въ карульню.

— Проснитесъ мои дѣти, — сказала она солдатамъ, — и слушайте меня; хотите ли вы слѣдовать за дочерью Петра I? Вы знаете, что престолъ мнѣ принадлежитъ, несправедливость, причиненная мнѣ, отзывается на всемъ нашемъ бѣдномъ народѣ, и онъ изныаетъ подъ игомъ нѣмцевъ. Освободимся отъ нашихъ гонителей.

Солдаты, видя, что офицеры колеблятся, кинулись на нихъ и обезоружили; одинъ офицеръ былъ бы убитъ прикладомъ, если бы Елисавета не отвела ружья. Она приказала солдатамъ охранять всѣ лѣстницы и выходы, затѣмъ, взявъ съ собою человѣкъ сорокъ гренадеръ, которые поклялись ей не проливать крови, она вошла въ аппартаменты дворца. Караульные, когда она проходила мимо нихъ, отдавали ей честь. Она нашла правительницу въ постели. Анна Леопольдовна не оказала никакого сопротивленія. Въ то же время былъ арестованъ и принцъ Брауншвейгскій. Что касается маленькаго царя, то Елисавета взяла его на руки и, поцѣловавъ его, сказала: «Бѣдный ребенокъ, ты совершенно невиненъ, но родители твои виноваты». Послѣ произведенныхъ арестовъ Елисавета, сѣвъ въ сани, вернулась въ свой дворецъ.

Начинало свѣтать; вѣсть о совершившемся переворотѣ разнеслась по городу. Всѣ лица, недовольные свергнутымъ правитель-

ствомъ, всѣ тѣ, кто былъ преданъ Елисаветѣ—стекались во дворецъ. Около двухъ часовъ по полудни она приняла поздравленіе первыхъ чиновъ имперіи. На улицѣ раздавались восторженные крики народа и войска. Елисавета возложила на себя орденъ св. Андрея, объявила себя полковникомъ четырехъ гвардейскихъ полковъ и полка кирасиръ, показалась народу со своего балкона, прошла черезъ ряды гвардейскихъ войскъ и уѣхала въ Зимній дворецъ.

Какая разница между этимъ торжественнымъ шествіемъ и ея ночной поѣздкой наканунѣ! Конная гвардія и пѣшіе гвардейскіе полки окружаютъ сани императрицы; вдоль улицы стоятъ шпалерами войска, несмѣтная толпа народа привѣтствуетъ Елисавету единодушными криками «ура!»

Пріѣхавъ во дворецъ, она отправилась прежде всего въ придворную церковь, чтобы присутствовать на благодарственномъ молебнѣ. По пути въ церковь ее окружали гренадеры лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка.

— Ты видѣла, матушка наша,—сказали они ей,—съ какимъ усердіемъ мы возстановляли твои справедливыя права. Какъ единственную награду мы просимъ тебя объявить себя капитаномъ нашей роты и чтобы мы первые могли тебѣ присягнуть у ступеней алтаря, въ неизмѣнной вѣрности.

При всѣхъ треволненіяхъ, испытанныхъ ею въ этотъ достопамятный день, Елисавета не забыла о Шетарди. Она извѣщала его ежечасно о ходѣ событій, и когда она уже была провозглашена императрицею, то послала спросить его мнѣнія, что ей слѣдуетъ дѣлать съ юнымъ императоромъ, свергнутымъ съ престола.

— Ея природная доброта и любовь къ отечеству, поручилъ передать ей Шетарди, должны побуждать ее заботиться одинаково какъ о настоящемъ, такъ и о будущемъ: поэтому слѣдуетъ употребить всѣ средства, дабы изгладить самые слѣды царствованія Іоанна VI; лишь однимъ этимъ будетъ ограждена Россія отъ бѣдствій, какія могли бы быть вызваны въ то или иное время обстоятельствами и которыхъ приходится особенно бояться въ здѣшней странѣ, на основаніи примѣра Лже-Димитрія [1].

Въ тотъ же день, въ 6 часовъ вечера, къ Шетарди явился камергеръ съ увѣдомленіемъ, что царица ждетъ его.

«Я тотчасъ отправился ко двору, пишетъ Шетарди Амело; ея императорское величество была чрезвычайно взволнована и чувствовала себя въ какомъ то вихрѣ.

— Что скажутъ теперь наши добрые друзья англичане?—съ живо-

---

[1]) «Сборн. Истор. Общ.», т. 96, стр. 635.

стью спросила она у меня.—Есть еще одинъ человѣкъ,—продолжала она,—на котораго мнѣ интересно было бы взглянуть, это Ботта [1]). Я полагаю, что не ошибусь, если скажу вамъ, что онъ будетъ въ нѣкоторомъ затрудненіи; однако же онъ не правъ, потому что найдетъ меня какъ нельзя болѣе расположенной дать ему 30.000 человѣкъ подкрѣпленія.

При своемъ торжествѣ Елисавета не забыла о Людовикѣ XV.

— Я вполнѣ убѣждена,—сказала она Шетарди, - въ томъ, что его величество приметъ болѣе, чѣмъ кто бы то ни было, участія въ томъ, что случилось со мною счастливаго; я разсчитываю сама ему выразить, какъ я тронута всѣмъ, что онъ для меня сдѣлалъ.

Дѣйствительно, день спустя послѣ переворота, и раньше, нежели иностранные дворы были оффиціально извѣщены объ этомъ событіи, императрица писала французскому королю, выразивъ ему свою благодарность за прошлое и готовность принять на себя нѣкоторыя обязательства въ будущемъ.

«Мы нисколько не сомнѣваемся, любезный братъ и истинный другъ, писала царица, что ваше величество, въ силу дружескихъ чувствъ, питаемыхъ вами къ августѣйшимъ нашимъ предкамъ, не только примете съ удовольствіемъ извѣстіе объ этомъ благопріятномъ и благополучномъ для имперіи нашей переворотѣ, но что вы раздѣлите наши намѣренія и желанія во всемъ, что можетъ послужить къ постоянному и ненарушимому сохраненію и къ вящему упроченію дружбы, существующей между обоими нашими дворами. Мы же, со своей стороны, во все продолженіе нашего царствованія будемъ этимъ, какъ нельзя болѣе, озабочены и съ удовольствіемъ воспользуемся всякимъ удобнымъ случаемъ увѣрить ваше величество въ этомъ искреннемъ и неизмѣнномъ намѣреніи нашемъ [2])».

В. В.

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) Австрійскій посланникъ.

[2]) Письмо Елисаветы Петровны — Людовику XV отъ 28-го ноября ст. ст. 1741 г.

Назначеніе Кн. А. В. Суворова въ дѣйствующую армію въ 1760 году.

Въ сочиненіи А. Ѳ. Петрушевскаго «Генералисимусъ Князь Суворовъ» (т. I стр. 23) сказано, что А. В. Суворовъ, будучи комендантомъ въ Мемелѣ «всячески искалъ себѣ выхода въ армію и наконецъ, неизвѣстно какимъ способомъ, добился».

Помѣщаемый ниже документъ указываетъ на этотъ способъ — Въ февралѣ 1760 г. отецъ Суворова [1]) подалъ на высочайшее имя слѣдующее прошеніе:

1.

По всевысочайшему в. и. в. указу отъ 31-го декабря 759 года сынъ мой, Казанскаго пѣхотнаго полка подполковникъ Александръ Суворовъ, опредѣленъ, по представленію господина генерала-кригсъ-коммисара князя Шаховскаго, къ правленію оберъ-кригскоммисарской должности и изъ полка выключенъ.

2.

А нынѣ оный сынъ мой ко мнѣ пишетъ, что онъ, по своимъ молодымъ лѣтамъ, желаніе и ревность имѣетъ еще далѣе въ воинскихъ операціяхъ практиковаться и службу свою попрежнему продолжать при полку.

И дабы всевысочайшимъ в. и. в. указомъ повелѣно было онаго сына моего отъ правленія оберъ-кригсъ-коммисарской должности исключить и опредѣлить, попрежнему, въ полкъ при заграничной арміи, дабы онъ, по своей ревности, далѣе при оной в. и. в. напусерднѣйшую свою службу продолжать могъ.

Всемилостивѣйшая Государыня! прошу в. и. в. о семъ моемъ прошеніи рѣшеніе учинить. Февраля «   » дня 1760 года.

Къ поданію надлежитъ въ учрежденную при дворѣ в. и. в. Конференцію.

Сообщилъ **А. В. Безродный**.

---

[1]) Василій Ивановичъ Суворовъ, генералъ-аншефъ и сенаторъ. Родился въ 1705 г. скончался въ 1776 г.

РОССІЯ и ФРАНЦІЯ
въ
первой половинѣ XVIII вѣка.

IV [1]).

Гоненіе на нѣмцевъ.—Подражаніе всему французскому.—Симпатія Елисаветы Петровны къ Людовику XV.—Положеніе Франціи относительно Россіи и Швеціи.—Переговоры о мирѣ съ Швеціею.—Враждебное положеніе Франціи.—Поведеніе Шетарди.—Отклоненіе посредничества Франціи въ переговорахъ о мирѣ Россіи съ Швеціею.—Отозваніе Шетарди изъ Петербурга.—Празднества въ Москвѣ по случаю коронаціи.—Отъѣздъ Шетарди.—Политическое положеніе Россіи.—Союзъ съ Англіею.—Возвращеніе Шетарди въ Россію и инструкціи ему данныя.—Прибытіе въ Петербургъ и первое свиданіе съ императрицею.—Интриги Шетарди противъ Бестужевыхъ и высылка его изъ Россіи.

Переворотъ, совершившійся 25-го ноября 1741 года имѣлъ характеръ реакціи противъ преобладанія въ Россіи нѣмцевъ, наѣхавшихъ изъ Германіи и заполонившихъ всѣ главныя должности въ государствѣ. Вступивъ на престолъ, Елисавета Петровна спѣшила такъ или иначе устранить ихъ отъ управленія. Остерманъ и Минихъ были сосланы, прочіе нѣмцы лишились своихъ мѣстъ при дворѣ, въ войскѣ и въ канцеляріяхъ; одинъ только братъ фельдмаршала Миниха сохранилъ свое мѣсто. Солдаты не хотѣли болѣе повиноваться офицерамъ, фамиліи которыхъ озобличали

[1]) См. „Русскую Старину", сентябрь 1897 г.

нѣмецкое происхожденіе; въ Петербургѣ народъ до того былъ озлобленъ противъ нѣмцевъ, что былъ готовъ разорвать ихъ на части; духовенство называло ихъ «исчадіемъ ада» и сравнивало время ихъ господства съ печальной памяти владычествомъ татаръ. Чтобы удовлетворить желаніямъ народа Елисавета должна была ввѣрить правленіе чисто-русскимъ людямъ, каковыми были князь Черкасскій, братья Бестужевы, графъ Воронцовъ и т. д.

Переставъ быть нѣмецкой, оффиціальная Россія все же хотѣла остаться европейской державою. Вступивъ слишкомъ недавно на путь европейской цивилизаціи, она не могла еще обойтись безъ руководителей иностранцевъ, и такъ какъ Франція помогла ей сбросить съ себя нѣмецкое иго, то эта держава, весьма естественно, пріобрѣла въ глазахъ русскихъ первенствующее значеніе.

«Нынѣ Францію здѣсь благословляютъ»,—писалъ Шетарди 5-го (16-го) декабря 1741 г.

«Французскій посланникъ здѣсь первый министръ»,—писалъ о немъ въ то же время представитель Англіи.

Русскіе изъ благодарности сблизились съ Франціей и сдѣлали открытіе, что у нихъ гораздо болѣе общаго съ французами, нежели съ нѣмцами. Дворъ преобразился какъ бы по мановенію волшебнаго жезла: все привитое ему нѣмцами быстро улетучилось; французскій языкъ, нравы и моды сразу пріобрѣли въ Россіи право гражданства.

Недруги Франціи были этимъ чрезвычайно встревожены, и въ томъ, что сближеніе французовъ съ русскими поведетъ и къ политическому союзу между этими державами, въ Европѣ никто не сомнѣвался. Моментъ былъ въ высшей степени важный. Марія-Терезія изнемогала въ борьбѣ съ соединенными войсками Франціи и Пруссіи; ея силы истощались и ей оставалась одна надежда—отвлечь Фридриха отъ коалиціи, составленной противъ нея, уступивъ ему Силезію, которой онъ такъ добивался; ею уже были начаты въ этомъ смыслѣ переговоры съ королемъ. Франко-русскій союзъ предупредилъ бы измѣну короля прусскаго союзникамъ, и, заставивъ его поддерживать интересы Франціи изъ боязни русскихъ войскъ, нанесъ бы этимъ рѣшительный ударъ Австріи.

Въ Петербургѣ всѣ считали этотъ союзъ заключеннымъ и полагали, что, одновременно съ оборонительнымъ союзомъ, будетъ подписанъ и торговый договоръ и что сближеніе двухъ державъ будетъ скрѣплено бракомъ герцога Голштинскаго,—племянника царицы, объявленнаго наслѣдникомъ русскаго престола,—съ одною изъ дочерей Людовика XV. Нѣкоторые шли въ своихъ предположеніяхъ еще дальше, и разсказывали подъ секретомъ о пріѣздѣ изъ Версаля тайныхъ эмиссаровъ, посланныхъ для переговоровъ о бракѣ Елисаветы Петровны съ принцемъ изъ дома Бурбоновъ. Многіе были того мнѣнія, что отнынѣ Франція бу-

детъ играть по отношенію къ Россіи ту же роль, какую играла въ предъидущее царствованіе Австрія, щедро вознаграждая русскихъ сановниковъ за оказываемыя ей услуги. Лестокъ, одинъ изъ ближайшихъ совѣтниковъ Елисаветы Петровны состоялъ уже на жалованьи у Франціи; многія дамы изъ высшаго круга пріѣзжали къ Шетарди, прося выхлопотать имъ пенсіи у французскаго короля.

Елисавета Петровна своимъ поведеніемъ какъ бы поощряла надежды, возлагавшіяся на Францію; она видѣлась съ маркизомъ Шетарди каждый день и постоянно увѣряла его въ своемъ личномъ расположеніи и въ желаніи войти съ Франціей въ тѣсный союзъ. Съ чисто-женскимъ тактомъ и деликатностью она пользовалась каждымъ случаемъ, чтобы выказать свою симпатію и расположеніе къ Франціи и ея монарху.

«Она припомнила, писалъ однажды Шетарди [1]), что царь, ея родитель, привезъ изъ Франціи портретъ короля, имѣвшаго тогда семь или восемь лѣтъ; она немедленно приказала его отыскать и принести».

— Я бы очень желала,—сказала она, Шетарди, разсматривая портретъ со вниманіемъ,—чтобы вы приказали принести находящійся у васъ, чтобы имѣть болѣе вѣрное понятіе о лицѣ его величества.

«Я повиновался, но съ сожалѣніемъ, что портретъ во весь ростъ, который у меня былъ для посольства, не вознаграждаетъ своимъ великолѣпіемъ недостатковъ живописи относительно сходства. Я старался исправить промахи художника, указавъ на его недостатки, по мѣрѣ того, какъ царица дѣлала мнѣ вопросы, или давала мнѣ возможность предупреждать ихъ».

Въ продолженіе довольно длиннаго разговора, касавшагося разныхъ предметовъ, царица замѣтила, что она обратилась спиною къ королевскому портрету, и упрекнула себя въ такой разсѣянности.

— Это не помѣшаетъ,—сказалъ я,—чтобы король представлялся вашему величеству всегда съ самой отличной стороны, какъ только будетъ рѣчь доказать ему на дѣлѣ вашу дружбу.

— Я тѣмъ болѣе убѣждена въ томъ,—возразила она,—и признаюсь вамъ, что съ тѣхъ поръ какъ я начала себя помнить, король былъ только одинъ изъ государей, къ которому я чувствовала склонность.

— Ваше величество, надѣюсь, соизволите,—сказалъ я,—чтобы я передалъ о томъ королю. Если онъ, признавая васъ государынею всея Россіи, увидитъ склонность вашего величества къ тому, чтобы царствовало согласіе между двумя державами, то будетъ въ восторгѣ, что такая прекрасная особа, какъ ваше величество, думала о немъ подобнымъ образомъ.

— Я не противъ того, что вы намѣрены сдѣлать, и буду весьма до-

[1]) Шетарди—Амело, 12-го декабря ст. ст. 1741 г.

вольна, когда король будетъ считать это за поруку искренняго моего желанія быть съ нимъ въ самомъ тѣсномъ союзѣ.

Казалось, никогда еще обстоятельства такъ не благопріятствовали заключенію франко-русскаго союза, но чтобы воспользоваться благопріятнымъ настроеніемъ Россіи, Франціи слѣдовало дѣйствовать съ тактомъ, ловкостью и осторожностью, тѣмъ болѣе, что положеніе ея въ это время было довольно щекотливое. Будучи связана извѣстными обязательствами съ Швеціей, Франція натолкнула ее на войну съ Россіей, когда эта послѣдняя была за-одно съ ея врагами; когда же, вслѣдствіе перемѣны правленія, Россія находилась въ дружескихъ отношеніяхъ, Франція уже не имѣла повода желать, чтобы распря, вызванная ею, продолжалась; но въ состояніи ли она была прекратить ее? Правда, обѣ воюющія стороны искали ея посредничества, но къ сожалѣнію французское министерство, побуждая шведовъ произвести диверсію въ пользу Елисаветы, обнадежила ихъ, что имъ будутъ сдѣланы за это тѣ территоріальныя уступки, отъ которыхъ Елисавета на-отрѣзъ отказалась; мало того, французское министерство весьма легкомысленно обязалось поддержать при веденіи мирныхъ переговоровъ требованія Швеціи о возвратѣ ей прибалтійскихъ губерній. Принявъ на себя столь неосмотрительно подобнаго рода обязательство, Франція не могла уже дѣйствовать безпристрастно въ роли посредника; ей приходилось волей-неволей или измѣнить обѣщаніямъ, даннымъ Швеціи, или возбудить недовѣріе Россіи.

При этихъ обстоятельствахъ Франціи было бы лучше всего, тотчасъ послѣ переворота, склонить обѣ державы заключить миръ на основаніи прежняго statu quo, если бы Швеція изъявила только на это свое согласіе; въ противномъ случаѣ версальскому двору слѣдовало отклонить отъ себя роль посредника и, дѣйствуя вполнѣ искренно и чистосердечно, закрѣпить прочными узами симпатію, которую питала къ Франціи русская императрица.

Но версальскій кабинетъ послѣдовалъ совершено иной политикѣ. Въ тотъ самый день когда Елисавета Петровна возложила на свою главу императорскую корону, Шетарди далъ письменно генералу Левенгаупту совѣтъ пріостановить наступленіе войскъ и готовъ былъ взять на себя отвѣтственность за все, что могло изъ этого произойти.

Статсъ-секретарь Амело высказалъ ему за это строгое порицаніе [1]). Онъ разсчитывалъ, что безпорядокъ, неизбѣжно сопровождающій всякій переворотъ, парализуетъ на нѣкоторое время боевыя силы Россіи и дастъ ея врагамъ возможность одержать надъ ними побѣду. Событія не оправдали этихъ ожиданій. Военныя дѣйствія были возобновлены, но

---

[1]) Амело—Шетарди, 15-го января ст. ст. 1742 г.

шведы послѣ первыхъ же сраженій потерпѣли неудачу. Тогда Франція предложила воюющимъ державамъ свое посредничество.—Переговоры о мирѣ начались въ Петербургѣ зимою 1742 г. и представителемъ стокгольмскаго двора при этихъ переговорахъ явился баронъ Нолькенъ.

Французскій посланникъ сдѣлалъ большую ошибку, предложивъ шведскому уполномоченному остановиться въ домѣ французскаго посольства.

Елисавета Петровна, съ самаго начала переговоровъ заявила, что если она согласится на уплату извѣстнаго вознагражденія за военныя убытки, въ память прошлыхъ услугъ, то она ни въ какомъ случаѣ не согласится уступить ни одной пяди русской земли. Тѣмъ не менѣе баронъ Нолькенъ продолжалъ настаивать на территоріальномъ вознагражденіи, а Шетарди поддерживалъ это требованіе, что не мѣшало однако статсъ-секретарю Амело находить, что онъ «черезчуръ преданъ Россіи» [1]).

Русскіе сановники не раздѣляли этого взгляда: пристрастіе Франціи къ Швеціи было слишкомъ очевидно, но они, до поры до времени, высказывались объ этомъ чрезвычайно сдержанно:

— Мы очень далеки, говорили они, примѣшивать Францію къ нашимъ распрямъ съ Швеціею; напротивъ, мы не будемъ на нее сѣтовать, если она исполнитъ свои обязательства по отношенію къ Швеціи. Мы признаемъ, что Франція не можетъ, поступая честно, уклониться отъ нихъ, но иначе будетъ съ тѣми обязательствами, въ которыя король вступитъ теперь, потому что сколько ему невозможно было предвидѣть будущее относительно прежнихъ обязательствъ, столько на нынѣшнія мы будемъ жаловаться, если его величество, несмотря на нашу приверженность къ Франціи, будетъ искать намъ новыхъ враговъ. Мы надѣемся, что король не измѣнитъ дружбѣ, которую онъ до сихъ поръ постоянно выказывалъ къ царицѣ.

Франція не обратила ни малѣйшаго вниманія на это предостереженіе. Въ этотъ именно моментъ ея дипломаты старались возстановить противъ Россіи новыхъ противниковъ, и они дѣйствовали относительно Россіи совершенно такъ, какъ будто въ Петербургѣ царствовала еще нѣмецкая династія. Франція только-что подписала съ Даніей союзный договоръ (15-го марта 1742 г.) и всѣми силами старалась обезпечить этому королевству тѣсный союзъ съ Швеціей.

Помимо этого, она начала въ Константинополѣ дѣятельные переговоры съ цѣлью принудить турецкое правительство принять по отношенію России угрожающее положеніе, дабы поддержать требованія Швеціи. Французскій посланникъ при Оттоманской Портѣ, маркизъ де-Кастел-

---

[1]) Амело—Шетарди, 20-го февраля (3-го марта) 1742 г.

лану, преувеличивая смыслъ полученныхъ имъ инструкцій, старался превратить оборонительный трактатъ, заключенный между Швеціей и Турціей въ 1740 г., въ наступательный союзъ противъ Россіи. Не успѣвъ добиться отъ бездѣятельнаго Дивана вооруженнаго содѣйствія, онъ убѣдилъ турокъ назначить Швеціи субсидію въ 300.000 піастровъ. Это дало врагамъ Франціи въ руки оружіе для того, чтобы подорвать ея кредитъ въ Петербургѣ.

Австрія и Англія не дремали; узнавъ о домогательствахъ Франціи, они увѣдомили о нихъ русское правительство.

22-го апрѣля 1742 г. къ Шетарди явился Лестокъ; онъ былъ въ отчаяніи. Изъ его словъ маркизъ узналъ, что австрійскій посланникъ, Ботта д'Адорно, передалъ императрицѣ письмо, посланное статсъ-секретаремъ Амело къ французскому посланнику въ Константинополѣ Кастеллану, черезъ Вѣну, и перехваченное австрійской полиціей. Письмо это было написано въ самыхъ оскорбительныхъ для Россіи выраженіяхъ.

Французскій министръ писалъ посланнику, что по его мнѣнію послѣдній переворотъ есть конецъ величія Россіи, что такъ какъ императрица Елисавета не намѣрена поручать важнѣйшихъ должностей въ государствѣ иноземцамъ, то Россія, предоставленная самой себѣ, не преминетъ скоро впасть въ прежнее ничтожество и что Порта, для скорѣйшаго приведенія Россіи въ такое положеніе и чтобы избавиться отъ сосѣда, причинявшаго ей много безпокойствъ, должна торопиться дѣйствовать силою и воспользоваться обязательствами, которыя она имѣетъ съ Швеціею для соединенія съ нею и нападенія на Россію [1]).

Читая это письмо, царица была чрезвычайно огорчена такими видами Франціи въ отношеніи ея, тѣмъ болѣе что до тѣхъ поръ эта держава во всемъ, что касалось ея величества, выказывала совсѣмъ иное.

Увѣдомленный французскимъ посланникомъ объ этомъ непріятномъ происшествіи, Амело протестовалъ сначала съ негодованіемъ противъ приписанныхъ ему словъ. Онъ увѣрялъ, что это письмо до послѣдняго слова сочинено въ Вѣнѣ и что этотъ подлогъ есть плодъ обычной лжи и коварства австрійскаго двора. Нѣсколько времени спустя, возвращаясь, въ одномъ изъ своихъ писемъ, къ этому предмету, Амело мѣняетъ тонъ и уже не оправдывается, а извиняется.

«Въ этомъ письмѣ, пишетъ онъ, не заключалось ничего такого, что могло бы быть истолковано невыгоднымъ для Россіи образомъ; оно имѣло цѣлью единственно держать это государство въ тревогѣ и тѣмъ сдѣлать его сговорчивѣе относительно условій мирнаго договора. Однако, по зрѣломъ размышленіи, лучше не признаваться въ этомъ письмѣ; вѣн-

---

[1]) Шетарди—Амело, 13-го (24-го) апрѣля 1742 г.

скій дворъ выдумывалъ столько лжи, что и эту выдумку легко будетъ приписать на его счетъ» [1]).

Впрочемъ, Амело признавалъ со спокойствіемъ философа, что будетъ очень трудно изгладить дурное впечатлѣніе, произведенное сказаннымъ письмомъ въ Петербургѣ.

Шетарди своимъ поведеніемъ еще болѣе увеличилъ затруднительное положеніе. Въ первые мѣсяцы, слѣдовавшіе за переворотомъ, отуманенный успѣхомъ, увѣренный въ томъ, что онъ навсегда сохранитъ расположеніе Елисаветы Петровны, и можетъ быть льстя себя надеждою, что мимолетный капризъ перейдетъ въ болѣе прочное чувство, онъ широко пользовался выпавшей на его долю удачею и не соблюдалъ мѣры, которую налагало на него званіе дипломата. Его манера держать себя обличала скорѣе признаннаго фаворита, кичащагося своею властью, нежели представителя дружественной Россіи державы. Онъ появлялся во дворцѣ во всякое время дня, отвѣчалъ на поклоны пренебрежительно и высокомѣрно; дежурные офицеры цѣловали ему руку, называя его «батюшкою». Болѣе чѣмъ когда-либо, онъ старался поразить императрицу показной роскошью и самоувѣренностью. Онъ сопровождалъ ее на балъ, на охоту, на прогулки, раздѣляя всѣ удовольствія государыни. Сидя за столомъ возлѣ нея, онъ относился къ ней съ самой любезной предупредительностью и не старался опровергать слухи, льстившіе его тщеславію. Неудивительно, что столь неосмотрительное поведеніе вскорѣ возбудило противъ него зависть и злобу многихъ лицъ, возвратило Австріи утраченныхъ ею друзей и создало новыхъ враговъ Франціи.

Казалось, Шетарди особенно старался возбудить къ себѣ ненависть русскихъ сановниковъ. Однажды, онъ замѣтилъ императрицѣ, что князь Черкасскій плохо владѣетъ иностранными языками.

— Что за бѣда!—отвѣчала Елисавета Петровна,—ведите отнынѣ переговоры прямо со мною, а остальные посланники пусть устроиваются какъ хотятъ.

Французскій посолъ, злоупотребляя даннымъ позволеніемъ, обращался, съ тѣхъ поръ, во всѣхъ важныхъ дѣлахъ непосредственно къ самой императрицѣ и жаловался на ея ближайшихъ совѣтниковъ. Послѣдніе были этимъ чрезвычайно озлоблены и двое изъ нихъ Бестужевы, вице-канцлеръ и гофмаршалъ, рѣшили начать противъ него упорную борьбу. Они успѣли убѣдить императрицу, что Шетарди лучше умѣлъ завязать интригу и устраивать увеселенія, нежели давать разумные и безкорыстные совѣты въ дѣлѣ политики.

Мѣсяцевъ черезъ шесть послѣ переворота, весною 1742 г., Елисавета находила еще удовольствіе въ обществѣ маркиза, но уже болѣе не

---

[1]) Амело—Шетарди, 5-го іюля 1742 г.

совѣтывалась съ нимъ о дѣлахъ. Въ это время письмо, перехваченное графомъ Ботта, охладило ея расположеніе къ французскому правительству. Бестужевы воспользовались этимъ случаемъ, употребили все свое вліяніе на императрицу и послѣ многихъ колебаній съ ея стороны получили отъ нея дозволеніе отклонить французское посредничество въ переговорахъ съ Швеціей.

Заручившись высочайшимъ согласіемъ, Бестужевъ тотчасъ далъ знать Шетарди, что Россія, высоко цѣня важность услугъ короля, предпочитаетъ вести переговоры со Швеціей безъ всякаго посредника.

Самолюбивому маркизу былъ этимъ нанесенъ чувствительный ударъ; онъ льстилъ себя надеждою играть на сѣверѣ ту же роль, какую де-Вилленевъ игралъ на востокѣ. Полный злобы и негодованія, онъ поспѣшилъ во дворецъ воображая, что ему достаточно увидѣть царицу, чтобы она отмѣнила свое рѣшеніе.

Елисавета Петровна, приглашавшая Шетарди нѣсколько разъ въ недѣлю къ ужину и на спектакли, колебалась дать ему аудіенцію по дѣламъ; она заставила его прождать цѣлыхъ два часа.

«Мнѣ ничего не оставалось дѣлать, писалъ маркизъ, какъ болтать съ фрейлинами, чтобы показать видъ, что это задерживаетъ меня во дворцѣ и чтобы слишкомъ большая разница моего положенія не бросилась въ глаза придворнымъ».

Наконецъ онъ былъ принятъ, но напрасно пустилъ онъ въ ходъ все свое краснорѣчіе, переходя отъ просьбы къ укорамъ.

— Обратитесь къ моимъ министрамъ,—неизмѣнно отвѣчала ему на все Елисавета Петровна.

Уступая первому моменту раздраженія, маркизъ тотчасъ просилъ свое правительство отозвать его. Его просьба была удовлетворена.

Елисавета пожалѣла объ этомъ и, удвоивъ вниманіе къ Шетарди, старалась обставить дѣло такъ, чтобы отъѣздъ его не имѣлъ вида немилости. Посланникъ прожилъ въ Россіи еще два мѣсяца, ожидая отъ своего правительства отзывныхъ грамотъ; въ это время онъ былъ предметомъ самаго лестнаго вниманія со стороны императрицы; между прочимъ онъ сопровождалъ дворъ въ Москву, гдѣ Елисавета Петровна короновалась лѣтомъ 1742 г. За коронаціей слѣдовалъ цѣлый рядъ увеселеній; императрица любила балы, маскарады, итальянскую оперу и французскую комедію. Во время этихъ празднествъ, въ Москвѣ появился графъ Морицъ Саксонскій, нѣкогда бывшій въ числѣ претендентовъ на руку Елисаветы Петровны. Онъ вообразилъ, что при свиданіи съ Елисаветой ему удастся вызвать въ ея сердцѣ прежнюю симпатію и быть можетъ получить отъ нея инвеституру Курляндіи. Императрица устроила ему великолѣпный пріемъ, осыпала его почестями и вниманіемъ, но не хотѣла связывать себя никакими обязательствами.

Морицъ Саксонскій и Шетарди сошлись какъ самые близкіе друзья; они оба любили роскошь и удовольствія и принимали участіе во всѣхъ забавахъ императрицы: въ охотахъ, загородныхъ прогулкахъ, импровизированныхъ обѣдахъ за городомъ, въ лѣсу, а равно въ парадныхъ спектакляхъ и ужинахъ, которые устроивались въ дворцовыхъ садахъ.

23-го іюня въ Москвѣ былъ данъ роскошный праздникъ. Блестящая кавалькада придворныхъ дамъ и кавалеровъ разъѣзжала весь вечеръ по иллюминованнымъ улицамъ города; во главѣ ея галопировали Елисавета Петровна, графъ Морицъ Саксонскій и Шетарди. Внезапно разразилась гроза; императрица спряталась со своею свитою въ Кремль, гдѣ она показала присутствующимъ императорскія регаліи, скипетръ, державу и корону, сверкавшую драгоцѣнными камнями. Уже всѣ собирались разойтись, какъ вдругъ государыня спросила Шетарди, можетъ ли она у него поужинать?

Маркизъ нѣсколько дней ожидалъ этой милости и каждый вечеръ дѣлалъ приготовленія къ пріему августѣйшей посѣтительницы. Царица прибыла въ домъ посольства; его фасадъ былъ роскошно декорированъ, по обѣ стороны отъ входа били два фонтана вина (Шетарди выписалъ изъ Франціи 100.000 бутылокъ вина, изъ коихъ 16,800 шампанскаго), въ комнатахъ было накрыто три стола. Елисавета обошла всѣ комнаты, все осмотрѣла; проходя мимо портрета Людовика XV она поклонилась и остановившись разсматривала его въ видимымъ удовольствіемъ. Подъ конецъ ужина она встала и предложила тостъ за здоровье своего брата, короля Франціи; она была очень весела и неоднократно выражала свое совершенное удовольствіе [1]).

Нѣсколько дней спустя Елисавета Петровна отправилась пѣшкомъ на богомолье въ Троицко-Сергіеву Лавру и пожелала, чтобы Шетарди сопровождалъ ее въ придворномъ экипажѣ. Казалось, передъ отъѣздомъ посланника императрица не могла обходиться безъ него. Однако день отъѣзда его приближался. Осыпанный подарками, стоимость коихъ опредѣляли въ одинъ милліонъ, онъ получилъ на прощальной аудіенціи орденъ св. Андрея. Онъ отправился въ путь въ экипажѣ, сдѣланномъ на заказъ по рисунку, набросанному самой императрицею; въ глубину кареты она приказала положить для него нѣсколько бутылокъ стараго венгерскаго вина.

— Францію никогда не исторгнутъ изъ моего сердца,—говорила императрица, прощаясь съ посланникомъ.

Въ глубинѣ души Шетарди надѣялся, что его отсутствіе изъ Россіи будетъ непродолжительно и что онъ вскорѣ возвратится въ Петербургъ при обстановкѣ еще болѣе торжественной. Онъ воспользовался послѣд-

---

[1]) Депеша Шетарди, 25-го іюня 1742 г.

ними бесѣдами съ императрицею, чтобы настроить ее противъ своихъ враговъ; онъ горько жаловался ей на Бестужевыхъ, самыми мрачными красками описалъ ихъ и ихъ козни противъ него и полагалъ, что ихъ опала неминуема. Онъ ѣхалъ съ остановками, не спѣша, въ надеждѣ получить по пути какое-нибудь извѣстіе, которое дало бы ему возможность вернуться обратно.

Изъ Берлина, Дрездена онъ продолжалъ интриговать въ Россіи, велъ секретную переписку съ Лестокомъ, пересылалъ императрицѣ коротенькія записочки, въ коихъ предупреждалъ объ опасности, угрожающей монархамъ, поддающимся вліянію министровъ, которые злоупотребляютъ ихъ довѣріемъ. Во время его остановки во Франкфуртѣ, курьеръ, прибывшій изъ Петербурга, привезъ ему извѣстіе, что царица намѣрена оффиціально просить французское правительство о его возвращеніи.— Онъ отвѣчалъ, что согласится появиться вновь при императорскомъ дворѣ, но не иначе, какъ будучи вполнѣ увѣренъ, что онъ не встрѣтитъ тамъ своихъ враговъ [1]).

Этимъ высокомѣрнымъ требованіемъ—чтобы былъ сдѣланъ выборъ между нимъ и Бестужевыми,—отважный маркизъ думалъ побѣдить нерѣшительность Елисаветы Петровны и нанести своимъ противникамъ окончательный ударъ: на самомъ дѣлѣ онъ только льстилъ себя обманчивыми надеждами.

Императрица не особенно симпатизировала вице-канцлеру и его брату, но терпѣла ихъ по необходимости; всецѣло преданная удовольствіямъ, она съ теченіемъ времени все менѣе и менѣе интересовалась политикой, и Бестужевы съумѣли сдѣлаться необходимыми, облегчая ей во всемъ бремя правленія и рѣшая дѣла безъ доклада императрицы.

Не получивъ отвѣта на предъявленныя имъ требованія, Шетарди продолжалъ свой путь. Прибывъ во Францію, онъ съ грустью констатировалъ полнѣйшее равнодушіе своего правительства по отношенію къ Россіи. Французская политика не имѣла въ то время опытнаго руководителя; старикъ Флёри не занимался болѣе дѣлами, онъ былъ боленъ и скончался 29-го января 1743 г.; Людовикъ XV также весьма мало интересовался ими. Министръ иностранныхъ дѣлъ, Амело, предоставленный самому себѣ, направлялъ дѣла по своему личному усмотрѣнію.

«Мы никогда не питали надеждъ на пользу какого бы то ни было союза короля съ Россіей, исключая выгодъ коммерческихъ, писалъ онъ д'Алліону въ своихъ инструкціяхъ; поэтому нашей главной цѣлью было всегда и должно быть впредь мѣшать Россіи насколько возможно нанести намъ вредъ заключеніемъ тѣсныхъ союзовъ съ нашими врагами [2])».

---

[1]) Эти подробности сообщены преемникомъ Шетарди, д'Алліономъ.

[2]) Амело—д'Алліону 10 сент. 1742 г.

Шетарди задался цѣлью снова привлечь вниманіе государственныхъ людей Франціи къ Петербургу, куда его влекли личныя воспоминанія и надежды. Онъ составилъ и послалъ во французское министерство иностранныхъ дѣлъ записку, въ которой, смѣшивая, по обыкновенію, въ своихъ соображеніяхъ пустыя мечты съ планами, доступными къ осуществленію, онъ набросалъ проектъ конфедераціи всѣхъ державъ сѣвера и востока: Россіи, Швеціи, Пруссіи, Польши и Турціи подъ главенствомъ Франціи. Дю-Тейль (du-Theil), старшій чиновникъ министерства иностранныхъ дѣлъ, коему было поручено письменно изложить мнѣніе на эту записку, весьма основательно называетъ ее пустой химерой. Въ концѣ своего критическаго разбора записки Шетарди, дю-Тейль приводилъ слѣдующія весьма странныя и прискорбныя разсужденія въ устахъ одного изъ руководителей французской дипломатіи.

«Самый вѣрный путь извлечь пользу изъ Россіи—дѣлать видъ, что о ней не думаешь, не имѣть въ этой странѣ посланника, а если она будетъ имѣть посланника въ Парижѣ, то говорить съ нимъ о вещахъ лишь самыхъ пустяшныхъ. Въ случаѣ, если бы царь или царица и фавориты или министры захотѣли получить субсидіи или подарки отъ Франціи, они и сами съумѣютъ обратиться къ ней съ этой просьбою. Можетъ быть не будетъ преувеличеніемъ сказать, что если бы Франція относилась столь же равнодушно ко многимъ другимъ дворамъ Европы, то она пожалуй имѣла бы нынѣ гораздо болѣе сторонниковъ».

Въ это именно время Елисавета Петровна искала союзниковъ и видя, что Франція отдаляется отъ нея, она обратила свои взоры на другія державы. Этимъ моментомъ воспользовалась Англія, съумѣвшая заручиться поддержкою вице-канцлера Бестужева. Уступивъ настояніямъ своего министра и несмотря на все свое нерасположеніе къ англичанамъ, императрица заключила съ Англіею оборонительный договоръ (22 декабря 1742 г.). Подписывая трактатъ съ Лондонскимъ дворомъ, она не отказалась окончательно отъ мысли о союзѣ съ Франціей, и князь Кантемиръ сообщилъ по этому случаю версальскому кабинету, что государыня приняла надлежащія мѣры къ тому, чтобы договоръ, заключенный ею съ Англіей, не могъ повредить интересамъ Франціи [1]).

Съ этого момента императрица Елисавета Петровна, подобно многимъ ея преемникамъ, отдѣлила свои личныя симпатіи отъ своихъ офиціальныхъ союзовъ; въ данномъ случаѣ ея личныя симпатіи были на сторонѣ Франціи, и когда Англія, нѣсколько времени спустя, напала на Францію, чтобы оказать помощь Австріи (въ войнѣ за Австрійское наслѣдство), то Елисавета искренно желала успѣха французамъ. Когда же французскій флотъ отразилъ побѣдоносное нападеніе англійской

---

[1]) Амело—д'Алліону 1-го февраля 1743 г.

эскадры подъ Тулономъ, она радовалась ихъ успѣху и съ удовольствіемъ узнала о неудачѣ той державы, съ которой она только что заключила союзъ.

— Надобно сознаться,—говорила императрица,—что я смѣшной союзникъ, если я такъ чувствую, но я болѣе готова повиноваться внушеніямъ своего сердца.

Два важныхъ событія, ознаменовавшія собою 1743 годъ, казалось должны были оживить переговоры между Франціей и Россіей. Швеція, испытавъ цѣлый рядъ неудачъ на полѣ битвы, просила мира; договоръ, заключенный въ Або и лишившій ее части Финляндіи, положилъ конецъ войнѣ, которую д'Алліонъ называлъ нескончаемымъ источникомъ недовѣрія къ Франціи.

Въ то же время въ Петербургѣ былъ обнаруженъ заговоръ, въ коемъ однимъ изъ главныхъ участниковъ былъ австрійскій посланникъ маркизъ Ботта д'Адорно, желавшій возвести на престолъ свергнутую Елисаветой Петровной Брауншвейгскую фамилію; а когда Марія-Терезія отвѣчала отказомъ на требованіе Елисаветы Петровны примѣрно наказать маркиза Ботта, то рѣзкія ноты, коими обмѣнялись по этому поводу обѣ императрицы, угрожали въ непродолжительномъ времени окончательнымъ разрывомъ между Россіей и Австріей.

Эта размолвка была для Франціи прекраснымъ случаемъ вновь заручиться симпатіями Россіи и ея помощью въ войнѣ, которую Франція вела въ это время съ Австріей. Поэтому французское правительство рѣшилось наконецъ выйти изъ своей апатіи. Ему были необходимы союзники: Марія-Терезія оттѣснила французскія войска изъ Германіи и ея собственная побѣдоносная армія дошла до границъ Эльзаса и Лотарингіи. Король прусскій, Фридрихъ II соглашался помочь Франціи и составилъ проектъ лиги между Франціей, Россіей, Швеціей и Пруссіей противъ Австріи. Для переговоровъ было рѣшено послать въ Петербургъ чрезвычайнаго посланника, и французское правительство предложило марказу де-ла-Шетарди взять на себя эту миссію, на что онъ изъявилъ свое согласіе, несмотря на заявленіе, сдѣланное имъ въ Франкфуртѣ.

Вторичное назначеніе ла-Шетарди въ Петербургъ было капитальною ошибкою французскаго правительства. Императрица Елисавета Петровна, безспорно, относилась къ нему попрежнему благосклонно, но ея ближайшіе совѣтники были настроены къ нему враждебно, а императрица, все болѣе и болѣе предаваясь удовольствіямъ, совершенно перестала руководить дѣлами. Такъ, напримѣръ, когда французскій посланникъ д'Алліонъ хотѣлъ переговорить съ нею о чемъ нибудь серьезномъ, то ему приходилось караулить ее на балу или въ маскарадѣ; она выслушивала его въ такихъ случаяхъ съ очаровательной граціей, «но вскорѣ, писалъ посланникъ, увлекаясь звуками доносившейся до ея слуха изъ

сосѣдней комнаты музыки, тихонько направлялась къ дверямъ и уходила»[1]). Такимъ образомъ всѣ дѣла шли черезъ министровъ, а такъ какъ они ненавидѣли Шетарди, то это значило заранѣе обречь на неудачу возложенные на него переговоры. Князь Кантемиръ осторожно намекнулъ объ этомъ версальскому кабинету, между тѣмъ какъ д'Алліонъ писалъ изъ Петербурга:

«Я желалъ бы, чтобы г. де-ла-Шетарди нашелъ здѣсь благопріятную почву для заключенія тѣснаго союза между королемъ и императрицею; все то, что я имѣлъ честь ранѣе высказать вамъ о настроеніи русскихъ вельможъ и сановниковъ, къ сожалѣнію какъ нельзя болѣе вѣрно. Въ моментъ восшествія на престолъ императрицы Елисаветы, Франція могла преодолѣть всѣ препятствія, соблюдая какъ нельзя лучше свои интересы, но когда этотъ благопріятный моментъ былъ упущенъ, то слишкомъ явное, хотя и вполнѣ заслуженное благоволеніе, оказанное маркизу ла-Шетарди возстановило противъ него, и за-одно противъ Франціи, рѣшительно всѣхъ; но противъ него лично еще болѣе озлоблены, нежели противъ Франціи[2])».

Несмотря на это категорическое заявленіе, версальскій дворъ не измѣнилъ своего намѣренія, полагая, что посланникъ добьется успѣха, если онъ будетъ уполномоченъ польстить самолюбію Елисаветы и сдѣлать ей ту уступку, которую тщетно добивались до нея русскіе монархи — признанія за нею императорскаго титула.

Маркизу было дано два письма, за собственноручною подписью короля Людовика XV. Въ первомъ письмѣ, написанномъ по общепринятой формѣ, былъ упомянутъ императорскій титулъ; на второмъ была надпись: «ея императорскому величеству любезной нашей сестрѣ и искреннему другу, Елисаветѣ, императрицѣ и самодержицѣ всея Россіи».

Этимъ вторымъ письмомъ Шетарди было предписано воспользоваться въ крайнемъ случаѣ, какъ рѣшительнымъ аргументомъ[3]). Въ инструкціяхъ, данныхъ статсъ-секретаремъ Амело, ему совѣтовалось дѣйствовать осмотрительно и осторожно и, стараясь сохранить благоволеніе императрицы, не пренебрегать по отношенію къ ея министрамъ должнымъ вниманіемъ, какого требуютъ правила приличія.

Эти благоразумные совѣты оказались безполезны для Шетарди. Возвращаясь въ Россію, онъ какъ бы собирался на войну. Союзъ съ Россіей представлялся ему завоеваніемъ, съ которымъ надобно было спѣшить, или крѣпостью, которую надобно было взять приступомъ.

[1]) Д'Алліонъ къ шведскому посланнику Ланмари отъ 26-го февр. 1743 г.

[2]) Д'Алліонъ 26-го ноября и 10-го декабря 1743 г.

[3]) Инструкція, данная ла-Шатарди при возвращеніи его въ Россію 22-го сентября 1743 года.

— Мы должны завладѣть Россіей, говорилъ онъ.

Его врожденная запальчивость, ненависть къ Бестужевымъ и чрезмѣрное честолюбіе положительно лишили его разсудка. Онъ начерталъ себѣ свой собственный, безразсудный планъ дѣйствій. Съ самаго пріѣзда въ Россію онъ намѣревался держать себя какъ завзятый врагъ министровъ царицы, собирался не только не отдать имъ визита, но даже не говорить съ ними и не видѣть ихъ. Но такъ какъ ни одинъ посланникъ, не нарушая самыхъ элементарныхъ требованій этикета, налагаемыхъ на него его офиціальнымъ званіемъ, не можетъ уклоняться отъ сношеній съ министрами того правительства, при которомъ онъ аккредитованъ, то Шетарди рѣшилъ явиться при русскомъ дворѣ не въ качествѣ посланника, а какъ простой французскій дворянинъ, спѣшившій изъявить свою преданность императрицѣ всея Россіи. Всякому будетъ извѣстно, что у него, въ карманѣ, находятся ввѣрительныя письма, но онъ не воспользуется ими первое время по пріѣздѣ. Разумѣется, думалъ маркизъ, императрица, узнавъ о его прибытіи, пожелаетъ его видѣть, онъ постарается пріобрѣсти на нее прежнее вліяніе, докажетъ ей съ совершенной очевидностью все коварство и неспособность Бестужевыхъ и ихъ гибель будетъ рѣшена. Содѣйствовавъ перевороту, неужели ему будетъ не по силамъ свергнуть министерство? Достигнувъ этой цѣли, личный другъ царицы превратится въ королевскаго посланника и представитъ на высочайшее утвержденіе заранѣе одобренныя государыней предложенія.

Таковы были мечты Шетарди, таковы были проекты, которые онъ обдумывалъ, ѣдучи на почтовыхъ по Германіи и Польшѣ. Онъ заѣхалъ по пути въ Стокгольмъ и въ концѣ 1743 года подвигался довольно медленно къ Петербургу черезъ Финляндію, какъ вдругъ припомнилъ, что 6-го декабря (25-го ноября ст. ст.)—день восшествія на престолъ Елисаветы. Онъ тотчасъ рѣшилъ во что бы то ни стало пріѣхать въ Петербургъ къ этому числу. Императрица навѣрно пригласитъ его во дворецъ, думалъ онъ, безъ соблюденія всякихъ формальностей; онъ отпразднуетъ вмѣстѣ съ нею годовщину того знаменательнаго дня, въ которомъ и онъ игралъ видную роль.—Такимъ образомъ онъ получитъ вновь доступъ въ интимный кругъ императрицы безъ малѣйшаго участія ея министровъ.

На его бѣду дороги, вслѣдствіе наступившей неожиданно оттепели, испортились до того, что по нимъ не было возможности проѣхать въ экипажѣ. Но Шетарди рѣшилъ доѣхать къ назначенному дню во что бы то ни стало. Онъ бросилъ свою свиту, своихъ многочисленныхъ слугъ, свои экипажи, нанялъ двое простыхъ саней, помѣстился въ нихъ съ тремя довѣренными лицами. и отважно пустился въ дальнѣйшій путь по слякоти и талому снѣгу. Въ теченіе трехъ сутокъ онъ опрокинулся

семь разъ, его секретарь остался на дорогѣ съ переломленной рукою, у его саней сломались оглобли, пали лошади; несмотря на это онъ продолжалъ свою бѣшеную скачку, отъ которой самъ чуть не задыхался. Наконецъ, въ ночь съ 5-го на 6-е декабря (н. ст.) онъ очутился на берегахъ Невы, въ виду Петербурга. Новая неудача: по рѣкѣ шелъ ледъ; огромныя льдины, покрывавшія ее на большое пространство, дѣлали переправу чрезвычайно опасной. Маркизъ пріютился въ какой то лачугѣ, а затѣмъ, при помощи нѣсколькихъ охотниковъ изъ солдатъ и простыхъ рабочихъ, переправился на утлой ладьѣ, въ коей, съ трудомъ лавируя между плавающими льдинами, угрожавшими на каждомъ шагу перевернуть его, онъ достигъ благополучно противоположнаго берега. Далѣе Шетарди отправился пѣшкомъ, по обледенѣлымъ полямъ. Около полудня онъ завидѣлъ наконецъ предмѣстье города, и въ тотъ же моментъ встрѣтилъ три царскія кареты, которыя императрица, увѣдомленная о его пріѣздѣ, выслала ему на встрѣчу [1]).

Вотъ что передаетъ ла-Шетарди о своемъ первомъ свиданіи съ Елисаветой Петровной.

«Царица не заставила меня сожалѣть о томъ, что я не могъ принять участіе по утру въ радости, съ какою всѣ спѣшили привѣтствовать ее по случаю ея восшествія на престолъ. Убѣжденная въ томъ, что я постараюсь всѣми силами прибыть къ этому времени, она не хотѣла, чтобы нѣсколько часовъ запозданія лишили меня удовольствія засвидѣтельствовать ей мое почтеніе. Поэтому, хотя во дворцѣ вечеромъ не было пріема, и императрица проводила время въ домашнемъ кругу, она приказала сказать мнѣ, что ежели я отправлюсь къ г. Брюммеру, камергеру герцога Голштинскаго, то по всей вѣроятности какая нибудь случайность доставитъ мнѣ возможность видѣть ее. Я отправился къ г. Брюммеру къ 7 часамъ и пробылъ у него до 9 часовъ.

«Нельзя передать до какой степени милостиво было отношеніе ко мнѣ императрицы все время, которое я находился съ нею. Я не вдаюсь въ подробности, онѣ касаются меня лично, я же посланъ сюда, чтобы служить интересамъ короля. Желая исполнить со своей стороны все должное и возбудить въ императрицѣ тѣ чувства, какія, насколько мнѣ извѣстно, можно вызвать въ ней, льстя ея самолюбію, я напомнилъ ей о томъ, что она поручила мнѣ, при моемъ отъѣздѣ, передать королю.

— Его величество, — сказалъ я, когда мы освободились отъ докучливаго присутствія нѣкоторыхъ любопытствующихъ креатуръ Бестужевыхъ, — приказалъ мнѣ передать вамъ, до какой степени онъ всѣмъ этимъ тронутъ. Его величество надѣется, что вы не усомнитесь въ томъ впечатлѣніи, какое на него произвели эти увѣренія, такъ какъ

---

[1]) Ла-Шетарди 2-го апрѣля 1744 года.

*

его величество съ своей стороны не позабылъ всѣхъ обстоятельствъ 1725 г. [1]) и эти обстоятельства оставили въ его сердцѣ неизгладимые слѣды. Поэтому король увѣренъ, что его портретъ, посылаемый вамъ, будетъ принятъ вашимъ величествомъ съ тѣмъ же чувствомъ удовольствія, съ какимъ онъ его посылаетъ. Я могъ бы даже тотчасъ вручить вамъ этотъ портретъ, если бы король для бо̀льшаго сходства не пожелалъ нарочно заказать новый.

«Царица покраснѣла, но это смущеніе быстро смѣнилось радостью, которую она не могла скрыть. Она передавала объ этомъ впослѣдствіи нѣкоторымъ приближеннымъ въ такихъ выраженіяхъ, что мнѣ осталось только порадоваться тому, что я не пропустилъ случая произвести на нее это выгодное впечатлѣніе тотчасъ по пріѣздѣ» [2]).

Ободренный столь лестнымъ пріемомъ, Шетарди тотчасъ приступилъ къ дѣлу. Онъ объявилъ своему двору о намѣреніи «поднять на ноги всѣхъ сторонниковъ Франціи» и стать во главѣ партіи, противодѣйствовавшей Александру Бестужеву, только-что назначенному канцлеромъ.

Канцлеръ былъ противникъ опасный; человѣкъ грубый, невоспитанный, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ высшей степени хитрый, обладавшій желѣзною волею, чрезвычайно дѣятельный и ни передъ чѣмъ не останавливавшійся, онъ былъ рожденъ для борьбы и, несмотря на всѣ свои недостатки, былъ цѣлой головою выше всѣхъ прочихъ министровъ Елисаветы. Чтобы погубить его, Шетарди пустилъ въ ходъ всѣ средства: деньги, подарки, обѣщанія, угрозы; онъ увеличилъ пенсію, которую получалъ Лестокъ, завербовалъ въ свою партію принцессу Ангальтъ-Цербтскую, коей дочь, будущая императрица Екатерина II, только-что вышла передъ тѣмъ замужъ за наслѣдника русскаго престола; Шетарди завелъ во дворцѣ шпіоновъ, вошелъ въ сношеніе съ духовенствомъ. Онъ часто видѣлъ императрицу одну, и въ бесѣдѣ съ нею отзывался о Бестужевѣ и его товарищахъ съ величайшей рѣзкостью. Слушая его, императрица соглашалась съ нимъ, осуждала своихъ министровъ, но не рѣшалась уволить ихъ. Въ то же время она осыпала Шетарди знаками своего благоволенія, посылала ему роскошные подарки, украшала его квартиру цѣнной мебелью, дарила ему серебро, но высокомѣрный маркизъ хотѣлъ бо̀льшаго; онъ какъ-будто взялъ себѣ девизомъ: «все или ничего»,—благоволеніе безъ власти не удовлетворяло его.

Такъ прошло шесть мѣсяцевъ. При дворѣ и въ городѣ образовались двѣ партіи: одна была на сторонѣ французскаго посланника, другая—

---

[1]) Въ 1725 году была рѣчь о бракѣ Людовика XV съ Елисаветою Петровною.

[2]) Шетарди, 14-го декабря нов. ст. 1743 г.

на сторонѣ его враговъ [1]). Интриги, начатыя въ Петербургѣ, продолжались въ Москвѣ, куда дворъ переселился весною 1744 г.

Всѣ иностранные посланники осуждали Шетарди за его образъ дѣйствій. Версальскій кабинетъ предоставилъ ему вначалѣ полную свободу дѣйствій, въ надеждѣ, что онъ скоро добьется успѣха, но въ концѣ концовъ французское правительство было встревожено тѣмъ, что онъ такъ долго медлилъ предъявить свои ввѣрительныя грамоты. Оно сначала посовѣтывало, а затѣмъ приказало ему объявить о томъ, что его миссія имѣла чисто дипломатическій характеръ; въ теченіе двухъ мѣсяцевъ Шетарди получалъ съ каждымъ курьеромъ настойчивыя напоминанія въ этомъ смыслѣ [2]). Шетарди не повиновался, да и не могъ сдѣлать этого; ему уже не было возврата съ того пути, на который онъ такъ неосторожно вступилъ; надобно было идти до конца, побѣдить или сломить себѣ шею. Впрочемъ, Шетарди считалъ себя у цѣли: онъ велъ втайнѣ переговоры съ духовникомъ императрицы, и былъ бы крайне удивленъ, если бы кто-нибудь сказалъ ему, что его счастью скоро настанетъ конецъ и что у Бестужева уже было въ рукахъ орудіе, коимъ онъ намѣревался поразить его.

Тайные агенты канцлера были неутомимы; они съумѣли проникнуть въ домъ маркиза Шетарди и при содѣйствіи его слугъ, а быть можетъ и по чистой случайности, захватили шифръ, при помощи котораго посланникъ велъ корреспонденцію со своимъ дворомъ, посылая иногда въ Версаль весьма пикантные разсказы, въ которыхъ онъ прохаживался, со свойственнымъ ему юморомъ, насчетъ многихъ лицъ, у власти стоявшихъ.

«Любовь къ мелочамъ, страсть къ нарядамъ, которыя императрица мѣняетъ 4—5 разъ въ день, писалъ онъ въ одной изъ своихъ депешъ, и желаніе быть постоянно окруженной царедворцами—поглощаютъ государыню всецѣло. Опьяненная властью, чѣмъ болѣе она ею пользуется, тѣмъ болѣе считаетъ, что ее боготворятъ подданные. Одна мысль о дѣлѣ пугаетъ ее и приводитъ въ смущеніе, заставляя предоставлять все на произволъ судьбы» [3]).

Въ другихъ депешахъ онъ описывалъ до мельчайшихъ подробностей интимную жизнь Елисаветы Петровны, ея привязанности, радовался подкупности ея царедворцевъ, таксировалъ ихъ услуги и въ подробности излагалъ всѣ тайныя пружины затѣянной имъ интриги. Всѣ письма, отправляемыя за границу, подвергались въ то время перлюстраціи. При помощи украденнаго шифра Бестужеву удалось прочитать до семи

---

[1]) Корреспонденція Шетарди съ декабря 1743 г. по іюнь 1744 г..

[2]) Амело—Шетарди 6-го февраля и 21-го мая 1744 г.

[3]) Шетарди, 2-го апрѣля 1744 г.

депешъ Шетарди, писанныхъ имъ въ періодъ времени отъ 21-го апрѣля по 6-е іюня 1744 г. [1]).

Онъ нашелъ ихъ весьма любопытными и заслуживающими вниманія императрицы и представилъ ихъ на разсмотрѣніе ея и совѣта.

— Это ложь,—воскликнула императрица, какъ только Бестужевъ началъ чтеніе депешъ;—это выдумка его враговъ, и вы принадлежите къ ихъ числу.

Бестужевъ показалъ императрицѣ дешифрованныя депеши и настаивалъ, чтобы съ Шетарди было поступлено, какъ съ обыкновеннымъ крамольникомъ, такъ какъ онъ не представилъ своевременно своихъ ввѣрительныхъ грамотъ и слѣдовательно отказался отъ званія дипломата. Вице-канцлеръ Воронцовъ, бывшій другъ маркиза, присоединился къ просьбѣ Бестужева.

Елисавета ничего не отвѣчала ему, но не была въ состояніи совладать со своимъ волненіемъ. Ея самолюбіе, какъ женщины и монархини, было глубоко уязвлено; тысячу разнообразныхъ чувствъ боролись въ ея душѣ—гнѣвъ, смущеніе, желаніе отомстить человѣку, такъ сильно ее оскорбившему, боязнь оскорбить Людовика XV, если съ его посланникомъ будетъ поступлено слишкомъ строго. Цѣлые сутки императрица не рѣшалась произнести окончательнаго слова; въ это время она совѣтовалась со своими приближенными, высказывала имъ свое огорченіе и страшно волновалась; наконецъ рѣшеніе было принято [2]).

12-го іюня, вечеромъ, Шетарди только-что вернулся домой, поужинавъ съ прусскимъ посланникомъ Мардефельдомъ, когда къ нему явилось три офицера, требовавшихъ, чтобы ихъ допустили къ нему. Войдя въ кабинетъ посланника, они прочли ему декларацію, присланную канцлеромъ отъ имени императрицы и по ея приказанію. Декларація была адресована: «г. маркизу Шетарди, бригадиру французскихъ войскъ».

«Ея величество, говорилось въ этой деклараціи, видитъ съ особымъ неудовольствіемъ, что вмѣсто того, чтобы цѣнить ея милости, вы забылись, конечно не по приказанію короля, до того, что не только пытались подкупить нѣкоторыхъ личностей, въ томъ числѣ и духовныхъ особъ, но старались образовать при дворѣ партію, возстановить министровъ другъ противъ друга и даже дерзнули затронуть и съ удивительной смѣлостью оклеветать въ своихъ депешахъ священную особу императрицы, что̀ не можетъ быть терпимо ни однимъ монархомъ и чему примѣромъ служитъ то, какъ было поступлено въ подобномъ случаѣ во Франціи съ испанскимъ посланникомъ принцемъ де-Целламаре (de-Cel-

---

[1]) По свидѣтельству академика Пекарскаго, число перехваченныхъ депешъ было значительнѣе.

[2]) Свѣдѣнія, сообщенныя шведскимъ посланникомъ де-Ланмари въ частныхъ письмахъ изъ Москвы. Письма отъ 24-го іюля 1744 г.

lamare). Несмотря на полное право, которое вы дали этимъ посягнуть на вашу личность, ея императорское величество, руководясь въ семъ случаѣ единственно добрымъ согласіемъ, постоянно существующимъ между ея величествомъ и королемъ, вашимъ монархомъ, и желая поддержать это согласіе, великодушно забываетъ свое неудовольствіе и повелѣваетъ вамъ выѣхать изъ столицы въ 24 часа ни съ кѣмъ не видясь и въ самомъ непродолжительномъ времени выѣхать изъ Россіи».

Услыхавъ этотъ приговоръ, Шетарди протестовалъ и объявилъ себя жертвою клеветы. Посланные начали читать ему его собственныя депеши.

— Этого достаточно, — сказалъ онъ, и тотчасъ прекратилъ разговоръ.

На слѣдующій день онъ поспѣшно выѣхалъ изъ Москвы, гдѣ былъ осыпанъ императрицею такими милостями и откуда онъ такъ позорно былъ изгнанъ. На одной изъ почтовыхъ станцій курьеръ, посланный императрицею, потребовалъ у него обратно алмазные знаки ордена св. Андрея и ея портретъ. До границы маркизъ ѣхалъ какъ плѣнный, его сопровождалъ офицеръ, и отрядъ драгунъ, окружавшихъ его карету, препятствовалъ его сношеніямъ съ мѣстными жителями. Проѣзжая такимъ образомъ по тѣмъ провинціямъ, гдѣ его встрѣчали недавно чуть не съ царскимъ великолѣпіемъ, онъ долженъ былъ съ горькимъ чувствомъ вспоминать прошлое и проклинать превратности судьбы, которая вначалѣ такъ замѣтно ему благоволила, а затѣмъ строго покарала его за непослѣдовательность и легкомысліе.

Французское правительство не потребовало у русскаго двора объясненія причинъ такой неожиданной немилости, постигшей его посланника, предпочитая обойти это непріятное происшествіе молчаніемъ [1]). Поддерживать Шетарди, значило бы признать себя участникомъ его интригъ; высказать ему публично порицаніе, было щекотливо, такъ какъ перехваченныя письма свидѣтельствовали о нѣкоторомъ единомысліи посланника и его правительства, которое сдѣлало большую ошибку въ томъ, что не повелѣло ему предъявить тотчасъ свои ввѣрительныя грамоты и дѣйствовать, какъ подобало оффиціальному представителю Франціи. Версальскій кабинетъ сознавалъ, что онъ самъ заслуживаетъ въ этомъ отношеніи упрека, и поэтому отнесся къ маркизу Шетарди съ чрезвычайною снисходительностью.

---

[1]) Французское правительство старалось открыть виновнаго въ измѣнѣ, выдавшаго русскимъ тайну дипломатической переписки. Личный секретарь маркиза былъ арестованъ, заключенъ въ Бастилію и подвергнутъ допросу. Но это ничего не выяснило. Нѣкоторые полагали, что шифръ былъ украденъ одной русской особой, вышедшей замужъ за одного изъ секретарей посольства. (Записка г. Лафонъ отъ 4-го іюня 1757 г.).

По возвращеніи изъ Петербурга ему было запрещено появляться при дворѣ, и онъ долженъ былъ жить безвыѣздно въ своемъ помѣстьи въ Лимузенѣ, но по прошествіи восьми мѣсяцевъ Шетарди было дозволено возвратиться въ его полкъ, а нѣсколько лѣтъ спустя онъ былъ назначенъ даже посланникомъ въ Туринъ.

V.

Прибытіе въ Петербургъ новаго посла д'Алліона.—Письмо Людовика XV съ признаніемъ Елисаветы Петровны императрицею.—Борьба Австріи и Франціи за преобладаніе въ Петербургѣ.—Союзный договоръ Россіи съ Австріею 1746 г.—Разрывъ съ Франціею.—Интриги версальскаго кабинета въ Швеціи, Польшѣ и Турціи.—Мнимое могущество послѣдней.—Графъ Бонневаль (Ахметъ-паша), его значеніе въ Турціи и его записка о возрастающемъ могуществѣ Россіи.—Потеря вліянія Франціи въ Константинополѣ.—Кончина Бонневаля.—Вступленіе русскихъ войскъ въ Германію.—Ахенскій миръ.

Вскорѣ по возвращеніи маркиза Шетарди во Францію, мѣсто вышедшаго въ отставку статсъ-секретаря Амело занялъ въ Парижѣ маркизъ д'Аржансонъ. Его симпатіи не были на сторонѣ Россіи, но онъ понималъ, что ей предстояла, въ будущемъ, выдающаяся роль, и поэтому, вступивъ въ управленіе министерствомъ, счелъ нужнымъ имѣть самыя точныя свѣдѣнія о состояніи умовъ въ Россіи и о томъ какъ взглянули въ Петербургѣ на выходку маркиза Шетарди и въ какой степени она могла повредить дружественнымъ отношеніямъ обѣихъ державъ. Д'Алліонъ получилъ приказаніе немедленно отправиться въ Россію въ званіи полномочнаго посланника, разузнать и развѣдать все въ точности и, ежели окажется возможнымъ, начать снова переговоры о союзѣ.

Пріѣхавъ въ Россію, д'Алліонъ нашелъ, по его собственнымъ словамъ, «дворъ и всѣхъ жителей столицы озлобленными противъ Франціи [1]), и только одна императрица не измѣнила своимъ всегдашнимъ симпатіямъ». Будучи уполномоченъ пустить въ ходъ, въ случаѣ надобности, то средство, коимъ пренебрегъ Шетарди, т. е. оффиціально признать за Елисаветой Петровной императорскій титулъ, д'Алліонъ рѣшился къ нему прибѣгнуть, чтобы подѣйствовать на тщеславіе государыни и на ея чувства.

Въ день торжественной аудіенціи посланникъ отправился во дворецъ въ парадной каретѣ и вручилъ Елисаветѣ Петровнѣ собственноручное письмо Людовика XV, въ которомъ былъ упомянутъ давно желанный

---

[1]) Письмо д'Алліона отъ 8-го (19-го) марта 1746 г.

императорскій титулъ. Елисавета не скрыла удовольствія, доставленнаго ей этимъ письмомъ, приняла посланника со своей обычной, обворожительной любезностью, осыпала его подарками и вручила ему орденъ св. Андрея.

Д'Алліонъ былъ увѣренъ, что ему удастся послѣ этого добиться отъ русскаго двора всѣхъ уступокъ, которыхъ желала Франція; но онъ не принялъ въ соображеніе возраставшую апатію императрицы, которая все менѣе и менѣе интересовалась дѣлами и вскорѣ стала относиться къ нимъ со столь явнымъ отвращеніемъ, что иностраннымъ посланникамъ было даже объявлено, чтобы они не утруждали болѣе императрицу дѣловыми разговорами. Д'Аллiону пришлось имѣть дѣло съ канцлеромъ Бестужевымъ и его сотоварищами, которые выслушивали его съ холодной вѣжливостью, но относились ко всѣмъ его предложеніямъ въ высшей степени недоброжелательно и недовѣрчиво.

Въ то же время Австрія старалась всѣми силами упрочить свое пошатнувшееся было вліяніе при петербургскомъ дворѣ.

Вначалѣ, Россія не склонялась ни на ту, ни на другую сторону, позволяла обѣимъ державамъ заискивать у нея, но не спѣшила связывать себя никакими обязательствами, видимо не желая отказаться отъ пассивной роли, которая льстила ея самолюбію и въ то же время не заставляла ничѣмъ рисковать. Вице-канцлеръ Воронцовъ не скупился на обѣщанія въ пользу Франціи, но уклонялся отъ серьезныхъ переговоровъ, а канцлеръ Бестужевъ давалъ Австріи положительныя обѣщанія, но уклонялся отъ ихъ исполненія.

«Это человѣкъ въ полномъ смыслѣ слова безчестный, писалъ о немъ д'Аллiонъ, онъ продаетъ свое вліяніе за хорошія деньги англичанамъ и австрійцамъ, но въ то же время не лишаетъ себя свободы поживиться и въ иномъ мѣстѣ» [1]).

Благодаря удивительному искусству лицъ, которыя занимались перлюстраціей шифрованной корреспонденціи, письмо, въ коемъ Бестужевъ былъ аттестованъ столь нелестнымъ образомъ, было прочитано самимъ канцлеромъ; но онъ ограничился слѣдующей краткой замѣткой, сдѣланной на поляхъ этого письма.

«По моему скромному мнѣнію, ему слѣдуетъ дать еще нѣкоторое время полную возможность изливать свой ядъ» [2]).

Вліяніе Австріи пересилило. Въ 1745 г. Бестужевъ высказывалъ уже открыто необходимость оказать помощь венгерской королевѣ.

— Когда домъ моего сосѣда горитъ,—говорилъ онъ,—я считаю долгомъ помочь ему, въ особенности ежели этотъ сосѣдъ—мой другъ [3]).

---

[1]) Письмо д'Аллiона отъ 4 января 1746 г.

[2]) См. Исторію Россіи С. М. Соловьева.

[3]) Мартенсъ, стр. 145.

Онъ убѣдилъ слабохарактерную Елисавету Петровну въ необходимости возобновить съ Австріей союзъ, заключенный въ 1726 г. Императрица, послѣ долгихъ колебаній, уступила настояніямъ канцлера, пользовавшагося ея безусловнымъ довѣріемъ, и договоръ, заключенный 22-го мая 1745 г. былъ въ самомъ непродолжительномъ времени ратификованъ обѣими императрицами. По этому поводу, въ дипломатическихъ кружкахъ разсказывали, что, подписывая актъ союзнаго договора и начертавъ первые два слога своего имени, Елисавета остановилась, объятая сомнѣніемъ, а быть можетъ смущенная какимъ-либо воспоминаніемъ; перо выпало у нея изъ рукъ, она сидѣла нѣкоторое время неподвижно, въ глубокой задумчивости и рѣшилась докончить свою подпись лишь послѣ долгихъ размышленій и самыхъ настоятельныхъ убѣжденій [1].

Договоръ, заключенный императрицей съ Австріей, не обязывалъ Россію объявлять войну Франціи, но Маріи-Терезіи было обѣщано выставить вспомогательный корпусъ численностью не менѣе 37 тысячъ человѣкъ, и такъ какъ Австрія воевала въ то время съ Франціей, слѣдовательно русскимъ войскамъ пришлось бы сражаться съ французами. Но въ XVIII вѣкѣ посылка вспомогательнаго войска не всегда влекла за собою войну съ противникомъ и часто продолжались дипломатическія сношенія, тѣмъ не менѣе, версальскій дворъ, послѣ заключенія договора Россіи съ Австріею, не замедлилъ отозвать д'Алліона.

Франція и Россія очутились снова въ томъ положеніи, въ которомъ находились за 15 лѣтъ передъ тѣмъ, послѣ неудавшихся переговоровъ съ Петромъ Великимъ. Инстинктивно желая сблизиться и заключить союзъ, обѣ державы не могли сойтись насчетъ условій, на коихъ могло бы состояться ихъ соглашеніе; Россія отдалилась отъ Франціи и бросилась въ объятія ея враговъ. Если бы она выполнила всѣ условія помянутыхъ договоровъ, заключенныхъ съ Англіей и Австріей, и оказала бы этимъ державамъ обѣщанную помощь, то перевѣсъ на полѣ битвы несомнѣнно оказался бы на сторонѣ враговъ французскаго королевства, слѣдовательно ему приходилось употребить всѣ усилія, чтобы помѣшать императрицѣ исполнить ея обязательства и остановить русскія войска по пути въ Германію и Нидерланды. Не съумѣвъ заручиться дружбою Россіи Франціи приходилось поневолѣ считать ее въ числѣ своихъ враговъ и не допускать ея вмѣшательства въ обще-европейскія дѣла.

Войско, которое Россія намѣревалась двинуть на помощь Австріи, должно было пройти черезъ польскія владѣнія; этимъ былъ бы нарушенъ нейтралитетъ Польскаго королевства, неприкосновенность котораго была гарантирована Турціей, которая могла воспользоваться этимъ какъ пред-

---

[1]) Объ этомъ упомянулъ 15 лѣтъ спустя французскій посланникъ въ Россіи Бретель, въ депешѣ отъ 21-го августа 1760 г.

логомъ объявить войну Россіи. Къ Турціи легко могла присоединиться Швеція, чтобы отомстить русскому правительству за прежнія пораженія. Къ сожалѣнію ни Швеція, ни Польша, ни Турція не были настолько сильны, чтобы самостоятельно бороться съ Россіей. Но, если бы Франція взяла на себя посредничество и, соединивъ эти «робкія державы», какъ ихъ называлъ маркизъ д'Аржансонъ, увеличила численность ихъ вооруженныхъ силъ своимъ войскомъ, то онѣ могли бы сдержать завоевательныя стремленія Россіи и энергичнымъ образомъ дѣйствій быть можетъ заставили бы ее отказаться отъ своихъ намѣреній.—Такъ понималъ роль Франціи маркизъ д'Аржансонъ и въ этомъ направленіи началъ руководить ея политикою; но Польша и Швеція, несмотря на обѣщанную Франціей поддержку, не рѣшались взяться за оружіе иначе, какъ обезпечивъ себѣ помощь Турціи, представлявшей въ ту пору довольно могущественное государство. Впрочемъ страхъ, который она внушала сосѣдямъ, превосходилъ, собственно говоря, ея дѣйствительныя силы. Бѣлградскій миръ, коимъ Турція была обязана искусству французской дипломатіи, возвысилъ ея обаяніе въ глазахъ прочихъ державъ и заставилъ Европу вѣрить въ ея жизнеспособность. Полагая, что со стороны Турціи было бы достаточно одной военной демонстраціи, чтобы удержать русскую армію отъ вторженія въ Германію, французское правительство желало во что бы то ни стало вызвать въ данномъ случаѣ вмѣшательство Турціи.—Въ Константинополѣ обстоятельства складывались для этого самымъ благопріятнымъ образомъ и, казалось, сулили успѣхъ плану французскаго министерства. Турецкіе сановники не забыли услугъ, оказанныхъ Франціей при заключеніи Бѣлградскаго мира, и высказывали, при всякомъ удобномъ случаѣ, свое уваженіе «къ французскому императору [1]) самому старинному и могущественному союзнику Высокой Порты. Французскій посланникъ въ Константинополѣ, де-Кастелланъ, пользовался почти такимъ же обширнымъ вліяніемъ на дѣла, какъ его предмѣстникъ Вилленевъ; турки во многомъ руководились его мнѣніями и совѣтами, а главное, при дворѣ султана находился человѣкъ, который, пользуясь его исключительнымъ благоволеніемъ, могъ оказать въ данномъ случаѣ большое содѣйствіе версальскому кабинету. Этимъ любимцемъ султана былъ нѣкій графъ Бонневаль, по происхожденію французъ, одинъ изъ тѣхъ блестящихъ авантюристовъ, которые въ XVIII вѣкѣ стяжали въ Европѣ громкую извѣстность своимъ умомъ, оригинальностью, смѣлостью своихъ замысловъ и играли въ первой половинѣ прошлаго столѣтія видную роль въ политикѣ въ качествѣ ближайшихъ совѣтниковъ многихъ коронованныхъ особъ.

Графъ Бонневаль служилъ сначала во французской, а затѣмъ въ

[1]) Турки давали обыкновенно этотъ титулъ королямъ Франціи.

австрійской арміи. Не поладивъ съ принцемъ Евгеніемъ, который покровительствовалъ ему въ началѣ его боевой карьеры, онъ пріобрѣлъ въ лицѣ его безпощаднаго врага, долженъ былъ оставить военное поприще и Германію, искалъ убѣжища у турокъ, противъ коихъ недавно сражался, принялъ магометанскую вѣру и подъ именемъ Ахметъ-паши въ теченіе 15 лѣтъ былъ первымъ совѣтникомъ великихъ визирей. Отдавая должное его дипломатическимъ способностямъ, турецкіе правители руководствовались его совѣтами во всѣхъ вопросахъ внѣшней политики. Преданный интересамъ своего новаго отечества, Бонневаль былъ пораженъ быстрыми успѣхами Россіи на всѣхъ поприщахъ и усиленіемъ ея могущества и видѣлъ единственное спасеніе для Турціи въ тѣсномъ союзѣ съ Франціей. Въ его головѣ зародился тогда планъ вѣчнаго союза между Франціей, Турціей, Польшей и Швеціей, иначе говоря—постоянной коалиціи этихъ державъ, противъ Россіи, подъ главенствомъ Франціи. Графъ развивалъ эту мысль въ отдѣльныхъ запискахъ, которыя онъ представлялъ турецкому правительству, вручая съ нихъ одновременно копіи французскому посланнику при оттоманскомъ дворѣ. Еще въ 1734 г., слѣдовательно за двѣнадцать лѣтъ до разсматриваемаго нами времени, Бонневаль написалъ объемистую брошюру, въ которой, съ изумительной вѣрностью и прозорливостью, предсказалъ усиленіе русской монархіи и указывалъ вѣрнѣйшее, по его мнѣнію, средство противодѣйствовать этому возрастанію.

«Не подлежитъ сомнѣнію, писалъ графъ, что неожиданное усиленіе Россіи можетъ измѣнить всю политическую систему Европы. Положеніе этой имперіи и ея ближайшіе интересы несомнѣнно заставляютъ русскихъ искать союза съ императоромъ—слѣдовательно, Россія становится тѣмъ самымъ врагомъ Порты и Франціи. Союзъ Россіи и Австріи обусловленъ той взаимной помощью, которую онѣ могутъ оказать другъ другу, поэтому онъ будетъ неизмѣненъ, если не случится какого-либо чрезвычайнаго событія, которое въ настоящее время предвидѣть нѣтъ возможности. По этой причинѣ, въ интересахъ Турціи, съ одной стороны, и для поддержанія европейскаго равновѣсія—съ другой, въ чемъ также заинтересована и Франція, мнѣ кажется необходимо, чтобы между этими державами былъ заключенъ на вѣчныя времена союзъ, который заставитъ Россію довольствоваться ея прежними границами и не допускать вмѣшательства въ дѣла, касающіяся интересовъ остальныхъ европейскихъ монарховъ. Если державы не позаботятся объ этомъ своевременно, то русскіе легко могутъ выставить на помощь императору вспомогательный отрядъ въ 200 тысячъ (?) человѣкъ регулярнаго и хорошо обученнаго войска, ибо въ людяхъ въ этой странѣ нѣтъ недостатка. Могущество этой державы, которою до сихъ поръ пренебрегали, усилится съ теченіемъ времени еще болѣе, и она будетъ

вліять впослѣдствіи на всѣ событія въ Европѣ и въ Азіи; къ этой цѣли стремился покойный царь [1]). Той же самой политикѣ слѣдуетъ въ настоящее время русское министерство, дѣйствующее, по моему мнѣнію, вполнѣ благоразумно и осмотрительно, и оно добьется со временемъ намѣченной цѣли, ежели прочіе будутъ дремать.

«Русская армія представляетъ собою прекрасное, дисциплинированное войско, привыкшее къ трудамъ и лишеніямъ, умѣющее довольствоваться малымъ и переносить голодъ, холодъ и жару, смотря по обстоятельствамъ: это качества, отличающія хорошихъ солдатъ и которыя рѣдко можно встрѣтить въ другихъ націяхъ.

«Поэтому я полагаю, что при настоящихъ обстоятельствахъ Портѣ лучше всего было бы заключить съ Франціей союзъ, направленный исключительно противъ Россіи. Не скрою, что какъ бы велика ни была дружба, существующая между Портой и Франціей, образъ мыслей христіанскихъ державъ въ дѣлѣ религіи будетъ служить большимъ препятствіемъ къ выполненію этого проекта, но если Франція понимаетъ свои собственные интересы, то ее не остановятъ подобныя щепетильности и она не затруднится заключить съ Турціей союзъ хотя бы на вѣчныя времена, для поддержанія Польскаго королевства и республики отъ посягательства Россіи.

«Сколько бы Франція ни дѣлала завоеваній въ Италіи, она этимъ ничего не выиграетъ и никогда не достигнетъ своей цѣли, которая должна заключаться въ обезпеченіи свободы полякамъ и униженіи спѣси и могущества русскихъ» [2]).

Съ того момента, какъ была составлена вышеприведенная записка, Бонневаль непрестанно стремился къ осуществленію своего плана, и Диванъ, руководствуясь его совѣтами, неоднократно предлагалъ французскому правительству заключить союзъ, но версальскій кабинетъ не давалъ рѣшительнаго отвѣта, не спѣшилъ связывать себя какими-либо обязательствами. Только въ 1745 г., когда Россія заключила союзъ съ Австріей и ея войска готовились выступить на соединеніе съ арміей Маріи-Терезіи, французскій посланникъ потребовалъ отъ Турціи, чтобы она произвела военную демонстрацію противъ Россіи. Порта отвѣчала на это требованіе предложеніемъ заключить формепный союзъ, отъ чего Франція уклонилась, не желая заключать его съ невѣрными. Также неудачно было домогательство Турціи заключить оборонительный союзъ съ королемъ прусскимъ, союзникомъ Франціи, такъ какъ версальскій кабинетъ отказался поддержать ея ходатайство.

Рядъ дипломатическихъ неудачъ, испытанныхъ Турціей, повліялъ

---

[1]) Петръ Великій.

[2]) Записка, приложенная при письмѣ Вилленева отъ 15-го февраля 1734 г.

на ея отношенія къ Франціи, которая въ нѣсколько мѣсяцевъ утратила, въ значительной степени, свое вліяніе въ Константинополѣ.

Этого только и выжидалъ Бестужевъ, чтобы осуществить свой планъ. Онъ не спѣшилъ выполнять обязательствъ, принятыхъ на себя относительно Австріи до тѣхъ поръ, пока можно было предполагать, что отъ Франціи зависитъ удержать турецкія войска или двинуть ихъ противъ Россіи. Но въ началѣ 1747 г., когда отношенія Франціи и Турціи измѣнились, канцлеръ счелъ возможнымъ дѣйствовать рѣшительнѣе. На западной окраинѣ Россіи были сосредоточены войска, которыя по первому приказанію должны были двинуться на соединеніе съ австрійской арміей; впрочемъ, русское правительство все еще медлило, желая удостовѣриться въ нейтралитетѣ Турціи. Для того, чтобы окончательно вывѣдать намѣренія Дивана, русскій и австрійскій посланники обратились къ нему одновременно съ предложеніемъ возобновить, подъ именемъ вѣчнаго мира, тѣ договоры, которые ранѣе были заключены съ ихъ дворами на неопредѣленный срокъ и считались не болѣе, какъ временнымъ перемиріемъ. Великій визирь изъявилъ на это свое согласіе, и тотчасъ было приступлено къ переговорамъ.

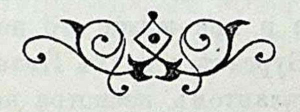
Во Франціи одновременно узнали о движеніи русскихъ войскъ и о переговорахъ, начатыхъ въ Константинополѣ. Ошибка, сдѣланная ею два года передъ тѣмъ, когда она отвергла предложенія Турціи, начинала приносить плоды. Версальскій кабинетъ понялъ сдѣланный имъ промахъ и, оставивъ свою щепетильность, рѣшилъ войти въ сношенія съ графомъ Бонневалемъ. Французскій министръ иностранныхъ дѣлъ завелъ съ нимъ непосредственно переписку, при помощи особаго шифра, къ которому не имѣлъ ключа даже французскій посланникъ въ Константинополѣ де-Кастелланъ,—единственная роль коего заключалась въ томъ, чтобы передавать по принадлежности письма, получаемыя на имя Бонневаля. Кончина графа, послѣдовавшая 20-го марта 1747 г., положила въ скоромъ времени конецъ этимъ переговорамъ, и де-Кастелланъ, не имѣвшій опредѣленныхъ инструкцій, не могъ продолжать ихъ, не зная въ точности, какъ велики будутъ уступки, на которыя согласится Франція. Нѣсколько дней спустя послѣ кончины Бонневаля былъ обнародованъ договоръ вѣчнаго мира, заключенный между Турціей, Россіей и Австріей. Франція пожинала плоды той робкой, нерѣшительной политики, которой она держалась, начиная съ 1739 г. Результатомъ этого договора было то, что Польша не препятствовала прохожденію русскихъ войскъ черезъ свои владѣнія; Швеція, со своей стороны, пальцемъ не шевельнула, несмотря на субсидію, полученную отъ Франціи; Фридрихъ II, заключившій незадолго передъ тѣмъ при посредничествѣ Франціи союзный договоръ съ этой державою, не успѣлъ вовлечь ее въ войну съ Россіей и не рѣшился дѣйствовать одинъ. Такимъ образомъ русскія

войска безпрепятственно вступили въ Германію, и канцлеръ Бестужевъ успѣлъ убѣдить императрицу подписать конвенцію, въ силу которой она обязалась предоставить еще одну армію въ распоряженіе Англіи и Голландіи.

Положеніе Франціи, потерявшей всякую надежду на помощь со стороны Турціи, было крайне затруднительно: русскія войска были уже во Франконіи, имъ оставалось всего нѣсколько переходовъ до границы Эльзаса, когда (30-го апрѣля 1748 г.) былъ заключенъ Ахенскій миръ, который прекратилъ войну между Франціей и Испаніей съ одной стороны, и Австріей, Англіей и Голландіей — съ другой. Россія участвовала въ этой войнѣ только какъ союзная держава, поэтому имя Елисаветы Петровны не фигурировало подъ мирнымъ договоромъ [1]); русскія войска, по желанію прочихъ державъ, подписавшихъ этотъ договоръ, должны были поспѣшно оставить Германію, и возвратились на родину, не обмѣнявшись съ французами ни однимъ выстрѣломъ и не видавъ даже французскихъ аванпостовъ.

В. В.

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) Когда Россія заявила о своемъ желаніи участвовать въ Ахенскомъ конгрессѣ, то представитель Франціи, графъ Сенъ-Северинъ, рѣшительно этому воспротивился, и, намекая на второстепенную роль, которую Россія играла во время войны, сказалъ высокомѣрно: „если допустить сюда наемныя державы, то и конца этому не будетъ“.

Письмо И. И. Дмитріева П. П. Свиньину.

15-го апрѣля 1829 г. Москва.

Милостивый Государь Павелъ Петровичъ.

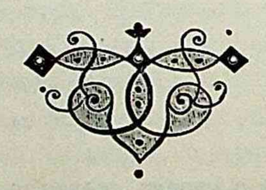
Спѣшу изъявить вамъ чувствительную благодарность мою за ваше пріятное письмо и новый подарокъ. Мнѣ уже право и совѣстно, что вы такъ ко мнѣ щедры, не по мѣрѣ заслугъ моихъ!

Между тѣмъ привѣтствую васъ съ наступившимъ праздникомъ, желаю, чтобъ вы встрѣтили и провели его благополучно. Я же при встрѣчѣ его надѣлъ опять лисью шубу: вчера цѣлыя сутки кропилъ дождь, а сегодня по временамъ перепадалъ мокрый снѣгъ и мы не видѣли солнца.

«Выжигина» [1]) еще не успѣлъ достать, но конечно прочту его. Всякое оригинальное сочиненіе возбуждаетъ во мнѣ любопытство. Авторъ его всегда мнѣ нравился легкостію слога и остроуміемъ. Я досадовалъ иногда на него за Карамзина, а послѣ я примирился съ нимъ за Карамзина же. Его *первая встрѣча съ нимъ* описана вѣрно и прекрасно. Станъ Димитрія самозванца носитъ также печать авторскаго таланта. Читая этотъ прекрасный отрывокъ я какъ бы видѣлъ передъ собою и боярина и боярченка и усатыхъ поляковъ!

Можно поздравить счастливаго автора съ успѣхомъ у насъ необыкновеннымъ перваго изданія, а бѣдный Иванъ Нарѣжный умеръ въ безъизвѣстности и никто еще и при жизни его не сказалъ путнаго слова о его двухъ романахъ Бурсакѣ и двухъ Иванахъ, истинно оригинальныхъ, и писанныхъ съ талантомъ, несмотря на черствость слога и отсутствіе вкуса.

Впрочемъ свидѣтельствуя вамъ и милостивой государынѣ Надеждѣ Аполлоновнѣ искреннее мое почтеніе, навсегда имѣю честь быть и проч.

[1]) Романъ Ѳ. В. Булгарина.

РОССІЯ и ФРАНЦІЯ
въ
первой половинѣ XVIII вѣка.

V [1]).

Восточный вопросъ въ 1748 г.—Отношенія Людовика XV къ Россіи.—Оккупація Финляндіи русскими войсками.—Интриги Франціи въ Польшѣ.—Договоръ съ Англіею.—Измѣна Фридриха II Франціи.—Вестминстерскій и Версальскій договоры.—Посылка Людовикомъ XV въ Петербургъ Дугласа.—Табакерка съ двойнымъ дномъ.—Кавалеръ д'Эонъ и его появленіе въ Петербургѣ.—Симпатіи Елисаветы Петровны къ Франціи.—Негоціантъ Мишель.—Пруссаки въ Саксоніи.—Присоединеніе Россіи къ Версальскому договору.—Значеніе дипломатическаго переворота 1756 г.

Ослабленіе Швеціи, Польши и Турціи, которыя играли недавно столь видную роль въ Европѣ, и одновременное быстрое усиленіе Россіи породило новый, такъ называемый нынѣ, Восточный вопросъ. Безнаказанное нарушеніе нейтралитета Польши выказало вполнѣ ея безсиліе, и Россія, руководимая Бестужевымъ, готовилась безотлагательно преслѣдовать свои завоевательныя цѣли. По мнѣнію канцлера, только энергичная и послѣдовательная внѣшняя политика могла обезпечить спокойствіе внутри имперіи; вслѣдствіе этого, въ то время, какъ прочія державы распускали свои войска, петербургскій дворъ увеличивалъ численность своей арміи, упрочивалъ узы, связывавшія его съ Вѣною

---

[1]) См. «Русскую Старину», октябрь 1897 г.

и Лондономъ [1]), угрожалъ Швеціи и Польшѣ, принялъ, по отношенію къ своимъ ближайшимъ сосѣдямъ, тонъ верховнаго покровителя, но въ то же время искалъ, по-прежнему, сближенія съ Франціей. Людовикъ XV, поклонникъ древнихъ традицій, не симпатизировалъ Россіи, какъ державѣ слишкомъ юной, смотрѣлъ неодобрительно на ея неожиданное вмѣшательство въ европейскія дѣла и не хотѣлъ пожертвовать ей своими исконными союзниками. Когда Елисавета Петровна, вскорѣ по заключеніи Ахенскаго мира, предложила ему возобновить дипломатическія сношенія, то онъ не только не отозвался на это предложеніе, но былъ готовъ осуществить проектъ покойнаго графа Бонневаля, т. е. образовать вмѣстѣ съ султаномъ, Польшей и Швеціей оборонительный союзъ противъ Россіи и, не объявляя ей открыто войны, поколебать ея вліяніе путемъ тайныхъ дипломатическихъ происковъ. Случай къ этому представился довольно скоро.

Воспользовавшись смутами и безпорядками, которые раздирали Швецію по смерти Карла XII, и намѣреніемъ, выраженнымъ нѣкоторыми шведскими министрами измѣнить конституцію, провозглашенную въ этой странѣ при его преемникѣ, коей была въ значительной степени ограничена королевская власть,—Россія энергично воспротивилась этой реформѣ, которая могла спасти Швецію и вернуть ей до нѣкоторой степени утраченное ею могущество. Въ исходѣ 1748 г. императрица Елисавета ввела свои войска въ Финляндію и готовилась направить ихъ на Стокгольмъ подъ тѣмъ предлогомъ, что новая шведская конституція была гарантирована Россіею въ 1721 году по Ништадтскому миру.

Франція первая рѣшилась выступить защитницею шведской свободы, предложила Турціи воспользоваться удобнымъ моментомъ и дѣйствовать совмѣстно, чтобы пріостановить завоевательныя планы Россіи.

— Истинная цѣль Россіи,—говорилъ турецкимъ сановникамъ французскій посланникъ,—состоитъ въ томъ, чтобы унизить и уничтожить ея сосѣдей, коихъ слава и могущество возбуждаютъ въ ней зависть, довести ихъ до такого состоянія униженія и ослабленія, которое сдѣлало бы союзъ съ ними на вѣки безполезнымъ. Можетъ ли Европа видѣть равнодушно, что ея спокойствіе и цѣлыя арміи приносятся въ жертву безразсудному честолюбію русскихъ? Собственный интересъ Порты требуетъ, чтобы эти планы были разрушены. Ничто не можетъ въ такой степени угрожать безопасности сѣверныхъ державъ и Оттоманской имперіи, какъ завоевательныя стремленія націи, которая, едва вышедши изъ состоянія варварства и невѣжества, хочетъ мало-по-малу

---

[1]) 30-го октября 1750 г. Англія присоединилась къ договору, заключенному въ 1746 г. Елисаветой Петровной съ Маріей-Терезіей. Мартенсъ, I, 179.

подчинить своему игу всѣ сосѣдніе народы и не признаетъ иныхъ законовъ, кромѣ превосходства своихъ силъ. Самые существенные и настоятельные интересы Турціи требуютъ, чтобы была положена преграда этому бурному потоку, причинившему безъ того такъ много вреда [1]).

Поддавшись увѣщаніямъ французскаго посланника, турецкіе сановники вручили, 25-го мая 1750 года, русскому резиденту угрожающую ноту, коей доводилось до свѣдѣнія русскаго двора, что если Россія не откажется, въ самомъ непродолжительномъ времени, отъ оккупаціи Финляндіи, то Турція, въ силу договора, подписаннаго ею со Швеціей въ 1740 г., будетъ вынуждена оказать ей обѣщанную помощь. Вмѣстѣ съ тѣмъ Россіи угрожала военнымъ вмѣшательствомъ Франція, готовясь отправить въ Балтійское море 12 военныхъ судовъ и армію въ Швецію. Твердость, съ какою были сдѣланы эти заявленія, заставила Бестужева призадуматься. На турецкую ноту русскій дворъ отвѣчалъ увѣреніемъ въ своихъ миролюбивыхъ намѣреніяхъ и приглашалъ въ то же время Порту поддержать общими силами шведскую конституцію; но русскіе уполномоченные постарались затянуть начатые переговоры. Между тѣмъ, въ 1750 году, скончался шведскій король, и его преемникъ, Адольфъ-Фридрихъ, торжественно заявилъ о своемъ намѣреніи соблюдать существующую конституцію, не вводя въ нее никакихъ измѣненій. Россія воспользовалась этой декларацiей, чтобы вывести свои войска изъ Финляндіи.

Когда такимъ образомъ шведскій вопросъ уладился мирнымъ путемъ, Франція обратила взоры на Польшу и постаралась усилить тамъ свою партію. Ея агенты дѣйствовали съ замѣчательной энергіей и единодушіемъ во вредъ Россіи одновременно въ Константинополѣ, Варшавѣ и Стокгольмѣ. Европа раздѣлилась тогда на два враждебныхъ лагеря, которые были готовы ежеминутно вступить между собою въ борьбу: съ одной стороны были—Англія, Австрія и Россія, съ другой—Франція и союзныя съ нею Пруссія, Швеція, Турція и бо̀льшая часть Польши. Всякое столкновеніе между Англіей и Франціей могло повести къ обще-европейской войнѣ, тѣмъ болѣе, что между лондонскимъ и версальскимъ дворами уже нѣсколько лѣтъ происходили нескончаемыя недоразумѣнія изъ-за пограничной линіи ихъ владѣній въ Америкѣ. Въ 1754 г. отношенія между ними обострились, дѣло дошло до того, что въ колоніяхъ взялись за оружіе, и распря, возгорѣвшаяся въ Новомъ Свѣтѣ, легко могла охватить и европейскія государства.

Англія считала себя неуязвимой на своемъ островѣ, но наслѣд-

---

[1]) Министръ иностранныхъ дѣлъ Пюизье—де-Аллеру 20-го апрѣля и 5-го іюня 1750 г.

ственныя владѣнія ея короля на материкѣ, т. е. курфюршество Ганноверское, могло подвергнуться нападенію Франціи, и что еще вѣроятнѣе, ея союзника—Пруссіи. Поэтому англійскій король Георгъ II, заботясь о защитѣ этихъ владѣній, послалъ, весною 1755 г., въ Россію сэра Вилліамса съ порученіемъ выхлопотать у русскаго правительства посылку 60—70-ти-тысячнаго корпуса для защиты Ганновера, за что англійскій король обѣщалъ ему весьма крупную субсидію. Въ Петербургѣ британскій посланникъ нашелъ вполнѣ благопріятную почву; канцлеръ, по вкусамъ и симпатіямъ болѣе англичанинъ, нежели русскій, былъ готовъ исполнить желаніе англійскаго короля. По договору, заключенному Вилліамсомъ въ Петербургѣ 30-го сентября 1755 года, Россія обязалась предоставить въ распоряженіе Англіи 70-ти-тысячную армію, взамѣнъ чего ей была обѣщана ежегодная субсидія въ 100.000 фунт. стерл. Этотъ договоръ, направленный противъ Франціи и Пруссіи, при помощи которой первая думала напасть на континентальныя владѣнія Англіи, вызвалъ въ Берлинѣ настоящую панику. Фридрихъ II, человѣкъ въ высшей степени смѣлый и энергичный, не боялся ничего на свѣтѣ, кромѣ русскихъ войскъ, сознавая, что эта многочисленная армія, привыкшая къ трудамъ и походамъ, даже при отсутствіи опытныхъ офицеровъ и при всѣхъ несовершенствахъ мобилизаціи, можетъ склонить побѣду на свою сторону, благодаря своей изумительной стойкости, выносливости и испытанной храбрости.

— Легче убить русскихъ, нежели побѣдить ихъ, — говорилъ Фридрихъ.

Еще въ 1744 г. онъ высказывалъ свои опасенія по поводу быстраго усиленія Россіи, говоря, что это «держава грозная, которая лѣтъ черезъ 50 заставитъ дрожать всю Европу».

Узнавъ о договорѣ, подписанномъ сэромъ Вилліамсомъ, Фридрихъ понялъ, что, оставаясь въ союзѣ съ Франціей, ему придется рано или поздно сражаться съ русскими, поэтому онъ началъ немедленно дѣятельные переговоры о союзѣ съ лондонскимъ дворомъ, и за англо-русской конвенціей послѣдовалъ новый договоръ, заключенный между Великобританіей и Пруссіей 16-го января 1756 г. По этому договору Фридрихъ обязался помогать Англіи въ войнѣ съ какой бы то ни было державою, если она посягнетъ на неприкосновенность германской территоріи; это значило, ни болѣе ни менѣе, какъ принять на себя обязательство защищать Ганноверъ въ случаѣ нападенія на него французовъ. Само собою разумѣется, что подобный договоръ былъ несовмѣстимъ съ союзомъ, который существовалъ уже 15 лѣтъ между Пруссіей и Франціей.

Вестминстерскій договоръ еще не былъ ратификованъ, когда въ

Берлинъ прибылъ изъ Версаля герцогъ Нивернуа съ оффиціальнымъ предложеніемъ своего правительства возобновить съ нимъ союзный договоръ, коего срокъ истекалъ въ 1757 г.

Фридрихъ признался въ своей измѣнѣ, объяснивъ ее страхомъ, который ему внушали войска Елисаветы Петровны. Всѣ дальнѣйшія попытки французскаго правительства возобновить союзъ съ прусскимъ королемъ были тщетны; онъ ратификовалъ договоръ съ Англіей на глазахъ у герцога Нивернуа. Извѣстіе объ этомъ союзѣ произвело большое впечатлѣніе во Франціи; она не могла быть безъ союзниковъ въ Германіи, и ей оставалось только выбрать или австрійскую императрицу, которая добивалась союза съ нею, или Пруссію, которая отъ него отказывалась. Людовикъ XV поневолѣ согласился начать переговоры съ Австріей, и оборонительный союзъ, заключенный имъ съ Маріей-Терезіей въ Версалѣ 1-го мая 1756 г., былъ естественнымъ послѣдствіемъ Вестминстерскаго договора, точно также, какъ этотъ послѣдній былъ вызванъ конвенціей, заключенной въ Петербургѣ между Россіей и Англіей.

Въ то же время въ величайшей тайнѣ начались переговоры о союзѣ между Франціей и Россіей. За послѣднія десять лѣтъ обѣ эти державы то и дѣло сталкивались на дипломатическомъ поприщѣ какъ враги, а между тѣмъ версальскому кабинету было извѣстно, что политика русскаго канцлера не соотвѣтствовала тайнымъ симпатіямъ Елисаветы Петровны, которая питала, какъ всѣмъ было извѣстно, въ глубинѣ души особое расположеніе къ Франціи и къ ея королю, и въ своемъ желаніи сблизиться съ нимъ руководствовалась не столько разсчетомъ, сколько искреннимъ чувствомъ. Тѣ немногіе французы, коимъ удавалось побывать при русскомъ дворѣ, передавали, возвращаясь на родину, что императрица вспоминала всегда съ удовольствіемъ о своихъ сношеніяхъ съ Людовикомъ XV и упрекала себя по отношенію къ нему въ неблагодарности. Тѣ же французы прибавляли, что когда императрицѣ случалось взгрустнуть, то приближенные, желая ее развлечь, начинали бесѣдовать съ нею о Франціи и о Людовикѣ XV. При этомъ разсказывался слѣдующій анекдотъ.

Въ числѣ французовъ, жившихъ въ Россіи, находился нѣкто Сомпсой, сынъ швейцара герцога Жеврскаго. Какъ талантливый миніатюристъ, онъ былъ представленъ императрицѣ и писалъ съ нея портретъ; на одномъ изъ сеансовъ Елисавета Петровна отозвалась съ большою похвалою о Франціи; художникъ, весьма кстати, отвѣчалъ, что имя ея величества пользуется среди французовъ большимъ уваженіемъ и что онъ слышалъ отъ герцога Жеврскаго о томъ, что Людовикъ XV раздѣляетъ, въ этомъ случаѣ, мнѣніе своихъ подданныхъ. Услыхавъ

это, императрица улыбнулась; художникъ схватилъ эту улыбку, и портретъ вышелъ замѣчательно удачный [1]).

Оставляя вѣрность этого разсказа на отвѣтственности разсказчика, надобно признать, что онъ какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ духу описываемой эпохи.

Итакъ оказывалось, что неограниченная повелительница 20-ти милліоновъ подданныхъ не была властна руководствоваться въ политикѣ своими собственными симпатіями, а должна была подчиняться вліянію своего канцлера и слѣдовать такой политической системѣ, которой она не одобряла. Впрочемъ, императрица не отказывалась отъ мысли въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ дать волю своимъ личнымъ симпатіямъ. Не рѣшаясь вступать въ открытую борьбу съ канцлеромъ, она дѣйствовала втайнѣ противъ него; въ этомъ ей усердно помогалъ вице-канцлеръ Воронцовъ, пользовавшійся ея полнымъ довѣріемъ за свои дѣльные, благоразумные совѣты и къ которому Елисавета Петровна относилась болѣе какъ къ другу, нежели какъ къ министру. Воронцовъ хорошо зналъ Францію, гдѣ онъ былъ въ 1744 году и гдѣ встрѣтилъ весьма радушный пріемъ. Любя эту страну и отдавая ей должное, онъ искалъ вмѣстѣ съ императрицею средства сблизить съ нею Россію. Задача была не изъ легкихъ, такъ какъ съ 1747 г. въ Петербургѣ не было ни французскаго посланника, ни повѣреннаго въ дѣлахъ, ни консула — словомъ, ни одного человѣка, которому можно было бы довѣриться или съ которымъ можно бы начать переговоры.

Въ Петербургѣ проживало, правда, нѣсколько французовъ, но это были или служащіе въ частныхъ домахъ, гдѣ они занимали самое скромное общественное положеніе, или купцы. Въ числѣ этихъ послѣднихъ былъ нѣкій Мишель, коего одинъ изъ современниковъ описываетъ какъ человѣка въ высшей степени милаго, который былъ другомъ и довѣреннымъ лицомъ самыхъ знатныхъ особъ въ Россіи [2]). Ведя довольно крупную торговлю, Мишель часто ѣздилъ изъ Петербурга во Францію и, когда требовали дѣла, его не останавливало ни суровое время года, ни продолжительность путешествія, ни опасности, угрожавшія въ то время путешественникамъ на большихъ дорогахъ въ Россіи и Германіи. Въ одно изъ своихъ путешествій, въ 1753 г., проѣздомъ черезъ Версаль, Мишель исходатайствовалъ у французскаго министра иностранныхъ дѣлъ позволеніе явиться къ нему и передалъ ему секретное порученіе, возложенное на него въ Россіи. Порученіе это состояло въ томъ, что им-

---

[1]) Voyage à Pétersbourg ou Nouveaux Mémoires sur la Russie par M. de La Messelière p. 71—72. Де-ла-Мессельеръ состоялъ одно время при французскомъ посланникѣ въ Россіи Лопиталѣ.

[2]) Письмо Дугласа 15 янв. 1757 г.

ператрица Елисавета Петровна выражала желаніе возобновить сношенія съ Франціей, прося предать забвенію все прошлое.

Это было въ самый разгаръ борьбы, которую французское правительство затѣяло противъ Россіи въ Польшѣ и Турціи, поэтому Людовикъ XV и его министры не сочли удобнымъ вступать въ переговоры съ посланнымъ русской императрицы, но вскорѣ послѣ его отъѣзда пожалѣли о томъ, что не воспользовались ея предложеніемъ, и хотя задумали исправить сдѣланную ошибку, но взялись за это крайне неумѣло.

Въ 1754 г., петербургская полиція занесла во свои списки примѣты нѣкоего Валькруассана (Messonier de Valcroissant), француза, прибывшаго въ столицу, которому удалось проѣхать черезъ границу, подъ вымышленнымъ именемъ. Бестужевъ заподозрилъ въ немъ тайнаго эмиссара французскаго правительства и приказалъ арестовать его. Валькруассанъ не могъ или не пожелалъ предъявить никакихъ документовъ, коими объяснялась бы цѣль его поѣздки, такъ что канцлеру было легко аттествовать его шпіономъ, прибывшимъ яко бы съ самыми злостными намѣреніями [1]), и несчастному французу пришлось пропутешествовать въ Шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ ему было предоставлено, любуясь на красоты Ладожскаго озера, обсудить о томъ какъ опасно путешествовать въ Россіи, не имѣя вполнѣ исправнаго вида [2]).

Не подлежитъ сомнѣнію, что на Валкруассана было возложено французскимъ правительствомъ какое нибудь порученіе, но въ чемъ именно оно заключалось—до сихъ поръ остается тайною.

Въ слѣдующемъ, 1755 году, Елисавета Петровна обратилась снова къ версальскому двору съ предложеніемъ заключить съ нею союзъ.— Императрица мечтала о сближеніи съ Франціей въ тотъ моментъ, когда ея министры ожидали прибытія въ Петербургъ сэра Вилліамса и готовились заключить союзный договоръ съ заклятымъ врагомъ этой державы—съ Англіей.

Этотъ разъ обстоятельства были на столько критическія, что Людовикъ XV, при всемъ своемъ нежеланіи сближаться съ Россіей, такъ какъ это заставило бы его измѣнить всю политику Франціи на Востокѣ, не счелъ возможнымъ оставить предложеніе императицы безъ вниманія,

---

[1]) Въ дѣлахъ тайной канцеляріи за 1756 г., находится слѣдующее заключеніе коммисіи, разсматривавшей дѣло Валькруассана: „Сей французъ прямой и небезопасный шпіонъ, потому что онъ самую подозрительную корреспонденцію подъ подложными именами производилъ и въ главныхъ приморскихъ городахъ пріискивалъ себѣ корреспондентовъ: того ради отнюдь его отсюда выпустить нельзя, а надлежитъ содержать въ крѣпкомъ мѣстѣ, однакожъ съ опредѣленіемъ пропитанія безъ нужды“. Соловьевъ, т. 24, стр. 65.

[2]) Валькруассанъ былъ освобожденъ въ 1757 г. по просьбѣ французскаго правительства.

но онъ льстилъ себя надеждою, что ему удастся, обратясь къ ея чувству, уговорить ее не заключать никакихъ обязательствъ съ его врагами и отказаться, изъ любезности къ нему, отъ возможности играть какую бы то ни было роль въ Европѣ [1]).

Съ этимъ деликатнымъ порученіемъ Людовикъ XV рѣшился отправить въ Петербургъ тайнаго агента; все затрудненіе состояло въ выборѣ подходящаго лица. Ни одинъ дипломатъ не рѣшился бы скомпрометировать себя столь щекотливымъ порученіемъ, а лицо неизвѣстное въ дипломатическомъ мірѣ не внушило бы къ себѣ въ Россіи никакого довѣрія. Мало того, всякій французъ однимъ своимъ появленіемъ въ Россіи возбудилъ бы подозрѣніе русскаго министерства; поэтому выборъ короля палъ на шотландца, Мэкензи Дугласа, англійскаго подданнаго, рекомендованнаго ему принцемъ Конти, покинувшаго Великобританію по причинамъ политическаго характера (онъ былъ приверженцемъ Стюартовъ) и проживавшаго съ тѣхъ поръ во Франціи. Онъ не имѣлъ никакихъ средствъ къ существованію, отличался смѣлостью, отвагою, огромнымъ желаніемъ отличиться и настойчивостью въ преслѣдованіи намѣченной цѣли—черта характера свойственная его націи.

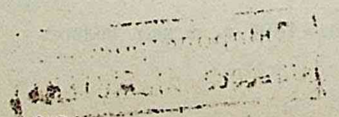
Все это дѣлало его человѣкомъ вполнѣ подходящимъ для тайнаго порученія, которое король возлагалъ на него. Передъ отправленіемъ въ Россію Дугласу была вручена черепаховая табакерка съ двойнымъ дномъ, въ которую была вложена исписанная чрезвычайно мелкимъ шрифтомъ записка, долженствовавшая служить ему инструкціей: она заключала въ себѣ необходимые совѣты и указанія о томъ, что говорить и какъ дѣйствовать въ Россіи [2]).

Дугласу было предписано, не завязывая никакихъ переговоровъ, собрать самыя точныя свѣдѣнія о финансахъ русской имперіи, объ ея торговлѣ и военныхъ силахъ, разузнать объ успѣхѣ переговоровъ Вилліамса насчетъ субсиднаго трактата, какъ велико вліяніе Бестужева, Воронцова и другихъ фаворитовъ императрицы, какъ относится сама императрица къ Франціи и каковы ея виды относительно Польши, Швеціи и Турціи. Переписку съ Дугласомъ рѣшено было вести въ извѣстныхъ, заранѣе условленныхъ выраженіяхъ, какъ будто дѣло шло о покупкѣ мѣховъ. - Вилліамса рѣшено было называть въ ней «черной лисицей», Бестужева «рысью». Слова «соболя падаютъ въ цѣнѣ» должны были означать, что вліяніе канцлера упало; подъ словами «шкуры бѣ-

---

[1]) Это видно изъ секретныхъ инструкцій, данныхъ впослѣдствіи Людовикомъ XV барону де-Бретелю при отправленіи его въ Россію, которыя будутъ приведены въ своемъ мѣстѣ.

[2]) Напечатана у Gaillardet въ Mémoires de la chevalière d'Eon. Paris 1866, I, 375.

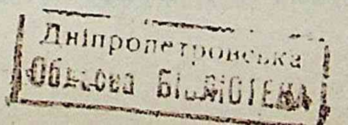
личьяго мѣха» было условлено понимать «солдатъ, на жалованьи у Англіи»; наконецъ, если бы понадобилось отозвать Дугласа, то было условлено написать ему, что «муфту нашли, чтобы онъ ее не покупалъ».

Получивъ эти инструкціи, Дугласъ выѣхалъ въ Россію лѣтомъ 1755 г.; и, чтобы не дать пищи подозрѣніямъ, отправился туда не прямымъ, а кружнымъ, болѣе дальнимъ путемъ. Побывавъ въ Швабіи онъ поѣхалъ въ Вѣну, а оттуда въ Богемію. Ѣхалъ не спѣша, какъ туристъ, путешествующій безо всякой опредѣленной цѣли; въ Польшѣ и Силезіи онъ осматривалъ рудники, въ Дрезденѣ завелъ любовную интригу, но за то въ Данцигѣ употребилъ время съ бо́льшей пользою, познакомившись съ нѣкоторыми личностями, преданными Франціи, отъ которыхъ онъ получилъ кое-какія свѣдѣнія о Россіи. Въ Данцигѣ онъ всѣмъ говорилъ о своемъ намѣреніи проѣхать въ Швецію, съ цѣлью изучить тамошніе рудники, но, неожиданно измѣнивъ свое намѣреніе, отправился въ Петербургъ, куда ему посчастливилось доѣхать благополучно, безо всякихъ задержекъ, въ первыхъ числахъ октября. Оставалось только получить какимъ нибудь путемъ доступъ во дворецъ; тутъ приходилось уже дѣйствовать съ величайшей осторожностью и хитростью.

Въ XVIII вѣкѣ, какъ и въ настоящее время, туристъ-англичанинъ менѣе всего могъ возбудить подозрѣніе, но Дугласу надобно было обмануть проницательность своего собственнаго соотечественника, сэра Вилліамса, который считалъ себя побѣдителемъ въ Петербургѣ и ревниво охранялъ отвоеванную имъ позицію. Подозрительный въ высшей степени, даже въ отношеніи къ своимъ соотечественникамъ, онъ, съ согласія Бестужева, принялъ за правило, чтобы ни одинъ англичанинъ не былъ допускаемъ ко двору иначе, какъ по его личной рекомендаціи. Узнавъ объ этомъ, Дугласъ смѣло отправился къ Вилліамсу и попросилъ представить его ко двору. Но посланникъ былъ уменъ и недовѣрчивъ; Дугласъ какъ шотландецъ и католикъ казался ему вдвойнѣ подозрительнымъ; онъ отказалъ ему наотрѣзъ въ просимой услугѣ и даже предупредилъ канцлера о томъ, что пріѣзжій кажется ему человѣкомъ подозрительнымъ. Чтобы избѣжать участи Валькруассана новому эмиссару французскаго правительства оставалось одно средство: уѣхать изъ Петербурга; онъ покорился этой необходимости и уѣхалъ вскорѣ обратно за границу.

Однако Дугласъ недолго пробылъ во Франціи; 26 апрѣля 1756 г. онъ явился вторично въ Петербургъ. Этотъ разъ всѣ двери распахнулись предъ нимъ, всѣ препятствія были устранены; мѣсяцъ спустя послѣ пріѣзда онъ получилъ аудіенцію у императрицы и вручилъ ей документы, коими былъ аккредитованъ при ней въ качествѣ посланника съ повелѣніемъ возобновить дипломатическіе переговоры.

Что же произошло въ его отсутствіе? какимъ чудомъ удалось сэру

*

Дугласу побѣдить издали всѣ затрудненія и препоны, представившіяся ему въ первый его пріѣздъ въ Россію? Это долгое время оставалось тайною и не могло быть разъяснено на основаніи какихъ либо достовѣрныхъ историческихъ документовъ; ни въ національныхъ архивахъ Франціи ни въ тамошнемъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ не сохранилось корреспонденціи Дугласа за время его перваго пребыванія въ Россіи и въ промежутокъ между его обоими поѣздками. Было бы обидно отказаться на этомъ основаніи отъ всякой надежды восполнить этотъ досадный пробѣлъ и принять безъ провѣрки романическую легенду о томъ, какимъ образомъ осуществилось наконецъ давно желаемое сближеніе французскаго и петербургскаго дворовъ. Постараемся разсмотрѣть и выяснить, насколько согласуется съ истиною интересный разсказъ, который принимался до послѣдняго времени самыми серьезными писателями за фактъ вполнѣ достовѣрный, породилъ въ свое время цѣлую литературу [1]), и былъ предметомъ продолжительныхъ и многочисленныхъ изслѣдованій.

По словамъ этой легенды, Дугласъ пріѣхалъ первый разъ въ Россію не одинъ; его сопровождала двадцатилѣтняя его племянница, дѣвица Ліа де-Бомонъ. Вынужденный уѣхать вслѣдствіе интригъ Бестужева и Вилліамса, Дугласъ оставилъ будто бы въ Петербургѣ эту племянницу, познакомивъ ее съ графомъ Воронцовымъ, который обѣщалъ представить ее, въ свою очередь, императрицѣ и содѣйствовать ея опредѣленію во фрейлины. Очарованная своей новой приближенной, Елисавета Петровна помѣстила ее, какъ говоритъ легенда, въ той самой комнатѣ, сосѣдней со своими аппартаментами, въ которой жила уже столь извѣстная впослѣдствіи княгиня Дашкова. Раздѣляя комнату и чуть не постель своей новой подруги, дѣвица де-Бомонъ умѣла снискать расположеніе царицы и наконецъ рѣшилась открыть ей тайну, о которой передавали другъ другу втихомолку фрейлины. Де-Бомонъ призналась Елисаветѣ Петровнѣ, что она скрыла свое имя и свой полъ для того, чтобы быть допущенной къ ея особѣ, и вручила ей письмо отъ французскаго короля. Ліа де-Бомонъ оказалась въ дѣйствительности кавалеромъ Эономъ де-Бомонъ, другомъ Дугласа, который взялся ему помочь при исполненіи даннаго ему порученія; тщедушное тѣлосложеніе и безбородое лицо молодаго человѣка дало ему возможность разыграть свою роль въ совершенствѣ. Императрица не только не разгнѣвалась, узнавъ объ этой мистификаціи, но ее даже прельстила романическая сторона этого приключенія. Она приказала д'Эону возвратиться во Францію и передать королю, что его посланіе принято и доставило удовольствіе.

---

[1]) См. „Русскую Старину" 1874 г., т. X, стр. 744, 745.

Д'Эонъ въ точности передалъ этотъ отвѣтъ, и французское правительство тогда только рѣшилось отправить въ Россію оффиціальнаго посланника; имъ былъ назначенъ тотъ же Дугласъ, котораго сопровождалъ д'Эонъ въ качествѣ секретаря посольства. [1])

Можно вполнѣ присоединиться къ мнѣнію тѣхъ лицъ, которые, какъ напр. герцогъ де-Брольи, называютъ этотъ разсказъ въ высшей степени неправдоподобнымъ и находятъ, что ни одна изъ его подробностей не выдерживаетъ критики, начиная съ таинственнаго появленія молодаго человѣка при дворѣ Елисаветы Петровны и кончая вторичнымъ появленіемъ бывшей фрейлины подъ видомъ рѣзваго секретаря съ шляпой съ перомъ и со шпагой на боку. [2]) Одно не подлежитъ сомнѣнію, что Дугласъ, получивъ весною 1756 г. приказаніе отправиться вторично въ Россію, взялъ съ собою, въ качествѣ секретаря, молодаго человѣка, имя котораго уже было извѣстно въ литературномъ мірѣ, и что этого секретаря звали Эонъ де-Бомонъ. Въ этомъ исторія сходится съ фабулою. Что же касается перваго путешествія въ Россію этого юноши, то это обстоятельство не подтверждается ни однимъ оффиціальнымъ документомъ; зато имѣется много данныхъ, свидѣтельствующихъ объ ошибочности этого разсказа; многими документами установленъ самымъ положительнымъ образомъ тотъ фактъ, что кавалеръ д'Эонъ прибылъ въ Россію съ Дугласомъ впервые во вторичный его пріѣздъ въ Петербургъ и что онъ чувствовалъ себя весьма непріятно въ странѣ, ему совершенно незнакомой, коей языкъ и нравы были ему чужды.

Такимъ образомъ уничтожается легенда, такъ долго соблазнявшая потомство своей романической подкладкой. Остается возстановить истину.

Хотя во французскихъ архивахъ не сохранилось документовъ, касающихся первой поѣздки Дугласа, но зато въ нихъ находятся всѣ письма, имъ писанныя и на его имя адресованныя во второе его путешествіе. Эта корреспонденція полна намековъ на прошлое и по ней легко можно возстановить всѣ предъидущія событія. Кромѣ того, въ числѣ документовъ, приложенныхъ къ корреспонденціи изъ Россіи, находится записка, въ коей изложены вкратцѣ всѣ обстоятельства, предшествовавшія возобновленію сношеній Франціи съ Россіей. Эти документы устраняютъ всякое сомнѣніе, и всѣ факты могутъ быть возстановлены по нимъ въ ихъ истинномъ свѣтѣ; къ сожалѣнію фабула теряетъ при этомъ все свое обаяніе, поэзія смѣняется прозою и посредникомъ примиренія Людовика XV и Елисаветы Петровны является не предпріимчивый, ловкій юноша, переодѣтый фрейлиною, а честный французскій купецъ, ревностно потрудившійся для блага своей родины.

---

[1]) Mémoires de la chevalière d'Eon par T. Gaillardet. Paris 1866.
[2]) Duc de Broglie, Le secret du Roi, II, 100 и сл.

Когда попытка Дугласа попасть во дворецъ подъ покровительствомъ Вилліамса не удалась, и онъ, горюя объ этой невзгодѣ, собирался уѣхать изъ Петербурга, то ему пришло на умъ обратиться къ Мишелю, коего преданность французскому правительству была ему хорошо извѣстна. Несмотря на опасность, сопряженную съ услугою, которой отъ него требовалъ Дугласъ, Мишель не колеблясь изъявилъ согласіе быть ему полезнымъ. Воспользовавшись тѣмъ, что онъ былъ принятъ въ домѣ графа Воронцова какъ свой человѣкъ, онъ познакомилъ съ нимъ Дугласа, а вице-канцлеръ обѣщалъ довести до свѣдѣнія государыни о цѣли его пріѣзда въ Петербургъ и предложилъ Дугласу изложить ему письменно все то, что ему велѣно предложить отъ французскаго двора, чтобы онъ могъ сдѣлать обстоятельное донесеніе ея величеству. Дугласъ согласился и подалъ слѣдующую записку: «Король, мой государь, отправилъ меня къ вашему сіятельству съ извѣщеніемъ, что, если ея величество императрица дѣйствительно расположена къ соединенію съ Франціею, то его величество съ удовольствіемъ увидитъ установленіе дружескихъ сношеній, которымъ, для взаимныхъ интересовъ, не слѣдовало бы никогда прерываться. Мнѣ поручено васъ увѣрить, что, когда императрица рѣшится назначить своего министра во Францію, то король, какъ только узнаетъ о происхожденіи и званіи этого министра, немедленно назначитъ своего министра въ Россію, равнаго по происхожденію и званію». Въ отвѣтѣ, составленномъ на эту записку, отъ имени государыни, говорилось, что императрица съ особеннымъ удовольствіемъ узнала о личныхъ чувствахъ короля къ ней и, такъ какъ она ожидала только случая увѣрить короля въ своихъ чувствахъ къ нему, неизмѣнно ею сохраненныхъ, то ея величество очень рада видѣть доброе расположеніе его величества къ возстановленію добраго согласія и тѣсной дружбы между обоими дворами [1]) и искренно желаетъ возобновить прежнія дружественныя отношенія съ Франціей подъ условіемъ, что примиреніе будетъ полное и поведетъ къ заключенію твердаго союза между обоими государствами. При этомъ она изъявила готовность принять посланнаго короля, кто бы таковой ни былъ, ежели ему будутъ даны достаточныя полномочія для того, чтобы подписать съ нею союзный договоръ. Воронцовъ даже выдалъ Дугласу въ томъ письменное удостовѣреніе.

Получивъ этотъ драгоцѣнный документъ, Дугласъ поспѣшилъ возвратиться съ нимъ во Францію. Въ его отсутствіе Мишель велъ съ нимъ дѣятельную переписку и служилъ дѣлу сближенія двухъ государствъ, поддерживая, съ одной стороны, въ графѣ Воронцовѣ и въ самой импе-

---

[1]) Соловьевъ, т. 24, стр. 68.

ратрицѣ симпатіи къ Франціи, а съ другой, поощряя французское правительство дѣйствовать смѣлѣе и энергичнѣе.

Отправляя Дугласа въ Петербургъ вторично, французскій дворъ все еще не хотѣлъ связывать себя окончательно и разрѣшилъ ему только начать переговоры о союзѣ. Пріѣхавъ въ Петербургъ Дугласъ и его секретарь д'Эонъ остановились въ домѣ Мишеля, и контора негоціанта превратилась въ канцелярію дипломата. Приказчики Мишеля писали дипломатическія депеши, а самъ Мишель ссудилъ Дугласу 10 тысячъ ливровъ на первые расходы и вновь принялъ на себя роль дѣйствующаго лица и руководителя.

Елисавета Петровна находила, что намѣренія короля не вполнѣ соотвѣтствовали ея желаніямъ, такъ какъ Франція по прежнему считала для себя необходимымъ препятствовать усиленію русскаго вліянія въ Польшѣ и не подавала вида, что можетъ пожертвовать турецкими интересами въ пользу Россіи. Въ свою очередь она колебалась и, зная, что канцлеръ былъ безусловно преданъ Англіи, она волновалась при мысли, что ей придется дѣйствовать наперекоръ его планамъ. Въ теченіе нѣсколькихъ дней при петербургскомъ дворѣ происходила самая ожесточенная борьба партій. Бестужевъ не жалѣлъ средствъ, чтобы погубить Францію; онъ даже былъ готовъ на преступленіе; въ его бумагахъ найденъ впослѣдствіи составленный имъ планъ лишить жизни Дугласа, Мишеля и д'Эона.

Съ другой стороны Воронцовъ и Мишель, не пренебрегали ничѣмъ, чтобы обезпечить себѣ успѣхъ. У Мишеля были во дворцѣ кліенты, люди ему обязанные, и онъ пользовался ихъ вліяніемъ.

На сторонѣ Франціи оказался вскорѣ еще одинъ человѣкъ—фаворитъ, графъ Иванъ Шуваловъ, имѣвшій огромное вліяніе на императрицу.

— Наша бѣда въ томъ,—говорилъ Бестужевъ жалуясь Вилліамсу,— что у насъ есть теперь молодой фаворитъ, который говоритъ по-французски и любитъ французовъ и ихъ моды. Онъ желаетъ, чтобы къ здѣшнему двору прибыло большое посольство изъ Франціи [1]).

Наконецъ, Елисавета Петровна рѣшилась поступить по своему желанію, объявила о своемъ намѣреніи дать аудіенцію французскому посланнику, и, принявъ Дугласа, назначила вслѣдъ затѣмъ въ Версаль своего повѣреннаго въ дѣлахъ. Чувствуя себя побѣжденнымъ, Бестужевъ перемѣнилъ тактику, сталъ сговорчивъ и даже угодливъ и говорилъ всѣмъ и каждому, что онъ смотритъ на сближеніе съ Франціей какъ на естественное послѣдствіе союза этой державы съ Австріей—

---

[1]) Депеша Вилліамса отъ 9-го іюля 1756 г. Напечатана въ „La Cour de Russie il y a cent ans“ и въ „Русск. Стар.“ т. 84. ноябрь, стр. 77.

исконной союзницей Россіи. Чтобы удержаться у власти, онъ согласился раздѣлить ее съ Воронцовымъ: оба сановника получили приказаніе совмѣстно вести съ Дугласомъ переговоры о союзѣ.

Роль Мишеля этимъ не окончилась. Онъ продолжалъ свои полуторговыя, полуполитическія, если можно такъ выразиться, поѣздки, разъѣзжалъ взадъ и впередъ изъ С.-Петербурга въ Парижъ и обратно, передавая самыя важныя извѣстія и всю корреспонденцію, которую нельзя было довѣрить почтѣ.

Послѣ того какъ Дугласъ получилъ аудіенцію у императрицы, Мишель совершилъ въ 18 дней путь въ Парижъ, привезъ во Францію эту добрую вѣсть и возвратился оттуда съ декларацiей, коей французское правительство обѣщало въ непродолжительномъ времени назначить въ Россію постояннаго посланника. Мишель горѣлъ нетерпѣніемъ доставить русскому двору этотъ документъ, какъ можно скорѣе. Въ Данцигѣ, одинъ изъ корреспондентовъ Дугласа видѣлъ, что онъ «подобно молніи пронесся по городу» [1]).

Всѣ эти подробности не только интересны сами по себѣ, но важны въ томъ отношеніи, что онѣ доказываютъ ошибочность существовавшаго доселѣ мнѣнія, будто сближеніе Франціи съ Россiей было послѣдствіемъ союза, заключеннаго французскимъ правительствомъ съ Австріей, и свидѣтельствуютъ о томъ, что союзъ этихъ державъ явился результатомъ добровольнаго соглашенія между обоими государствами и ихъ монархами. Елисавета Петровна дала волю давно сдержаннымъ своимъ желаніямъ, лишь только Людовикъ XV подалъ ей къ тому поводъ и не желала имѣть въ дѣлѣ сближенія съ Франціей никакихъ посредниковъ.

— Я не хочу,—говорила она Дугласу,—чтобы въ дѣлѣ сближенія моего съ королемъ участвовало какое-нибудь третье лицо. Я прошу его только дѣйствовать искренно и прямо съ полной взаимностью во всемъ, что будетъ насъ касаться [2]).

Съ этого момента личное участіе императрицы имѣло большое вліяніе на дѣла внѣшней политики и когда Дугласъ былъ утвержденъ оффиціально въ званіи посланника, первою ея заботою было предложить ему заключить съ нею отдѣльный союзъ независимо отъ договора, заключеннаго Франціей съ ея союзницею—Австріей.

Къ сожалѣнію, лица, руководившія иностранной политикой Франціи въ 1756 г., хотя и понимали ея задачи и были одушевлены наилучшими намѣреніями, но не стояли вполнѣ на высотѣ своей задачи; они погрѣшили нѣкоторой слабостью и не съумѣли предоставить Франціи первенствующую роль, которую она могла бы играть при этихъ обстоятель-

---

[1]) Mathy—Дугласу, 3-го сентября 1756 г.

[2]) Письмо Дугласа 25-го сентября 1756 г.

ствахъ, а предпочли идти на помочахъ ея новой союзницы Австріи, туда куда она хотѣла. Вслѣдствіе робости ея правительства и отсутствія въ немъ иниціативы, Франція играла въ Петербургѣ второстепенную роль, какъ будто ничего не могла добиться безъ посредничества и согласія Австріи. Начавъ, по предложенію Елисаветы Петровны съ русскимъ дворомъ переговоры о заключеніи отдѣльнаго союза, Франція вскорѣ прервала ихъ, выразивъ вмѣстѣ съ вѣнскимъ дворомъ желаніе, чтобы Россія только присоединилась къ Версальскому договору. Послѣ такого заявленія, истиннымъ представителемъ Франціи въ Петербургѣ сталъ не Дугласъ, а австрійскій посланникъ, графъ Эстергази.

Императрица удивлялась этой робости и даже была ею оскорблена. «Вы предписываете мнѣ, писалъ Дугласъ министру иностранныхъ дѣлъ Рулье, совѣтываться во всемъ съ австрійскимъ посланникомъ, а здѣшніе министры находятъ, что это ставитъ меня въ подчиненное положеніе и всѣ наши рѣшенія въ зависимость отъ вѣнскаго двора. Ихъ удивляетъ еще болѣе ваша откровенность по отношенію къ Австріи и ваша готовность утратить всѣ преимущества секретныхъ переговоровъ, которые вы ведете съ Россіей. Наконецъ, я не могу скрыть, что намекъ, сдѣланный австрійскимъ посланникомъ, будто вы не прочь дать субсидію русскому правительству по просьбѣ австрійскаго двора, тогда какъ вы ни словомъ не предупредили меня о томъ, и я не могъ съ своей стороны на это намекнуть, крайне удивилъ самыхъ преданныхъ вашихъ друзей; по ихъ мнѣнію, это обидно для нашего обоюднаго достоинства, можетъ помѣшать искренности нашихъ отношеній и повести къ тому, что союзъ Франціи съ русскимъ дворомъ будетъ поставленъ въ зависимость отъ Австріи, на что Россія не желаетъ и не можетъ согласиться» [1]).

Австрія между тѣмъ не дремала; она ловко съумѣла воспользоваться робостью и нерѣшительностью Франціи. Уже въ мартѣ мѣсяцѣ 1756 г. графъ Эстергази вручилъ Елисаветѣ Петровнѣ, подъ величайшей тайною, планъ совмѣстныхъ съ Австріей дѣйствій противъ Пруссіи [2]), который императрица передала на разсмотрѣніе Бестужеву. 17-го мая 1756 года канцлеръ прочелъ въ совѣтѣ записку, въ коей излагалъ насколько новое усиленіе прусской монархіи могло оказаться пагубнымъ для Россіи.

Король прусскій, говорилось въ этой запискѣ, довелъ уже численность своей арміи съ 80 до 200 тысячъ человѣкъ; отъ доходовъ съ Силезіи и отъ милліоновъ, взимаемыхъ съ Саксоніи, составился военный фондъ; онъ добивается Ганновера съ одной стороны, Курляндіи — съ другой, и сдѣлался самымъ опаснымъ изъ сосѣдей.

---

[1]) Дугласъ, 25-го сентября 1756 г.
[2]) Мартенсъ, I, 190.

Справедливость вышесказаннаго нельзя было отрицать, и Елисавета Петровна, какъ извѣстно, лично ненавидѣвшая прусскаго короля [1]), склонялась все болѣе и болѣе къ мысли о необходимости сократить его силы.

Марія-Терезія начала въ то же время переговоры въ Дрезденѣ и подготовляла настоящую коалицію противъ Фридриха, который, увидавъ угрожавшую ему опасность, счелъ за лучшее предупредить своихъ враговъ и покончить однимъ ударомъ меча съ тѣми затрудненіями, которыя угрожали ему со всѣхъ сторонъ. «Было вѣроятно, говоритъ самъ Фридрихъ въ своихъ запискахъ, что въ этомъ году враги Пруссіи не начнутъ войны, ибо петербургскій дворъ хотѣлъ отложить ее до слѣдующаго года, и было очевидно, что императрица-королева будетъ дожидаться, пока всѣ ея союзники приготовятся напасть на прусскаго короля соединенными силами. Эти соображенія повели къ вопросу: что выгоднѣе—предупредить непріятеля, напавши на него сейчасъ же, или дожидаться, пока онъ кончитъ свои сборы. Какъ бы ни рѣшенъ былъ этотъ вопросъ, война была одинаково вѣрна и неизбѣжна» [2]). Разсчитавъ, что саксонское войско было слабо (въ немъ считалось всего около 18.000), Фридрихъ рѣшилъ, что ему можно было спастись только быстротою и силою. Поэтому 29-го августа 1756 г. пруссаки вступили неожиданно подъ начальствомъ самого короля въ Саксонію, обложили страну реквизиціями и разграбили дрезденскіе архивы, надѣясь найти въ нихъ доказательства дипломатическаго заговора, направленнаго противъ ихъ короля; саксонское войско, вынужденное сложить оружіе, было включено въ составъ прусской арміи прежде, нежели австрійскія войска успѣли выступить изъ Богеміи.

Это угрожало европейскою войною. Императрица австрійская должна была вступиться за своего союзника, курфюрста Саксонскаго; Людовикъ XV, по Версальскому договору, долженъ былъ помочь ей войскомъ, а Россіи со своей стороны пришлось бы выполнить въ такомъ случаѣ свои старинныя обязательства по отношенію къ Австріи. Елисавета Петровна выражала уже намѣреніе двинуть войска въ Германію обычнымъ путемъ, т. е. черезъ Польшу. Между тѣмъ вступленіе прусскихъ

---

[1]) Причиною этой вражды были оскорбительныя изреченія и насмѣшки на счетъ императрицъ Маріи-Терезіи и Елисаветы Петровны, которыя позволялъ себѣ Фридрихъ II съ тѣхъ поръ, какъ удостовѣрился въ намѣреніи ихъ начать съ нимъ войну. Въ стихотвореніяхъ и разговорахъ своихъ онъ осмѣивалъ ихъ страсти. Елисавета Петровна была столь раздражена, что поклялась непримиримою къ нему враждою. Ведемейеръ, „Царствованіе Елисаветы Петровны", т. II, стр. 1.

[2]) Mémoires de Frédéric II, т. I, 420 и Соловьевъ, т. 24, стр. 39.

войскъ въ Саксонію ускорило переговоры, начатые въ Петербургѣ о присоединеніи Россіи къ Версальскому договору, но тутъ возникло новое затрудненіе. Заключая союзъ съ Елисаветой Петровною, Франціи приходилось пожертвовать ей не только Польшей, которую императрица намѣревалась занять войсками, но быть можетъ и Турціей, слѣдовательно Франціи приходилось выбирать между новой дружбою и вѣковыми традиціями. Такъ какъ державы, подписавшія Версальскій договоръ, обязались помогать другъ другу въ случаѣ войны, то прежде всего необходимо было выяснить, будетъ ли включена въ договоръ съ Россіей оговорка на случай ея войны съ Турціей, или Франція согласится, по точному смыслу этого договора, бомбардировать Константинополь въ то время, когда русскія войска перейдутъ Дунай. Французское правительство не могло на это рѣшиться; Дугласу велѣно было потребовать исключенія въ пользу Турціи, но онъ уже привыкъ во всемъ слѣдовать покорно внушеніямъ австрійскаго посланника, а графъ Эстергази со своей стороны всячески старался порвать вѣковыя отношенія Франціи къ Портѣ и совѣтовалъ Дугласу не затягивать вопроса о присоединеніи Россіи къ Версальскому договору этимъ несвоевременнымъ требованіемъ. Подъ его вліяніемъ, Дугласъ рѣшился обойти данныя ему инструкціи; включивъ въ договоръ упомянутую оговорку, какъ это ему было приказано, онъ подписалъ одновременно секретную декларацію, въ силу которой Франція обѣщала, въ случаѣ войны Россіи съ Турціей, доставить своей новой союзницѣ помощь деньгами. Оставалось ожидать ратификаціи короля.

Надобно сказать, что Дугласъ рѣшился отступить отъ данныхъ ему приказаній противъ воли и несказанно волновался за послѣдствія своего непослушанія; онъ поручилъ Мишелю съѣздить еще разъ въ Версаль и отвезти подписанное имъ тайное соглашеніе, одновременно съ актомъ о присоединеніи Россіи къ Версальскому договору, въ надеждѣ, что второй документъ заставитъ примириться съ первымъ. По этому поводу мы находимъ въ письмахъ изъ Россіи подтвержденіе касательно той роли, какую Мишель игралъ нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ при тайныхъ сношеніяхъ Россіи съ Франціей; особенно любопытенъ тотъ фактъ, что участіе въ этомъ дѣлѣ Мишеля подтверждается никѣмъ инымъ, какъ самимъ кавалеромъ Эономъ де-Бомонъ.

«Я желалъ бы, писалъ молодой секретарь къ Терсье, быть вѣстникомъ однѣхъ только нашихъ побѣдъ и успѣховъ г. Дугласа, но надобно отдать справедливость и г. Мишелю за выказанное имъ во всѣхъ случаяхъ истинно патріотическое усердіе» [1]).

Секретное соглашеніе, подписанное въ Петербургѣ Дугласомъ, вы-

---

[1]) Частное письмо д'Эона—Терсье отъ 1-го января 1757 г. (ст. ст.).

звало въ Версалѣ единодушное негодованіе. Всѣ были страшно раздражены противъ несчастнаго Дугласа, на него посыпались со всѣхъ сторонъ упреки. Рулье написалъ ему частное письмо, наполненное укоризнами и въ то же время изложилъ въ оффиціальной депешѣ причины, по которымъ честь и достоинство французскаго короля не позволили ему ратификовать заключеннаго отъ его имени договора. Онъ считалъ это дѣло нечестнымъ и подозрѣвалъ канцлера, что онъ нарочно это устроилъ, желая или поссорить Францію съ Портою, или произвести холодность между Франціей и Россіей. Онъ рѣшился даже сказать русскому представителю въ Парижѣ, г. Бехтѣеву, что такимъ образомъ нельзя имѣть никакого дѣла съ русскимъ дворомъ [1]). Людовикъ XV излилъ свое негодованіе въ конфиденціальномъ письмѣ къ Терсье: «я не могу согласиться на этотъ прекрасный секретный актъ, писалъ король, который Дугласъ имѣлъ глупость подписать» [2]). Французскіе министры полагали, что нѣсколько строкъ, написанныхъ имъ собственноручно Елисаветѣ Петровнѣ, побудятъ императрицу не настаивать на ея требованіи; король не соглашался на это вначалѣ, боясь поставить себя въ неловкое положеніе, но по зрѣломъ обсужденіи написалъ императрицѣ собственноручное письмо, въ которомъ просилъ ее уничтожить помянутое соглашеніе [3]).

Польщенная такою предупредительностью, царица оказалась сговорчивою, и этотъ инцидентъ не имѣлъ дальнѣйшихъ послѣдствій. Графы Бестужевъ и Воронцовъ разорвали секретную декларацію въ присутствіи сконфуженнаго и раскаивающагося Дугласа. За этимъ послѣдовалъ обмѣнъ ратификацій, въ то время какъ Елисавета Петровна собственноручнымъ письмомъ увѣряла короля въ своей неизмѣнной преданности.[4]) Присоединяясь къ договору 1756 года императрица поклялась Людовику XV въ «вѣчной и неизмѣнной дружбѣ» [5]) и обязалась соблюдать нейтралитетъ въ случаѣ войны Франціи съ Англіей. Кромѣ оговорокъ, внесенныхъ въ договоръ относительно Англіи и Турціи, монархи обязались помогать другъ другу въ случаѣ войны съ какой бы то ни было державою. Казалось, Франція и Россія, заключая этотъ договоръ, не имѣли въ виду какого либо опредѣленнаго врага, противъ котораго онѣ собирались бы дѣйствовать совмѣстно, но на самомъ дѣлѣ Европа собиралась воевать, и французскія войска готовились перейти Рейнъ, а русское войско—Нѣманъ, чтобы атаковать одновременно Пруссію.

---

[1]) Соловьевъ, т. 24, стр. 111.

[2]) Секретная корреспонденція Людовика XV, письмо отъ 13-го февраля 1757 года. Boutaric, I, 217.

[3]) Тамъ же. Письмо отъ 24-го февраля 1757 года, стр. 218.

[4]) Письмо отъ 19-го апрѣля 1857 года.

[5]) См. текстъ этого договора, обнародованный Массономъ въ приложеніи къ Correspondance de Bernis. T. I, прил. IV, стр. 463 и сл.

1 мая 1757 года, ровно черезъ годъ по заключеніи перваго Версальскаго трактата, Франція и Австрія заключили въ Версалѣ же второй договоръ, направленный уже исключительно противъ Фридриха и имѣвшій цѣлью «ограничить могущество прусскаго короля, чтобы онъ впредь не могъ нарушить общественнаго спокойствія» [1]). Россія присоединилась и къ этому второму договору; а когда Швеція выразила, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, намѣреніе присоединиться къ коалиціи, составленной противъ Пруссіи, то Франція, Австрія и Россія заключили съ нею конвенцію, скрѣпившую окончательно ихъ узы.

Союзные договоры, которые были заключены различными европейскими дворами въ 1756—1757 г.г., вслѣдъ за Версальскимъ договоромъ, и непосредственно имъ вызваны, обусловили совершенно новую группировку державъ, которая въ корнѣ измѣнила ихъ прежніе взаимныя отношенія, нарушила старинныя традиціи и сбила съ толку старыхъ политиковъ; поэтому помянутый договоръ по справедливости можетъ считаться однимъ изъ самыхъ важныхъ и глубокихъ по своимъ послѣдствіямъ дипломатическихъ переворотовъ, совершившихся въ теченіе XVIII вѣка. Было бы весьма ошибочно видѣть въ немъ только сближеніе двухъ вѣковыхъ враговъ, Франціи и Австріи, соединившихся для того, чтобы дать отпоръ королю прусскому, надоѣвшему своими вѣчными домогательствами и своимъ вѣроломствомъ одинаково Людовику XV и Маріи-Терезіи. Потомство болѣе ста лѣтъ ошибалось насчетъ истиннаго значенія этого договора, потому что оно не разсматривало его въ связи съ тѣми переговорами, которые велись одновременно въ разныхъ столицахъ Европы; до послѣдняго времени не была также вполнѣ выяснена роль, которую играла въ событіи 1756 г. Россія, а ея роль была, въ этомъ случаѣ, какъ мы видѣли, весьма значительна. Согласившись въ 1755 г. доставить англійскому королю 70-ти тысячную армію для защиты Ганновера, и нагнавъ этимъ паническій страхъ на прусскаго короля, Россія лишила тѣмъ самымъ Францію ея союзника, такъ какъ Фридрихъ поспѣшилъ заключить съ Англіей Вестминстерскій договоръ, несовмѣстимый съ его прежними обязательствами, а это вынудило, въ свою очередь, Людовика XV не пренебрегать долѣе союзомъ съ Австріей. Благодаря обнародованнымъ за послѣднее время въ высшей степени важнымъ историческимъ документамъ, извлеченнымъ изъ государственныхъ и частныхъ архивовъ [2]), и пролившимъ яркій свѣтъ

---

[1]) Массонъ т. I. прилож. VII, стр. 470.

[2]) Въ особенности „Mémoires et lettres du cardinal de Bernis“, изд. Массономъ, Paris 1878 г.—Документъ исключительной важности для дипломатической исторіи XVIII-го вѣка. Также соч. „Arneth'a, Geschichte Maria Theresia's“, составленное по документамъ вѣнскаго архива и друг.

на всю совокупность дипломатическихъ переговоровъ, которые велись въ разсматриваемое нами время при различныхъ дворахъ Европы, договоръ, подписанный 1-го мая 1756 г. въ Версалѣ французскимъ и австрійскимъ дворами, является дѣломъ вовсе не случайнымъ; напротивъ того, это былъ со стороны Франціи поступокъ зрѣло обдуманный, совершенный подъ давленіемъ обстоятельствъ, въ коихъ значительную роль играла, какъ мы только что видѣли, личная воля и даже инціатива императрицы Елисаветы Петровны.

Такимъ образомъ, возобновленіе дипломатическихъ сношеній между Франціей и Россіей привело ихъ, силою вещей, менѣе чѣмъ черезъ годъ къ вооруженному союзу.

Проектъ, который Петръ Великій обсуждалъ 40 лѣтъ передъ тѣмъ, съ регентомъ французской монархіи, подъ сѣнью тюльерійскихъ деревъ, казалось былъ близокъ къ осуществленію, но союзъ, заключенный между Франціей и Россіей, далеко не походилъ на тотъ союзъ, о которомъ мечталъ царь-преобразователь. Петръ Великій считалъ его необходимымъ въ принципѣ, его дочь смотрѣла на этотъ союзъ какъ на бракъ по склонности, а Людовикъ XV—какъ на случайное сближеніе. Въ 1757 г. онъ не представлялъ уже тѣхъ выгодъ и той гарантіи на устойчивость, какъ въ началѣ XVIII-го столѣтія или хотя бы въ 1732 или 1742 г. Личныя симпатіи Елисаветы Петровны къ Франціи не оставляли желать ничего лучшаго, но при ея дворѣ была многочисленная партія, къ которой принадлежалъ самъ наслѣдникъ престола, коей всѣ симпатіи были на сторонѣ враговъ этой державы; перемѣна монарха могла измѣнить всю внѣшнюю политику Россіи и заставить ее искать новыхъ союзниковъ.

Кромѣ того, новыя обязательства, заключенныя Франціею, лишали ее плодовъ всей ея предыдущей, многолѣтней политики и всѣхъ успѣховъ, какихъ она достигла въ Константинополѣ, Варшавѣ и Стокгольмѣ. Все искусство ея дипломатовъ пропало даромъ; ей приходилось отказаться отъ мысли играть впредь при второстепенныхъ дворахъ Европы руководящую роль; они подпали подъ вліяніе Россіи, которое Франція уже не въ силахъ была побороть. Мало того, чтобы исполнить свои обязательства къ новому союзнику, Франціи приходилось изобличить себя во лжи и доказывать какъ разъ противное тому, что она постоянно утверждала. Ей приходилось совѣтывать Турціи смотрѣть сквозь пальцы на всѣ захваты Россіи, приходилось убѣждать Польшу въ томъ, что сосѣди завладѣли ею для величайшаго ея блага, и такимъ образомъ дать своимъ бывшимъ союзникамъ поводъ, съ полнымъ основаніемъ, упрекать ее въ непослѣдовательности и легкомысліи.

Но каковы бы ни были эти неудобства, новая система искупала ихъ однимъ неоцѣнимымъ преимуществомъ: она давала Франціи возможность исправить сдѣланную ошибку, когда она поощряла усиленіе Пруссіи и

честолюбіе ея монарха, оказавшагося вѣроломнымъ союзникомъ и чрезвычайно опаснымъ противникомъ. Соединенными усиліями трехъ державъ: Франціи, Австріи и Россіи, можно было надѣяться сокрушить могущество прусской монархіи, ставшей для всей Европы вѣчнымъ источникомъ смутъ и опасеній, вслѣдствіе алчности ея монарха, считавшаго излишнимъ соблюдать самые священные договоры и обязательства, когда это было несовмѣстимо съ его личными интересами.

В. В.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Оливковая вѣтвь Франціи на гробницѣ Императора Александра III.

12-го минувшаго августа, президентъ Французской республики Феликсъ Форъ, по пріѣздѣ въ С.-Петербургъ, прежде всего отправился въ Петропавловскій соборъ, гдѣ поклонился гробницѣ Императора Александра III и возложилъ на нее оливковую вѣтвь изъ золота, съ лентою, на которой вырѣзано: «In pace concepta firmat tempus» (задуманное во имя мира скрѣпляется временемъ).

Въ № 231 «Le Figaro» (7-го (19) августа 1897 г.) помѣщена слѣдующая замѣтка въ поясненіе вышеприведенной надписи:

«Не задолго до посѣщенія Кронштадта французской эскадрой, великій князь, русскій министръ и аккредитованный при дворѣ Царя посолъ бесѣдовали, въ присутствіи Императора Александра III, о значеніи и прочности мирныхъ и дружественныхъ трактатовъ.

«Зашла рѣчь о Парижскомъ трактатѣ, припоминался Тильзитскій миръ. Что осталось отъ нихъ? Воспоминаніе и числа въ книгахъ и на пергаментѣ!

«Александръ III, все слушавшій, замѣтилъ:

— Это потому, что силою и войною нельзя создать прочныхъ союзовъ или устойчивыхъ трактатовъ.

«Затѣмъ, послѣ нѣкотораго молчанія, онъ добавилъ, отчеканивая каждое слово:

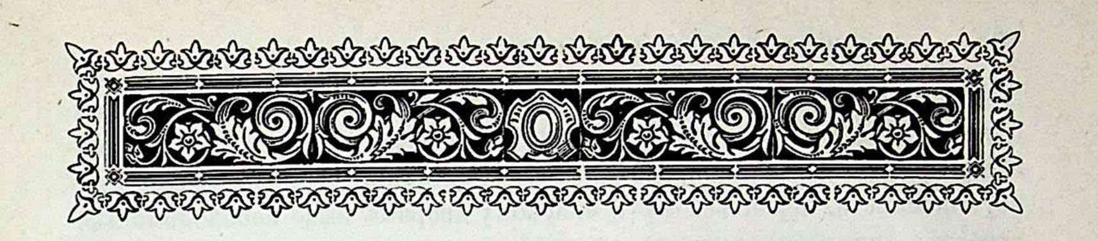
— Время же, напротивъ, закрѣпляетъ и упрочиваетъ союзы, честно заключенные среди мира.

«Эти слова Александра III, переданныя слышавшимъ ихъ посломъ, были переведены по-латыни и составили текстъ надписи на лентѣ, обвивающей оливковую вѣтвь, которую президентъ республики возложитъ на гробницу Великаго Друга Франціи».

Сомнѣваться въ справедливости этой замѣтки нѣтъ повода. Приведенныя въ ней слова Царя-Миротворца служатъ прекраснымъ подтвержденіемъ его права на этотъ титулъ, а увѣковѣченіе этихъ знаменательныхъ словъ служитъ прекраснымъ выраженіемъ ихъ достойной оцѣнки дружественнымъ народомъ.

Нельзя не пожелать, чтобы кто-нибудь изъ слышавшихъ эти слова, сообщилъ въ печати, когда именно, гдѣ и въ чьемъ именно присутствіи они были произнесены.

Сообщилъ **Г. А. Тройницкій**.

РОССІЯ и ФРАНЦІЯ
въ
первой половинѣ XVIII вѣка.

VI.

Назначеніе Лопиталя посланникомъ въ Петербургъ.—Его характеристика.—Императрица Елисавета Петровна и ея дворъ.—Значеніе великой княгини Екатерины Алексѣевны.—Пріемъ ею Лопиталя.—Балъ во дворцѣ.—Молодой дворъ и его вліяніе на дѣла.—С. Понятовскій, посланникъ Польской республики при петербургскомъ дворѣ.—Умышленная медлительность главнокомандующаго Апраксина и заговоръ противъ него.—Принцъ Конти.—Его характеристика и интриги противъ Россіи.—Секретная переписка Людовика XV.—Посылка д'Эона въ Версаль.—Вступленіе русскихъ войскъ въ Польшу.—Двуличіе Людовика XV въ польскихъ дѣлахъ.—Дѣятельность французскаго посла въ Варшавѣ графа де-Брольи.—Отозваніе изъ Петербурга князя Понятовскаго.—Неудовольствіе въ Петербургѣ, вызванное медленностью дѣйствій Апраксина.—Письмо къ нему Бестужева.—Побѣда, одержанная русскими войсками при Гроссъ-Егерсдорфѣ.—Послѣдствія побѣды.—Пораженіе французовъ при Росбахѣ и Лиссѣ.—Отступленіе Апраксина.

Роль, предоставленная коалиціей державъ Россіи въ борьбѣ съ прусскимъ королемъ, была чрезвычайно важная: русскія войска должны были появиться въ тылу прусской арміи, сражавшейся съ австрійцами, саксонцами, французами, и нанести Фридриху окончательный ударъ, если онъ будетъ побѣжденъ. Союзники возлагали большія надежды на численность и стойкость русскаго войска, но указывали на отсутствіе въ немъ искусныхъ генераловъ, не довѣряли ихъ способностямъ и вѣрности своему долгу. Опасались, что главнокомандующій, Степанъ Өедоровичъ

[1]) См. „Русскую Старину", ноябрь 1897 г.

Апраксинъ, будучи сторонникомъ Бестужева и приверженцемъ Англіи, будетъ щадить прусскаго короля, явится слишкомъ поздно къ назначенному пункту и тѣмъ повредитъ успѣху кампаніи. Чтобы предупредить эту опасность, версальскому и вѣнскому дворамъ было необходимо дѣйствовать, не теряя времени; при этомъ главная роль принадлежала, разумѣется, Франціи, такъ какъ Елисавета Петровна не скрывала своей симпатіи къ французскому королю и даже выражала готовность слѣдовать во всемъ его совѣтамъ. Поэтому новый посланникъ, назначенный Людовикомъ XV къ петербургскому двору, являлся представителемъ интересовъ всѣхъ союзниковъ и ему предстояло добиться, чтобы русское войско было своевременно послано на театръ дѣйствій.

Но этотъ посланникъ заставилъ ждать себя цѣлый годъ. Назначенный въ іюнѣ мѣсяцѣ 1756 г., маркизъ Лопиталь прибылъ къ своему посту только въ іюнѣ 1757 г. Это былъ человѣкъ болѣзненный, одержимый подагрою, жаждавшій покоя. По лѣтамъ и недугамъ онъ совершенно не годился на такой постъ, гдѣ ему приходилось непрестанно вести борьбу.

Одаренный отъ природы довольно тонкой наблюдательностью, онъ быстро составлялъ себѣ сужденіе о людяхъ и выражалъ ихъ довольно остро и мѣтко, но его сужденія были всегда поверхностны; въ общемъ это былъ человѣкъ въ высшей степени привѣтливый, любезный, крайне либеральный, съ изысканными, непринужденными манерами, готовый подчинить свои личные интересы требованіямъ долга. Онъ былъ бы достойнымъ представителемъ Франціи при какомъ-нибудь маленькомъ германскомъ или итальянскомъ дворѣ, но перенесенный изъ Неаполя въ Россію, ко двору, гдѣ происходили въ то время всевозможныя интриги и козни, онъ не оказался на высотѣ своего призванія; у него не хватило энергіи и инициативы въ тотъ моментъ, когда эти качества были особенно необходимы.

Въ Петербургѣ, въ 1757 г., иностранному посланнику приходилось играть двойственную роль. Вмѣсто одного двора, въ Россіи ихъ было два: дворъ царствующей императрицы и дворъ наслѣдника престола и его супруги. Каждый изъ нихъ держался особнякомъ, имѣлъ свои собственные взгляды, свою политику и одинаково вліялъ на ходъ дѣлъ. Вслѣдствіе этого маркизу Лопиталю пришлось разобраться въ цѣломъ хаосѣ интригъ, разсѣять предубѣжденія, льстить страстямъ; ему было столь же необходимо заручиться симпатіями молодой четы, которая должна была со-временемъ вступить на престолъ, какъ и самой императрицы.

Семнадцать лѣтъ протекло съ тѣхъ поръ, какъ Елисавета вступила не престолъ; она не была уже той пылкой и живой красавицей съ нѣсколько рѣзкими манерами, хотя и сохранила еще слѣды

прежней красоты; но она утратила прежнюю живость и энергію, а къ ея природнымъ качествамъ: уму, добротѣ, возвышенности чувствъ не присоединилось любви къ труду и къ серьезнымъ занятіямъ. Ея жизнь проходила въ непрестанной борьбѣ съ двумя врагами, отъ которыхъ она страдала въ послѣднее время; то были ея лѣта и недуги. Прежде всего и болѣе всего женщина, несмотря на свои 48 лѣтъ, она болѣе заботилась о томъ, чтобы нравиться, нежели объ управленіи государствомъ; появившаяся на лбу морщинка огорчала ее не менѣе, нежели пораженіе ея войскъ.

«Императрица, писалъ Лопиталь, не можетъ примириться съ постепеннымъ увяданіемъ своей красоты, которую она поддерживаетъ, насколько возможно, всевозможными ухищреніями искусства. Она употребляетъ на это бездну времени и бываетъ недоступна до тѣхъ поръ, пока ея туалетъ и уборъ не удостоится одобренія придворныхъ дамъ и ея собственнаго зеркала» [1]).

Часто хворая, она боялась за свою жизнь, совѣтовалась съ врачами, но не исполняла ихъ указанія; неспособная къ самому малѣйшему проявленію воли, она вела, несмотря на предостереженія докторовъ, бездѣятельную жизнь, которая еще болѣе ухудшала ея страданія и, поддерживая въ ней тревожное состояніе духа, тѣмъ самымъ увеличивала разстройство нервовъ.

Государыня не спала по ночамъ, рѣдко показывалась подданнымъ и жила затворницей въ своихъ покояхъ, окруженная немногими приближенными и слугами. Иногда, увлекшись желаніемъ повеселиться, она давала празднества и съ увлеченіемъ предавалась удовольствіямъ, до тѣхъ поръ, пока ей не измѣняли силы; продолжительные обмороки и сильные нервные припадки нерѣдко угрожали послѣ этого ея жизни. Придя въ себя, она подолгу молилась, прося у Бога помощи и исцѣленія.

Ближайшими совѣтниками императрицы были въ то время Воронцовъ и Шуваловъ. Совѣты графа Воронцова принимались государыней охотно, но, къ сожалѣнію, графъ не обладалъ достаточной энергіей, чтобы упрочить свое вліяніе; онъ былъ человѣкъ робкій и его даже пугала иногда милость, ему оказываемая. Графъ Шуваловъ представлялъ собою типъ русскаго сановника, только что вышедшаго изъ ничтожества; онъ подражалъ нравамъ, языку и изысканной вѣжливости западноевропейцевъ, выписывалъ изъ Парижа мебель и одежду, живо интересовался иностранными художниками и ему льстило названіе «русскаго мецената», которое ему давали.

Къ императрицѣ можно было имѣть доступъ только при посредствѣ

---

[1]) Лопиталь 10-го августа (н. ст.) 1758 г.

этихъ двухъ лицъ. Хотя она проявляла последнее время нѣкоторую самостоятельность въ дѣлахъ и настаивала болѣе энергично на тѣхъ принципахъ, которые составляли сущность ея личныхъ взглядовъ въ политикѣ, именно на болѣе тѣсномъ сближенiи съ Австріей и Франціей, и ея личное вліяніе на дѣла проявлялось иногда самымъ блестящимъ образомъ, но къ сожалѣнію она не была въ состояніи продолжительно слѣдить за дѣлами. Къ тому же ея нерѣшительность возрастала съ лѣтами; иной разъ она въ теченіе недѣли не рѣшалась подписать необходимой бумаги. Неудивительно, что по мѣрѣ того, какъ усиливались апатія и общее болѣзненное состояніе императрицы, при дворѣ возрастало вліяніе наслѣдника престола (великаго князя Петра Ѳедоровича) и его супруги, у которыхъ придворные всячески заискивали.

При молодомъ дворѣ безраздѣльно царствовала великая княгиня Екатерина Алексѣевна. Своимъ умомъ, красотою и энергіей, очаровательная молодая женщина съумѣла сгруппировать вокругъ себя толпу приверженцевъ.

Когда Лопиталь явился первый разъ въ Лѣтній дворецъ, 10-го іюля н. ст. 1757 г., его приняла и привѣтствовала Екатерина. Дворъ былъ въ полномъ сборѣ и за отсутствіемъ императрицы великая княгиня занимала первое мѣсто. Окруженная блестящей свитою изъ 400 придворныхъ дамъ, она выслушала привѣтствіе французскаго посланника и любезно отвѣчала на него. Еще не стемнѣло, когда начался балъ; Екатерина подала руку маркизу и пригласила его протанцовать съ нею минуэтъ. Императрица все еще не появлялась; наконецъ, распахнулись двери внутреннихъ покоевъ и Елисавета Петровна вошла въ зало, окруженная двумя рядами блестящихъ мундировъ. На ней былъ эффектный парадный костюмъ. Высокаго роста, напудренная, въ большихъ фижмахъ и діадемѣ изъ драгоцѣнныхъ камней, она могла еще назваться красавицей: блескъ наряда увеличивалъ ея природную красоту. Позабывъ на короткое время свои страданія, съ улыбкою на устахъ, она обходила группы придворныхъ, обращаясь къ нимъ съ тою привѣтливостью и благосклонностью, которыя составляли ея отличительную черту. Когда маркизъ Лопиталь подошелъ къ ней и поцѣловалъ ея руку, она дружески заговорила съ нимъ и выразила свое удовольствіе по поводу того, что она видитъ наконецъ при своемъ дворѣ посланника французскаго короля. Ея мысль тотчасъ перенеслась къ Людовику XV, она заговорила о немъ съ участіемъ, даже съ нѣжностью; получивъ незадолго передъ тѣмъ извѣстіе о злодѣйскомъ покушеніи Даміенса [1]), она выразила желаніе слышать всѣ подробности этого происшествія.

[1]) 5-го января (н. ст.) 1757 г. Даміенсъ нанесъ Людовику XV ударъ кинжаломъ въ тотъ моментъ, когда король садился въ карету во дворѣ Версальскаго зáмка, причинивъ ему легкую рану.

Ея присутствіе на балу было непродолжительно. Поднявшись на нѣсколько минутъ на хоры, чтобы съ грустью бросить оттуда взоръ на танцующихъ, коихъ удовольствіе императрица не могла раздѣлять, она удалилась въ свои покои. Хозяйкою вечера осталась Екатерина. За ужиномъ, къ которому былъ приглашенъ французскій посланникъ и весь дворъ, она сидѣла во главѣ стола и указала Лопиталю мѣсто по правую руку отъ себя и до конца вечера играла роль хозяйки, очаровавъ посланника своей остроумной бесѣдою [1]).

Великой княгинѣ, полумонархини, нужны были свои министры и фавориты; Елисавета Петровна оказывала довѣріе Воронцову, Екатерина приблизила къ себѣ Бестужева, имя котораго пользовалось еще извѣстнымъ обаяніемъ при дворѣ и въ войскѣ, хотя онъ уже не пользовался прежнимъ вліяніемъ. У Елисаветы былъ любимецъ Шуваловъ, у Екатерины—Понятовскій. Могъ ли кто-либо предугадать въ то время будущаго короля Польши въ этомъ красивомъ, 26-ти-лѣтнемъ молодомъ человѣкѣ. Назначенный по желанію великой княгини Екатерины Алексѣевны посланникомъ Польской республики при петербургскомъ дворѣ, Понятовскій игралъ видную роль въ политическомъ мірѣ.

Бестужевъ, Вилліамсъ и Понятовскій сдѣлались оракулами молодаго двора. Преданный Англіи, Бестужевъ продалъ, кромѣ того, свои услуги Фридриху II, не стѣсняясь запиской, составленной имъ противъ этого монарха нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ.

«Я старался, писалъ Вилліамсъ, привлечь канцлера на сторону короля прусскаго. Сначала онъ былъ непреклоненъ, но началъ сдаваться по мѣрѣ того, какъ я увеличивалъ размѣръ вознагражденія. Наконецъ, онъ протянулъ мнѣ руку, сказавъ: «съ этой минуты, я его другъ» [2]).

Чтобы доказать искренность своей преданности и заслужить свое жалованье, Бестужевъ старался поддержать въ великой княгинѣ симпатію къ Англіи и Пруссіи. До 1757 г. это ему вполнѣ удавалось.

Невольно рождается вопросъ, могла ли бы въ то время Франція съ своей стороны заручиться сочувствіемъ молодаго двора? Слѣпая преданность великаго князя Фридриху II, конечно, не допускала мысли о томъ, чтобы кто-либо могъ повліять на него въ этомъ смыслѣ; дѣло обстояло иначе относительно великой княгини. Она еще не успѣла въ то время выработать своей собственной политической системы, и стремилась къ власти инстинктивно, скорѣе изъ любви къ ней, нежели изъ желанія воспользоваться этой властью съ какой-либо опредѣленной цѣлью, поэтому ея образъ дѣйствій всецѣло могъ зависѣть отъ того лица, которое съумѣло бы пріобрѣсти на нее вліяніе. Если бы Франціи

---

[1]) Лопиталь, 27-го іюля (н. ст.) 1757 г. Также „La Messelière", стр. 120 и сл.
[2]) Вилліамсъ, 28-го сентября (нов. ст.) 1756 года.

удалось измѣнить составъ ея приближенныхъ, то ея дѣло было бы выиграно.

Въ то самое время, когда маркизъ Лопиталь прибылъ въ Россію, сэръ Вилліамсъ выѣхалъ изъ Петербурга—Елисавета потребовала его отозванія. Французскій посланникъ, по желанію императрицы, помѣстился въ томъ домѣ, изъ котораго только что выѣхалъ англійскій посолъ [1]).

Бестужевъ, въ глубинѣ души, попрежнему оставался вѣренъ своимъ симпатіямъ и антипатіямъ, но онъ скрывалъ свои «чувства», находя необходимымъ «плыть по теченію», какъ онъ говорилъ своимъ ближайшимъ друзьямъ.

Оставался одинъ Понятовскій, котораго Франціи было чрезвычайно важно привлечь на свою сторону. Собственно говоря, вся политика Екатерины и Понятовскаго сводилась къ тому, чтобы удержать послѣдняго въ Россіи; Екатерина прямо объявила, что будетъ поддерживать ту державу, которая своимъ вліяніемъ на Россію и Польшу съумѣетъ обезпечить дальнѣйшее пребываніе Понятовскаго въ Петербургѣ, гдѣ у него были враги; при томъ его не долюбливала сама императрица. Франціи слѣдовало не только не объявлять войны фавориту, но войти съ нимъ въ соглашеніе, стараться привязать его и, такимъ образомъ, найти путь къ сердцу Екатерины.

Было еще одно средство расположить къ себѣ молодой дворъ. Петръ и Екатерина искали денегъ. Австрія не пренебрегла ролью ихъ банкира, отнеслась къ нимъ какъ равный къ равному и обязалась, по особому соглашенію, заключенному съ ними, выдавать имъ ежегодно извѣстную субсидію. Лопиталю было приказано французскимъ правительствомъ сдѣлать подобное же предложеніе [2]). Въ инструкціяхъ, данныхъ этому посланнику, предлагалось, «сообразуясь во всемъ съ желаніями императрицы, стараться, вмѣстѣ съ тѣмъ, быть какъ можно пріятнѣе великому князю и великой княгинѣ и внушить имъ чувства, соотвѣтствующія союзу, существующему между обѣими державами» [3]).

Двойственная игра, которую было поручено вести Лопиталю, въ надеждѣ на его ловкость и умѣнье, не была ему по вкусу и вовсе не соотвѣтствовала его способностямъ. Маркизъ не любилъ сложныхъ, запутанныхъ интригъ и не умѣлъ ихъ вести. «Свои собаки грызутся—чу-

---

[1]) La Messelière, стр. 21. „Елисавета Петровна выразила желаніе, чтобы французскій посланникъ оставилъ свой отель и занялъ домъ, въ которомъ жилъ сэръ Вилліамсъ. Этотъ домъ дѣйствительно былъ просторнѣе, красивѣе и лучше расположенъ".

[2]) Берни—Лопиталю 17-го іюля (н. ст.) 1757 г.

[3]) Инструкція, данная Лопиталю передъ его отъѣздомъ.

жая не приставай», говорилъ онъ, избѣгая вмѣшиваться въ чужія дѣла [1]). Онъ игнорировалъ умышленно добрую половину своихъ инструкцій и ограничился чисто пассивной ролью. Чрезвычайно довольный лестнымъ пріемомъ, который ему былъ оказанъ Елисаветою, онъ старался поддержать благосклонность къ нему императрицы, а въ отношеніи къ молодому двору ограничивался только должной вѣжливостью и допустилъ, чтобы враги Франціи удержали въ своемъ лагерѣ Екатерину и Понятовскаго. Такимъ образомъ, молодой дворъ продолжалъ держать сторону Англіи и Пруссіи; это дало себя особенно почувствовать въ главномъ штабѣ войскъ, которыя были двинуты въ Пруссію.

Мобилизованная съ большимъ трудомъ армія Апраксина умышленно шла впередъ какъ нельзя болѣе медленно, проходя въ день не болѣе двухъ-трехъ миль, тогда какъ ей слѣдовало идти съ удвоенной скоростью.

«Апраксинъ, писалъ о главнокомандующемъ англійскій посланникъ,—человѣкъ чрезмѣрно тучный, изнѣженный, лѣнивый и развратный» [2]); многіе прямо упрекали его въ трусости. Онъ никогда не видалъ вблизи непріятельской арміи и не особенно спѣшилъ помѣриться силами съ Фридрихомъ. Когда его войско уже выступило въ походъ, онъ все еще медлилъ отъѣздомъ изъ Петербурга. Въ то время Елисавета была больна и ему не хотѣлось ѣхать въ армію, ибо онъ зналъ, что война непріятна молодому двору и канцлеру. Онъ даже присылалъ спрашивать великую княгиню—ѣхать ли ему или оставаться, и получилъ въ отвѣтъ, что если останется, то это будетъ знакомъ его преданности къ ней [3]). Между тѣмъ, необъяснимыя для постороннихъ лицъ проволочки русскаго генерала приводили въ отчаяніе сторонниковъ Франціи и смущали вѣнскій и версальскій кабинеты. Въ то же время нѣкоторые изъ сановниковъ, убѣжденные въ выгодахъ, которыя представлялъ союзъ съ Франціей, рѣшили добиться отставки неспособнаго Апраксина и составили съ этой цѣлью заговоръ. Лопиталь не только не принималъ въ этомъ заговорѣ ни малѣйшаго участія, но даже не подозрѣвалъ, что эти тайные происки едва не увѣнчались успѣхомъ въ то время, когда онъ прибылъ въ Россію. Личности, добивавшіяся устраненія Апраксина отъ командованія арміей, выражали желаніе, чтобы на его мѣсто былъ назначенъ принцъ Конти, извѣстный своей храбростью и энергіей, притомъ занимавшій столь высокое общественное положеніе, что его назначеніе командующимъ войсками ни въ комъ не могло бы возбудить зависти.

---

[1]) Лопиталь, 23-го мая (н. ст.) 1758 г.

[2]) Вилліамсъ, 18-го сентября (н. ст.) 1756 г.

[3]) Соловьевъ, т. XXIV, стр. 961 и 963.

Двоюродный братъ французскаго короля, принцъ Луи Конти, съ раннихъ лѣтъ создалъ себѣ выдающееся положеніе въ ряду принцевъ крови. Побѣда, одержанная имъ при Кони, когда ему было 27 лѣтъ отъ роду, доставила ему боевую славу. Съ тѣхъ поръ ему не приходилось участвовать въ сраженіяхъ, но онъ пріобрѣлъ извѣстность своимъ краснорѣчіемъ въ парламентѣ. Счастливыя природныя способности, развитыя серьезными научными занятіями, и живой умъ сулили ему блестящую будущность.

Несмотря на несходство характеровъ, Людовикъ XV былъ весьма друженъ съ принцемъ; подозрительный монархъ не любилъ ни съ кѣмъ разговаривать и ни съ кѣмъ не былъ откровененъ, но охотно бесѣдовалъ со своимъ кузеномъ о дѣлахъ государственныхъ и цѣнилъ его взгляды на дѣла внѣшней политики. Отличительною чертою принца Конти было безмѣрное честолюбіе. Увлекаясь несбыточными мечтами, онъ строилъ самые смѣлые планы и, стремясь осуществить ихъ, обратилъ свои взоры на Россію. Осенью 1741 года, когда Елисавета Петровна еще не вступила на престолъ, онъ послалъ въ Петербургъ тайнаго эмиссара д'Авена (d'Avesnes), поручивъ ему вывѣдать намѣренія великой княжны относительно брака и подготовить почву для оффиціальнаго, съ его стороны, предложенія. Д'Авенъ обратился къ великой княжнѣ черезъ служившую при ней француженку. Елисавета Петровна отозвалась о принцѣ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, но заявила о своемъ намѣреніи никогда не вступать въ бракъ, который лишилъ бы ее независимости.

Принцъ возобновилъ свое домогательство послѣ вступленія на престолъ Елисаветы; во французскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ сохранилось нѣсколько собственноручныхъ его записочекъ къ кардиналу Флёри [1]), котораго онъ просилъ содѣйствовать осуществленію его проекта, но Флёри принялъ эту просьбу въ шутку и оставилъ ее безъ послѣдствій. Несмотря на свою неудачу, Конти не терялъ Россіи изъ вида; въ 1745 году онъ писалъ д'Алліону, прося его сообщить ему самыя точныя свѣдѣнія о состояніи русскаго двора. Д'Алліонъ отвѣчалъ обстоятельной запиской, въ которой, сдѣлавъ оцѣнку политическаго положенія Россіи, онъ сообщилъ ему многія пикантныя подробности о нравахъ, господствовавшихъ при русскомъ дворѣ [2]). Принужденный отказаться отъ своей мечты, принцъ былъ этимъ чрезвычайно огорченъ.

Въ это именно время прибыла изъ Варшавы въ Парижъ депутація польскихъ магнатовъ, имѣвшая цѣлью повидать принца Конти и предложить свое содѣйствіе къ избранію его на польскій престолъ. Оди-

---

[1]) Отъ 15-го и 27-го января (н. ст.) 1742 г. и пр.
[2]) Письмо д'Алліона отъ 4-го января (н. ст.) 1746 г

наково враждебно настроенные къ Россіи и къ саксонской династіи поляки желали усиленія въ Польшѣ французской партіи и полагали, что кандидатура принца изъ дома Бурбоновъ будетъ залогомъ возрожденія ихъ отечества и ихъ собственнаго благополучія. Изложивъ принцу свои планы и соображенія, они особенно настаивали на томъ, что Франціи необходимо поддержать Польшу; роль, которую они сулили при этомъ самому принцу, была слишкомъ соблазнительна, чтобы онъ не заинтересовался ихъ проектомъ [1]).

Со свойственнымъ ему увлеченіемъ онъ тотчасъ перенесъ свои надежды съ Россіи на Польшу, сообщилъ королю о сдѣланныхъ ему предложеніяхъ и просилъ у него дозволенія изъявить посланнымъ свое согласіе. Людовикъ XV понялъ, какую пользу онъ могъ извлечь изъ честолюбивыхъ плановъ своего двоюроднаго брата, поэтому рѣшилъ поощрять ихъ все время, пока продолжится война за Австрійское наслѣдство, дозволилъ принцу войти въ непосредственныя сношенія съ поляками и принимать ихъ тайныхъ эмиссаровъ. Послѣ заключенія мира король поручилъ ему вести, подъ величайшей тайной, агитацію, имѣвшую цѣлью возстановить вліяніе Франціи въ Турціи, Польшѣ и Швеціи и освободить эти державы изъ-подъ вліянія Петербурга и Вѣны. Избраніе принца Конти на польскій престолъ должно было служить наградою за его труды и дать естественнаго главу коализаціи державъ, долженствовавшей бороться противъ деспотизма Россіи [2]).

Принцъ Конти принялъ дѣятельнѣйшее участіе въ дипломатической кампаніи, открывшейся противъ Россіи, орудіями которой служили французскіе посланники въ Швеціи, Польшѣ и Турціи, назначенные изъ числа его друзей, и коимъ онъ покровительствовалъ. Между ними и ихъ вліятельнымъ покровителемъ весьма естественно возникла переписка, которая велась безъ вѣдома статсъ-секретаря французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, но постоянно просматривалась самимъ королемъ. Такимъ образомъ, возникла секретная корреспонденція Людовика XV, такъ долго интриговавшая потомство [3]).

---

[1]) D'Argenson. Mémoires, т. V, стр. 48.

[2]) Correspondance secrète de Louis XV. Publiée par Boutaric d'après les originaux conservés aux Archives nationales. Paris 1866. T. II, стр. 404—405.

[3]) Оправдательная записка, представленная гр. де-Брольи послѣ кончины Людовика XV, напечатана у Бутарика въ „Correspondance secrète", II, стр. 460. Инструкціи, которыя посылались отъ имени короля посланникамъ, ихъ отвѣты, собственноручныя письма Людовика XV, словомъ всѣ документы, относящіеся до этой секретной корреспонденціи, хранятся въ архивѣ французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ. Большая часть документовъ, относящихся до секретной корреспонденціи съ Россіей, изъ коей здѣсь приводятся многія выдержки, за весьма малыми исключеніями, не были до сихъ поръ изданы.

Такъ протекло около десяти лѣтъ. Въ 1756 году принцъ Конти оставилъ на время свои притязанія на польскій престолъ и въ его душѣ возгорѣлись давно забытыя мечты. Онъ снова обратилъ свои взоры на Россію и вновь искалъ сближенія съ Елисаветой Петровной. Если она отказалась раздѣлить съ нимъ русскій престолъ, то она располагала другой, хотя менѣе блестящей, короной, которую она могла предоставить ему, если бы пожелала—она владѣла герцогствомъ Курляндскимъ. Конти надѣялся, что Елисавета дастъ ему инвеституру на это герцогство и тѣмъ предоставитъ ему мѣсто среди коронованныхъ особъ, что составляло его всегдашнюю мечту. Впрочемъ, скромное герцогство не вполнѣ удовлетворяло ненасытное честолюбіе принца, онъ мечталъ добиться одновременно командованія русскими войсками, дѣйствовавшими противъ Пруссіи со званіемъ генералиссимуса. Получивъ возможность выказать свои военныя дарованія, онъ собирался помѣриться силами съ первымъ полководцемъ своего времени и, вступивъ побѣдителемъ въ Берлинъ, получить въ этомъ городѣ корону Польши изъ рукъ благодарныхъ Австріи и Россіи.

Когда императрица Елисавета обратилась, въ 1755 году, къ французскому двору съ предложеніемъ заключить союзъ, и Людовикъ XV затруднялся въ выборѣ лица, на которое можно было бы возложить это порученіе, то его вывелъ изъ затрудненія принцъ Конти, рекомендовавъ ему для этой цѣли одного изъ своихъ protégés, сэра Макензи Дугласа, дипломатическая миссія котораго увѣнчалась, какъ мы видѣли, полнымъ успѣхомъ. Онъ получилъ инструкціи не только изъ министерства иностранныхъ дѣлъ, но также изъ отеля du Temple, въ которомъ обиталъ Конти; по пріѣздѣ въ Петербургъ онъ велъ съ нимъ секретную корреспонденцію, въ которую былъ посвященъ молодой д'Эонъ. Король не только зналъ объ этой перепискѣ, но даже прочитывалъ всѣ письма Дугласа.

Живя въ Петербургѣ, Дугласъ не позабылъ возложеннаго на него секретнаго порученія и вскорѣ порадовалъ принца Конти пріятными извѣстіями. Не довѣряя способностямъ своихъ генераловъ и подчиняясь совѣтамъ Воронцова, Елисавета была готова ввѣрить командованіе войсками принцу, человѣку испытанной энергіи и доблести. Подписавъ, въ началѣ 1757 года, актъ о присоединеніи Россіи къ союзному договору, заключенному Франціей съ Австріей, Елисавета Петровна намѣревалась начать съ Людовикомъ XV переговоры о способахъ выполненія этого договора, когда въ Петербургѣ было получено упомянутое нами выше письмо отъ французскаго короля къ «его дорогой сестрѣ и другу» касательно подписанной Дугласомъ секретной декларации. Въ этомъ письмѣ король упоминалъ не только о туркахъ, прося пощадить ихъ, но, вспомнивъ весьма кстати о дружескомъ расположеніи, какое оказывала ему

постоянно Елисавета, онъ предлагалъ ей вести съ нимъ личную, интимную переписку, цѣль которой была бы упрочить союзъ между ихъ державами. Людовикъ называлъ это «proposer un petit commerce» [1]). Необходимо припомнить, что это письмо было написано королемъ по совѣту и настоянію статсъ-секретаря Рулье и что Людовикъ послалъ его къ Рулье незапечатаннымъ. Но, дѣйствуя, по обыкновенію, не вполнѣ искренно, оставаясь вѣренъ своему всегдашнему недовѣрію къ своимъ оффиціальнымъ совѣтникамъ, подозрительный монархъ тогда же сообщилъ Дугласу, секретно, черезъ Терсье, свои истинныя намѣренія относительно помянутой корреспонденціи, а именно—онъ желалъ, чтобы переписка шла исключительно при посредствѣ Дугласа и Воронцова и оставалась тайною для статсъ-секретаря Рулье [2]).

Еще болѣе удивительно, что онъ предписывалъ Дугласу соблюдать тайну даже по отношенію къ принцу Конти, который до тѣхъ поръ пользовался его полнымъ довѣріемъ. Это обстоятельство объясняется тѣмъ, что между Людовикомъ и принцемъ Конти произошло въ это время охлажденіе, вслѣдствіе того, что принцъ отказался подчиниться нѣкоторымъ требованіямъ фаворитки, г-жѣ Помпадуръ. 29-го (18-го) января 1757 года король писалъ Терсье, что «при томъ положеніи, въ какое себя поставилъ принцъ Конти, корреспонденція съ Россіей не можетъ долѣе идти черезъ его руки».

Такимъ образомъ, между Парижемъ и Петербургомъ завязалась въ это время троякаго рода, совершенно независимо одна отъ другой, корреспонденція: принцъ Конти продолжалъ посылать письменныя инструкціи Дугласу, послѣдній получалъ приказанія непосредственно отъ самого короля и, наконецъ, Людовикъ XV предложилъ Елисаветѣ Петровнѣ вести съ нимъ секретную и безпосредственную переписку, которая началась, однако, какъ увидимъ, только годъ спустя.

Императрица и графъ Воронцовъ не подозрѣвали мелочныхъ интригъ, происходившихъ въ это время въ версальскомъ дворцѣ между фавориткою короля и его ближайшими совѣтниками. Тѣмъ не менѣе, ихъ удивило, что Людовикъ XV не довѣрилъ тайну секретной корреспонденціи принцу Конти, своему любимцу; поэтому Елисавета Петровна рѣшила изъявить свое согласіе на назначеніе принца главнокомандующимъ русскими войсками не иначе, какъ съ одобренія французскаго короля. Графу Воронцову велѣно было разузнать, дастъ ли Людовикъ XV, какъ монархъ и глава королевскаго дома, своему двоюродному брату позволеніе принять командованіе русской арміей.

---

[1]) Correspondance secrète de Louis XV. Le roi à Tercier 24-го февраля 1757 г. Boutaric I, 219.

[2]) Mèmoire de Tercier.

Воронцовъ не рѣшался довѣрить это важное письмо почтѣ, за которой постоянно слѣдили и съ которой обращались довольно безцеремонно полицейскіе агенты его коллеги—Бестужева; онъ сталъ подыскивать надежнаго и ловкаго человѣка, которому можно было бы вполнѣ довѣрить; его выборъ палъ на молодаго человѣка, котораго во французскомъ посольствѣ и во дворцѣ называли не иначе какъ «маленькій д'Эонъ».

Д'Эонъ находился уже цѣлый годъ въ Петербургѣ, куда онъ пріѣхалъ скорѣе въ качествѣ туриста и писателя, нежели дипломата. Желая изучить Россію преимущественно со стороны бытовой и художественной, онъ разсчитывалъ, благодаря своему оффиціальному званію, проникнуть во многія мѣста, недоступныя простымъ путешественникамъ, между прочимъ въ оффиціальные кружки и вернуться въ Парижъ съ какимъ нибудь пикантнымъ описаніемъ нравовъ Россіи, которая представлялась французамъ страною любопытной и мало извѣстной. Однако, проживъ въ Россіи нѣсколько мѣсяцевъ, д'Эонъ измѣнилъ свое намѣреніе. Поработавъ подъ руководствомъ Дугласа надъ щекотливыми дипломатическими переговорами и надъ секретной перепиской, онъ пристрастился къ дѣламъ, рѣшилъ окончательно посвятить себя дипломатической карьерѣ, надѣясь обратить особое вниманіе своего министерства обширнымъ трудомъ о политическомъ состояніи Россіи и о тайнахъ ея правительства, надъ корымъ онъ работалъ [1]).

Занимаясь научными трудами, молодой человѣкъ не пренебрегалъ въ то же время и свѣтскими удовольствіями. Сначала онъ привелъ въ восторгъ, а затѣмъ заинтриговалъ своей личностью весь дворъ. Его бойкій умъ и самоувѣренныя манеры не соотвѣтствовали его женственной наружности и скромности, которая всѣхъ поражала, при разнузданности общества въ XVIII вѣкѣ. Съ мужчинами д'Эонъ былъ веселъ и оживленъ; смѣлый наѣздникъ онъ прекрасно владѣлъ оружіемъ и былъ весьма самолюбивъ въ вопросахъ чести; съ женщинами онъ былъ вѣжливъ, любезенъ—и только; въ общемъ, онъ производилъ впечатлѣніе личности довольно загадочной. Его пріятная бесѣда и личныя качества дѣлали его всюду желаннымъ гостемъ; онъ былъ принятъ какъ свой человѣкъ въ кругу придворныхъ фрейлинъ; быть можетъ какое нибудь пикантное приключеніе или совершенное въ шутку переодѣваніе послужили поводомъ къ легендѣ, въ которой д'Эонъ охотно признавалъ себя впослѣдствіи героемъ. Благодаря удивительному счастью, легкіе успѣхи д'Эона въ обществѣ не вредили его репутаціи серьезнаго и дѣльнаго молодаго человѣка. Бестужевъ побаивался его, а Воронцовъ, въ домѣ котораго онъ былъ принятъ какъ свой человѣкъ, удостоивалъ его особымъ довѣріемъ. Весною 1757 г., услыхавъ, что д'Эонъ отправляется во Фран-

---

[1]) Корреспонденція д'Эона съ Терсье, 1-го янв. (н. ст.) 1757 г.

цію по дѣламъ службы, Воронцовъ поручилъ ему, подъ величайшей тайной, повидать принца Конти и предложить ему герцогство Курляндское и командованіе русской арміей, если на это послѣдуетъ согласіе короля.

До тѣхъ поръ Елизавета Петровна мало интересовалась д'Эономъ; но она выразила одобреніе по поводу выбора, сдѣланнаго графомъ Воронцовымъ.

— Когда уѣзжаетъ секретарь г. Дугласа? спросила она нѣсколько дней спустя и велѣла передать ему отъ своего имени 300 дукатовъ.

Д'Эонъ, человѣкъ не богатый, былъ въ восторгѣ отъ этой высочайшей милости; въ своихъ письмахъ къ Дугласу, съ дороги, онъ неоднократно выражаетъ свое удовольствіе по этому поводу и упоминаетъ о томъ, что это была первая милость, оказанная ему государыней. Этими словами еще разъ опровергается роль, приписанная ему извѣстной легендой въ дѣлѣ примиренія Россіи съ Франціей, ибо въ противномъ случаѣ Елизавета конечно не преминула бы вознаградить его за эту услугу съ своей обычной щедростью.

«Сидя вчера въ моей дорожной каретѣ и предаваясь мечтамъ, писалъ д'Эонъ изъ Риги, я говорилъ самъ себѣ вслухъ: съ той поры какъ я живу на свѣтѣ, я жилъ всегда на свой счетъ, я не получалъ денегъ ни отъ министровъ, ни отъ вельможъ, хотя знаю многихъ изъ нихъ. Какъ лестно для меня, что я могу вписать въ свое завѣщаніе слѣдующія слова: моя философія заставляла меня всегда избѣгать тѣхъ случаевъ, когда можно было заработать деньги; мой добрый геній заставилъ кавалера Дугласа узнать и полюбить меня; онъ перенесъ меня въ новый міръ, который заставилъ меня позабыть все прежнее, и въ этомъ новомъ мірѣ, проникнутый чувствомъ долга и съ почтительной признательностью, я принялъ благодѣяніе отъ императрицы всея Россіи. Я считаю эту эпоху счастливѣйшей въ моей жизни, и если когда либо буду вынужденъ жениться, то передамъ это воспоминаніе своему маленькому потомству. Но уже одно слово—потомство пугаетъ меня, скромнаго философа, ибо я слишкомъ презираю жизнь, чтобы передать ее другому существу. Я найду въ своей литературной карьерѣ тысячу случаевъ воспѣть добродѣтель, величіе и щедрость ея императорскаго величества и мои похвалы, будучи нелицепріятны, будутъ сочтены истинными и заслужатъ болѣе вѣры у потомства» [1]).

Пріѣхавъ въ Парижъ, д'Эонъ первымъ дѣломъ хотѣлъ исполнить порученіе къ принцу Конти, но прежде нежели отправиться въ отель du Temple онъ заѣхалъ къ Терсье. Съ первыхъ же его словъ д'Эонъ понялъ, что ссора, происшедшая между Людовикомъ XV и его двоюроднымъ братомъ, обязывала его дѣйствовать какъ можно осторожнѣе;

---

[1]) Письмо д'Эона изъ Риги Дугласу отъ 21-го апрѣля (н. ст.) 1757 г.

принцъ Конти не былъ болѣе посвященъ въ тайну секретной корреспонденціи короля и слишкомъ горячее участіе къ его интересамъ могло не понравиться монарху. Поведеніе д'Эона въ этомъ случаѣ было въ высшей степени корректно. Онъ далъ понять Терсье, что намѣренъ исполнить свое порученіе не иначе какъ съ согласія и дозволенія короля.

Людовикъ далъ это позволеніе крайне неохотно.

«Такъ какъ г. д'Эону, писалъ онъ Терсье, поручено графомъ Воронцовымъ лично повидать принца Конти, то онъ долженъ его увидѣть, но пусть онъ сообщитъ вамъ въ точности отвѣтъ принца» [1]).

Предложенія, переданныя д'Эономъ принцу Конти, были имъ приняты съ восторгомъ. Сблизиться вновь съ королемъ, заставить его позабыть прошлое и заручиться его дозволеніемъ на принятіе предложеній императрицы—такова была съ этого момента единственная мечта принца Конти. Но онъ не принялъ въ разсчетъ извѣстную злопамятность Людовика XV, которую поддерживала оскорбленная принцемъ фаворитка. Король не простилъ своему бывшему любимцу того, что онъ на него «дулся» [2]). Переговоры между ними продолжались два мѣсяца, съ конца іюля по конецъ сентября, при посредничествѣ Терсье, который то и дѣло разъѣзжалъ изъ Версаля въ отель Temple и въ l'Isle-Adam, лѣтнюю резиденцію принца Конти. Отъ него Терсье доставлялъ королю объемистые пакеты, привозя ему въ отвѣтъ отъ короля лаконическія записочки [3]). Людовикъ XV обѣщалъ дать свое согласіе, когда дѣло будетъ окончательно улажено, а до тѣхъ поръ не хотѣлъ помочь принцу ни словомъ, ни строчкой, которая могла бы быть принята за согласіе съ его стороны и была бы въ состояніи разсѣять сомнѣнія Елисавета Петровны. Онъ объяснялъ это необходимостью убѣдиться сначала въ намѣреніяхъ Россіи и боязнію скомпрометировать себя.

— Если русская императрица дѣйствительно предложитъ принцу Конти принять командованіе ея войсками, говорилъ онъ, и пожелаетъ дать ему Курляндію, въ ожиданіи лучшаго, то я буду этимъ весьма доволенъ, но въ настоящее время я не могу принять въ этомъ дѣлѣ непосредственнаго участія; я ограничусь пока тѣмъ, что не буду противъ этого и дамъ свое согласіе, когда за нимъ будетъ остановка [4]).

Нѣсколько дней спустя онъ подтвердилъ свои слова: «Когда я буду имѣть нравственную увѣренность въ томъ, что русская императрица готова ввѣрить принцу Конти командованіе войскомъ, писалъ

---

[1]) Correspondance secrète de Louis XV. Король—Терсье 20-го іюля (н. ст.) 1757 г., напеч. у Boutaric'а т. I, стр. 222.

[2]) Король графу де Брольи, 21-го декабря (н. ст.) 1756 г.

[3]) Письма принца Конти къ Терсье 1757.

[4]) Король къ Терсье 15-го сентября (н. ст.) 1757 года. Boutaric I, 224.

онъ Терсье, и предоставить ему Курляндію, я дамъ на это свое согласіе и разрѣшеніе, котораго отъ меня требуютъ. До тѣхъ поръ я не могу на это согласиться, боясь сдѣлать ложный шагъ, который скорѣе повредить намъ, нежели принесетъ пользу» [1]).

Рѣшеніе короля было неизмѣнно; Конти поневолѣ пришлось отпустить д'Эона съ неопредѣленымъ отвѣтомъ, что въ свою очередь неизбѣжно должно было повести къ прекращенію всякихъ переговоровъ между нимъ и петербургскимъ дворомъ. Людовикъ XV выразилъ желаніе прочитать отвѣтное письмо принца и нашелъ, что въ немъ «нельзя было ничего ни убавить ни прибавить» [2]).

Неудача, постигшая планы принца Конти, нанесла непоправимый ущербъ дѣлу коалиціи.—Апраксинъ никакъ не могъ разстаться съ русской границей и, повинуясь внушеніямъ своихъ петербургскихъ покровителей, дѣйствовалъ наперекоръ требованію союзныхъ державъ.

Согласно плану военныхъ дѣйствій, утвержденному державами съ вѣдома и согласія Варшавскаго правительства, русскія войска должны были выступить изъ Смоленска къ Двинѣ, оттуда черезъ Вильно къ Нѣману въ Восточную Пруссію, въ то время какъ другой корпусъ предполагалось двинуть на Варшаву, чтобы угрожать Силезіи или Бранденбургу. Но эти планы остались въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ мертвою буквою, главнокомандующій никакъ не рѣшался перейти границу и вступить въ прусскія владѣнія какъ слѣдовало согласно обязательству, принятому на себя Россіей. Онъ не торопился походомъ и ограничился тѣмъ, что вступилъ на польскую землю.

Восьмидесяти-тысячный корпусъ русскихъ войскъ велъ себя въ Польшѣ какъ въ странѣ завоеванной. Реквизиціи, злоупотребленія властью со стороны начальствующихъ лицъ, военныя экзекуціи—все это пришлось испытать полякамъ со стороны союзниковъ. Этотъ порядокъ вещей грозилъ затянутся на долго, такъ какъ русскіе устраивали въ Польшѣ магазины и располагали тамъ свои гарнизоны. Незаконные поборы вывели изъ себя поляковъ; многочисленная, такъ называемая патріотическая партія предлагала принять самыя энергичныя мѣры; дѣло было близко къ возстанію. Во время политическихъ кризисовъ, которые переживала эта страна, патріотическая партія имѣла обыкновеніе обращаться за помощью и содѣйствіемъ къ французскому посланнику въ Варшавѣ и встрѣчала обыкновенно съ его стороны поддержку и поощреніе. Могъ ли этотъ посланникъ, при существовавшихъ обстоятельствахъ, отнестись къ жалобамъ поляковъ съ прежнимъ вниманіемъ?

---

[1]) Письмо къ Терсье отъ 21-го сентября (н. ст.).

[2]) Correspondance secrète. Людовикъ XV къ Терсье 2-го сентября (н. ст.) 1757 г. Boutaric I, 225.

Рѣшившись слѣдовать новой системѣ, которая привела къ заключенію двухъ Версальскихъ трактатовъ съ Австріей и заставила его согласиться на присоединеніе къ этимъ важнымъ дипломатическимъ актамъ петербургскаго двора, Людовикъ XV понималъ, что первымъ условіемъ прочнаго союза съ Россіей было отреченіе отъ какого бы то ни было участія въ польскихъ дѣлахъ. Какъ ни была тяжка для самолюбія короля необходимость пожертвовать старинными союзниками, на это надобно было рѣшиться, иначе Франціи угрожали въ будущемъ безчисленныя затрудненія. Будучи союзницей Россіи, Франціи немыслимо было поддерживать антирусскую партію въ Польшѣ, тѣмъ болѣе, что Россія, не думая въ то время присоединять Польшу къ своимъ владѣніямъ, не допускала однако мысли, чтобы какая нибудь другая держава пріобрѣла на нее преобладающее вліяніе.

— Къ чему вамъ мѣшаться въ наши распри съ поляками, говорили французамъ министры Елисаветы Петровны, когда мы ни мало не заботимся о распряхъ, которыя вы можете имѣть съ швейцарскими кантонами.

Если французскій король, изъ чувства человѣколюбія, готовъ былъ смягчить страданія поляковъ во время оккупаціи ихъ страны русскими войсками, то ему слѣдовало дѣйствовать крайне осторожно и, не разжигая взаимной вражды между поляками и русскими, ограничиться дружественными представленіями по адресу русскаго правительства.

Министры Людовика XV вполнѣ понимали необходимость слѣдовать сдержанной и миролюбивой политикѣ; аббатъ Берни, ставшій съ конца іюня 1757 г. во главѣ французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, придавалъ чрезвычайно важное значеніе главной цѣли, которую преслѣдовали державы, заключая союзъ, т. е. униженію Пруссіи, поэтому всякія иныя соображенія блѣднѣли передъ этимъ въ его глазахъ. Но французскій король и тутъ дѣйствовалъ втайнѣ наперекоръ своимъ министрамъ, придерживаясь тѣхъ принциповъ, которые руководили всей его политикой, начиная съ 1748 г., т. е. враждебнымъ отношеніемъ къ обоимъ императорскимъ дворамъ и преимущественно къ петербургскому. Не имѣя смѣлости дѣйствовать прямо и рѣшительно, что составляло главный недостатокъ его характера, Людовикъ XV самъ противодѣйствовалъ втайнѣ той политической системѣ, которой онъ держался оффиціально. Допустивъ временно союзъ съ Россіей и согласившись воспользоваться войскомъ Елисаветы Петровны, чтобы наказать Фридриха, онъ не отказался вмѣстѣ съ тѣмъ отъ мысли противодѣйствовать Россіи въ Польшѣ и не хотѣлъ отказаться отъ присвоеннаго имъ права быть верховнымъ покровителемъ Польской республики.

Французскимъ посланникомъ въ Варшавѣ былъ въ то время герцогъ де-Брольи, возвратившійся, по приказанію короля, къ своему посту изъ довольно продолжительнаго отпуска, 1-го іюля (н. ст.) 1757 г., въ тотъ

самый моментъ, когда русскіе батальоны дошли до береговъ Нѣмана. На первый взглядъ кажется страннымъ, что Франція, которой слѣдовало бы по меньшей мѣрѣ быть внимательной къ петербургскому двору, послала въ Польшу дипломата, прославившагося своимъ антагонизмомъ къ Россіи. Еще болѣе удивительно содержаніе секретныхъ инструкцій, данныхъ ему Людовикомъ XV; ему было предписано «обращать предпочтительное вниманіе на интересы Польши въ томъ случаѣ, если окажется невозможнымъ согласовать осторожность, которую приходилось соблюдать по отношеніи къ Россіи, съ тѣми чувствами, какія король питалъ постоянно къ Польшѣ» [1]).

Отъ мининистра иностранныхъ дѣлъ графъ де-Брольи получилъ какъ разъ противоположныя приказанія: ни мало не колеблясь, онъ рѣшилъ дѣйствовать наперекоръ имъ, сообразуясь вполнѣ съ приказаніями самого монарха. Вернувшись въ Польшу онъ принялъ на себя роль мстителя за обиды, нанесенныя Польшѣ, и не только выслушивалъ, но даже «вызывалъ» жалобы поляковъ [2]), передавалъ ихъ королю, приправляя ядовитыми комментаріями и диктуя угрожающія ноты по адресу петербургскаго кабинета. Ему удалось этимъ задержать движеніе русскихъ войскъ, которыя шли впередъ съ величайшей осторожностью, опасаясь возстанія, и дали такимъ образомъ пруссакамъ время организовать свои силы. Де-Берни старался умѣрить непонятный для него задоръ французскаго посланника, а Терсье со своей стороны поощрялъ графа къ подобному образу дѣйствій отъ имени короля [3]); мало того, обязанный по своему служебному положенію редактировать оффиціальную корреспонденцію, онъ старался, въ просматриваемыхъ имъ депешахъ, если не извратить, то по крайней мѣрѣ ослабить приказанія министра иностранныхъ дѣлъ.

«Я постараюсь, сообщалъ онъ графу, не писать вамъ ничего, что противорѣчило бы повелѣніямъ короля, дабы вамъ было удобнѣе дѣйствовать» [4]).

Де-Брольи не ограничился тѣмъ, что онъ указывалъ съ запальчивостью на безпорядки и злоупотребленія оккупаціонной арміи; узнавъ о томъ, что Россія, въ случаѣ кончины Августа III, намѣрена предложить сейму избрать его старшаго сына, онъ старался возстановить противъ этой кандидатуры все польское дворянство, агитируя вмѣстѣ съ тѣмъ въ пользу втораго сына короля. Наконецъ аббатъ Берни потерялъ всякое терпѣніе и сдѣлалъ посланнику строгій выговоръ.—Брольи тотчасъ написалъ королю, прося его подтвердить или отмѣнить полу-

[1]) Correspondance secrète. 1757 г.

[2]) Secret du Roi, I, 257.

[3]) Correspondance secrète Терсье къ Брольи 2-го декабря (н. ст.) 1757 г.

[4]) Тамъ-же. Письмо отъ 21-го октября (н. ст.) 1757 г.

ченныя имъ секретныя инструкціи [1]). Положеніе Людовика XV было въ высшей степени затруднительно; онъ опасался, чтобы его тайна не была обнаружена, и поэтому рѣшилъ отмалчиваться.

«Весьма жаль, писалъ графъ къ Терсье, что его величество не можетъ удѣлить хотя бы ¼ часа въ день на дѣла».

Этимъ не ограничилась непослѣдовательность французской политики. Въ то время какъ Лопиталю велѣно было дѣйствовать въ Петербургѣ какъ можно осмотрительнѣе относительно великой княгини Екатерины Алексѣевны и ея фаворита Понятовскаго, въ Варшавѣ графъ Брольи всѣми силами старался добиться отозванія изъ Петербурга молодаго посланника, полагая, что его присутствіе при дворѣ, какъ племянника Чарторыйскихъ, стоявшихъ во главѣ русской партіи, угрожаетъ опасностью свободѣ Польши. Графъ дѣйствовалъ такъ настойчиво и искусно, что ему удалось на этомъ настоять. Можно себѣ представить какъ отнеслась къ этому извѣстію великая княгиня Екатерина Алексѣевна и какъ она возненавидѣла виновниковъ ея огорченія. Этой двойственной и необдуманной политикой Франція выказала себя вѣроломной союзницей и давала своимъ противникамъ въ руки оружіе противъ себя.

Между тѣмъ въ Петербургѣ были чрезвычайно недовольны дѣйствіями фельдмаршала Апраксина. Канцлеръ Бестужевъ, значеніе котораго въ это время видимо падало, опасаясь что враги припишутъ его внушеніямъ медленность фельдмаршала, убѣдилъ великую княгиню Екатерину написать ему собственноручное письмо, въ которомъ она просила Апраксина болѣе не медлить [2]). Дѣлать было нечего. 17 мая 1757 г. Апраксинъ перешелъ Литовскую границу, и несмотря на то что 19 іюня почти вся армія была за Нѣманомъ, фельдмаршалъ все еще медлилъ вступить въ прусскія владѣнія. 15 (26) іюля Бестужевъ писалъ ему:

«Безпредѣльная моя къ вашему превосходительству откровенность не позволяетъ мнѣ отъ васъ скрыть, коимъ образомъ здѣсь генерально весьма сожалѣютъ, что недостатокъ провіанта вашему превосходительству воспрепятствовалъ въ непріятельскую землю и въ дѣло съ нимъ до сихъ поръ вступить, которымъ обстоятельствомъ г. Левальдъ [3]) пользуясь, уже ретироваться началъ. Сіе сожалѣніе умножается еще и тѣмъ опасеніемъ, чтобъ онъ между тѣмъ и совсѣмъ не ушелъ, что было бы такою утратою, которая завоеваніемъ Кенигсберга и цѣлой

---

[1]) Correspondance secrète. Брольи королю, 5-го сентября (н. ст.) 1757 г.

[2]) Соловьевъ, т. XXIV, стр. 287.

[3]) Прусскій фельдмаршалъ.

Пруссіи награждена быть не могла-бъ и отчего Богъ знаетъ какія толкованія произошли бъ» [1]).

Недовольствуясь личнымъ со своей стороны внушеніемъ, Бестужевъ, будучи въ Царскомъ Селѣ, просилъ государыню, для побужденія фельдмаршала къ скорѣйшему маршу и операціямъ, хотя строчки двѣ высочайшею своею рукою отписать.

«Ея императорское величество вышедъ въ залу, передаетъ Бестужевъ Апраксину въ томъ же письмѣ, за отсутствіемъ другихъ, ко мнѣ, къ князь Никитѣ Юрьевичу, къ Александру Борисовичу и къ князь Михаилу Михайловичу съ великимъ неудовольствіемъ отзываться изволила, что ваше превосходительство такъ долго въ Польшѣ мѣшкаетъ» [2]).

Три дня спустя, 18 (29) іюля, канцлеръ вновь писалъ Апраксину:

«Должность истинно преданнаго друга требуетъ отъ меня вашему превосходительству хотя съ крайнимъ сожалѣніемъ и въ такой же конфиденціи не скрыть, что, несмотря на всю строгость изданнаго въ народъ въ вашу пользу запретительнаго указа [3]), медлительство вашего марша, слѣдовательно и военныхъ операцій, начинаетъ здѣсь уже по всему городу вашему превосходительству весьма предосудительныя разсужденія производить, кои даже до того простираются, что награжденіе обѣщаютъ, кто бы россійскую пропавшую армію нашелъ».

Такъ какъ подобныя превратныя толкованія могли повредить доброму имени Апраксина, то Бестужевъ совѣтовалъ ему, «преодолѣвая по возможности случающіяся трудности, маршемъ и операціями ускорять и тѣмъ самымъ выше изображенныя толкованія пресѣчь и всѣмъ ротъ заперетъ» [4]).

20-го іюля главная армія перешла наконецъ прусскія границы и послѣ нѣсколькихъ небольшихъ стычекъ съ непріятелемъ вступила съ нимъ въ сраженіе при деревнѣ Гросъ-Егерсдорфѣ, на берегахъ Прегеля, гдѣ одержала побѣду надъ прусскимъ фельдмаршаломъ Левальдомъ. Въ этомъ жаркомъ и кровопролитномъ дѣлѣ пруссаки потеряли до 5.000 убитыми; потеря русскихъ была не менѣе велика, но благодаря своему численному превосходству они остались хозяевами на полѣ битвы.—Къ сожалѣнію Апраксинъ не воспользовался своей побѣдой и, вмѣсто того, чтобы преслѣдовать разбитаго непріятеля, онъ, какъ будто раскаяваясь или извиняясь въ невольно имъ одержанной побѣдѣ, не только переправился обратно черезъ Прегель, но пере-

---

[1]) Архивъ кн. Воронцова, кн. 4, стр. 95.

[2]) Тамъ же стр. 96.

[3]) Этимъ указомъ воспрещалось критиковать дѣйствія арміи и главнокомандующаго.

[4]) Архивъ князя Воронцова, кн. 4, стр. 97.

*

шелъ обратно Нѣманъ и очистилъ Пруссію [1]). Посылая въ Петербургъ журналъ военнаго совѣта, на которомъ было рѣшено отступить за Нѣманъ [2]), Апраксинъ объяснялъ свое отступленіе тѣмъ, что суровое время года и недостатокъ провіанта и фуража, изнуренная кавалерія и изнемогшая пѣхота были главными причинами, которыя побудили его на отступленіе.

Непонятное поведеніе Апраксина до сихъ поръ не вполнѣ выяснено; былъ ли причастенъ въ послѣднемъ его рѣшеніи Бестужевъ или нѣтъ, опредѣлить трудно, такъ какъ всѣ бумаги, касающіяся до плановъ канцлера, были имъ сожжены. Зная, что великій князь Петръ Ѳедоровичъ дружески расположенъ къ Фридриху и что великая княгиня была также на его сторонѣ, Апраксинъ быть можетъ самъ отъ себя рѣшился внезапно отступить послѣ побѣды, такъ какъ въ это время имъ было получено отъ друзей извѣстіе, что императрица безнадежно больна. Отступая, Апраксинъ, думалъ вѣроятно сдѣлать угодное великому князю и не заботился о томъ, что онъ подвергнетъ этимъ русское войско горькимъ упрекамъ и насмѣшкамъ союзниковъ. Можно также предположить, что Бестужевъ, для приведенія въ исполненіе своихъ плановъ, нуждался въ присутствіи войскъ въ столицѣ, ибо здоровье государыни все слабѣло [3]). Но какъ бы то ни было, получивъ отъ Апраксина извѣстіе объ одержанной имъ побѣдѣ и одновременно объ его отступленіи, канцлеръ чрезвычайно обезпокоился и, желая вѣроятно выгородить себя и снять съ себя всякій упрекъ въ томъ, что онъ хотя сколько нибудь виновенъ въ этомъ отступленіи [4]), счелъ необходимымъ высказать фельдмаршалу свое порицаніе.

«На помянутое ваше писаніе (съ извѣстіемъ о побѣдѣ) иного отвѣтить не имѣю, пишетъ Бестужевъ, кромѣ того, что я крайне сожалѣю, что армія подъ командою вашего превосходительства, почти во все лѣто недостатокъ въ провіантѣ имѣя, наконецъ хотя и побѣду одержала, однакожъ принуждена, будучи побѣдительницею, ретироваться. Я собственному вашего превосходительства глубокому проницанію предаю,

---

[1]) Свое отступленіе онъ объяснилъ необходимостью быть „ближе къ магазинамъ, лежащимъ по р. Нѣману, дабы, тамъ оставя больныхъ и прочія въ походѣ обезпокоивающія тягости, вновь съ лучшимъ успѣхомъ продолжать свои операціи“. Соловьевъ, т. XXIV, стр. 995.

[2]) Тамъ же стр. 996.

[3]) Осьмнадцатый вѣкъ, кн. 2, стр. 541.

[4]) По связи Бестужева съ Апраксинымъ гадали, что сей послѣдній отступилъ вслѣдствіе письма, писаннаго къ нему Бестужевымъ, который, страшась гнѣва наслѣдника престола, убѣдилъ его отступить, но доказательствъ этому нѣтъ; вѣроятно его письмо было уничтожено, также и письма Апраксина къ нему по сему поводу. Вейдемейеръ. Царствованіе Елисаветы, ч. II, стр. 9 и 12.

какое оттого произойти можетъ безславіе какъ арміи, такъ и вашему превосходительству, особливо же когда вы непріятельскія земли совсѣмъ оставите» [1]).

Это внушеніе не возъимѣло на Апраксина никакого дѣйствія; онъ продолжалъ отступать.

Когда во Франціи, до полученія о томъ оффиціальнаго извѣстія, узнали изъ голландскихъ вѣдомостей объ отступленіи Апраксина послѣ одержанной имъ побѣды, то это извѣстіе показалось до такой степени мало вѣроятнымъ, что всѣ положительно отказались ему вѣрить.

«Мы во всю недѣлю были въ великомъ безпокойствѣ [2]), писалъ русскій повѣренный въ дѣлахъ, Ѳ. Д. Бехтѣевъ графу Воронцову; послѣ 19-го августа писемъ изъ Петербурга не имѣли, а изъ Голландіи такія получали вѣдомости на двухъ почтахъ, что только объ нихъ подумать, такъ ужасъ беретъ. По несчастію и здѣшній дворъ отъ маркиза Лопиталя не имѣлъ новыхъ извѣстій; однако были къ оному письма изъ Гданска отъ здѣшняго резидента, который писалъ, что наша армія въ Пруссіи отступила назадъ въ лагерь, въ коемъ она стояла прежде баталіи, pour se rapprocher des magazins, и какъ многіе да и нѣкоторые изъ чужестранныхъ министровъ уже стали было за подлинно вѣрить разглашенію голландскихъ вѣдомостей объ насъ то г. графъ Бернисъ въ прошлый вторникъ нарочно всѣмъ послалъ показывать оное здѣшняго резидента письмо и всѣхъ накрѣпко увѣрялъ, что оныя вѣдомости не основательны, а господину послу и мнѣ сказалъ, что то богомерзкая политика прусская, объявя притомъ причины нѣкоторыя, для которыхъ король прусской разглашалъ всѣмъ оныя вѣдомости. Между тѣмъ засвидѣтельствовалъ онъ, сколько они сами безпокоились до полученія изъ Гданска писемъ и что его величество король, кромѣ политическихъ резоновъ, по персональной своей къ ея величеству дружбѣ и почтенію крайне опечаленъ.

«Весь городъ наполненъ былъ симъ дурнымъ слухомъ; ко мнѣ и къ г. послу прислали уже навѣдываться о томъ, а нѣкоторые нарочно въ Версаль ѣздили. Мнѣ отъ вѣрныхъ людей сказано, что у г-жи маркизы Помпадуръ сильно о томъ спрашивали, но она первая начала опровергать оное, сказавъ, что то вымышленная ложь» [3]).

И такъ во Франціи были увѣрены, что слухъ объ отступленіи русской арміи распускался пруссаками, но когда этотъ слухъ подтвердился оффиціальными сообщеніями, то негодованію противъ Апраксина не

---

[1]) Письмо Бестужева отъ 13 (24) сентября 1757 г. Архивъ князя Воронцова, кн. 4, стр. 98.

[2]) Относительно болѣзни императрицы.

[3]) Архивъ кн. Воронцова, кн. 6, стр. 210 и сл.

было границъ и всеобщее ожесточеніе противъ него увеличивалось съ каждымъ днемъ. Чтобы побѣдить нерѣшительность своихъ союзниковъ и заставить ихъ перейти въ наступленіе, французамъ оставалось одно средство — самимъ одержать надъ королемъ прусскимъ рѣшительную побѣду. Время не терпѣло отлагательства. Австрійцы сражались съ нимъ побѣдоносно съ самаго начала года, но ихъ силы начинали истощаться. Весною 1757 г. французы перешли Рейнъ; маршалъ д'Эстре разбилъ вскорѣ гановерцевъ при Гастембекѣ, между тѣмъ какъ вторая французская армія, вступивъ въ Саксонію, искала встрѣчи съ самимъ Фридрихомъ и дала ему сраженіе при Росбахѣ. Извѣстенъ печальный исходъ этого сраженія. Пятидесяти-тысячное французское войско бѣжало передъ 25-ю тысячами пруссаковъ, почти не обмѣнявшись съ ними выстрѣлами, бросивъ оружіе, пушки, знамена. Фридрихъ могъ бы окончательно уничтожить остатки французской арміи, но предпочелъ направить свои силы противъ австрійцевъ, которые приближались къ Силезіи.

5-го декабря нов. ст., ровно черезъ годъ послѣ сраженія при Росбахѣ, прусскій король разбилъ армію маршала Дауна при Лиссѣ, отбросивъ ее въ Моравію, а фельдмаршалъ Апраксинъ, воспользовавшись въ это самое время ухудшеніемъ въ состояніи здоровья императрицы Елисаветы Петровны, самовольно отступилъ со своимъ войскомъ обратно въ Курляндію и размѣстилъ его на зимнія квартиры.

Такимъ образомъ кампанія окончилась побѣдою Фридриха, тогда какъ при болѣе согласномъ и единодушномъ дѣйствіи союзниковъ, она легко могла повести къ его погибели.

VII.

Равнодушіе парижанъ и огорченіе Елисаветы по поводу пораженія французской арміи. — Смѣна и арестъ Апраксина. — Паденіе канцлера Бестужева. — Указъ объ его преступленіяхъ. — Желаніе Елисаветы сблизиться съ Франціею. — Начало секретной переписки. — Объяснительная записка Терсье. — Вопросы, которыхъ касалась секретная переписка. — Присылка въ Петербургъ французскаго доктора Пуассонье. — Просьба императрицы прислать ей французскихъ актеровъ. — Вопросъ о крестинахъ. — Политика Франціи враждебная Россіи. — Кампанія 1758 г. и ея результаты.

Сраженіе при Росбахѣ удовлетворило одновременно ненависть враговъ и зависть союзниковъ Франціи. Марія-Терезія была озлоблена неудачной кампаніей, но въ то же время видѣла съ тайнымъ злорадствомъ, какъ рушилось прежнее обаяніе французскаго войска, которое своими побѣдами не разъ унижало Австрію. Къ довершенію бѣдствія для

Франціи, чувство національной чести въ ней дремало. Въ Парижѣ публика отнеслась къ неудачѣ своихъ войскъ безучастно, какъ посторонній зритель; всегда готовые рукоплескать удачѣ, французы восторженно отзывались о Фридрихѣ и встрѣчали своихъ побѣжденныхъ солдатъ свистками и насмѣшками. Въ эту грустную для Франціи пору, она почти ни въ комъ не встрѣтила участія. Но въ то время, какъ Парижъ сталъ на сторону ея враговъ, и Вольтеръ сочинялъ стихи въ честь короля прусскаго, на другомъ концѣ Европы сердце женщины и монархини обливалось кровью при вѣсти о бѣдствіи, подстигшемъ Францію. Извѣстіе о злосчастномъ сраженіи при Росбахѣ искренно опечалило Елисавету Петровну; она просила французскаго посланника увѣрить Людовика XV въ самомъ сердечномъ ея участіи.

— Прошу васъ, говорила она Лопиталю, передать королю, что я постоянно о немъ думаю; я испытываю это во всѣхъ случаяхъ, котерые его близко касаются.

Говоря эти слова, прибавляетъ маркизъ, она прижала руку къ сердцу [1]).

Когда за пораженіемъ при Росбахѣ послѣдовали новыя неудачи, и Франція потеряла, въ началѣ 1758 г., одинъ за другимъ, Гановеръ и Вестфалію, царица удвоила вниманіе къ Лопиталю. Когда она замѣчала, что французскій посланникъ пріѣзжалъ во дворецъ болѣе озабоченный, чѣмъ обыкновенно, когда бюллетени непріятельской арміи или газетныя корреспонденціи возвѣщали въ преувеличенномъ видѣ о какой либо новой побѣдѣ Фридриха, она подходила къ посланнику и, взявъ его за руку, говорила:

— Любезный посланникъ, не огорчайтесь особенно, прошу васъ; подождемъ подробностей, газеты всегда преувеличиваютъ [2]).

Къ огорченію, въ душѣ императрицы примѣшивалось раскаяніе; не падала-ли на нее нѣкоторая отвѣтственность за общее бѣдствіе въ томъ отношеніи, что она допустила своихъ генераловъ безнаказанно ослушаться ея приказаній и сыграть въ руку непріятелю своимъ бездѣйствіемъ? Вопли французскаго и австрійскаго пословъ противъ Апраксина заставили послать ему грозные указы, которые привели его «въ трепетъ и отчаяніе». Наконецъ Росбахъ и Лисса какъ будто вывели императрицу изъ оцѣпенѣнія: въ январѣ мѣсяцѣ, среди зимы, не взирая на стужу и снѣга, она послала строгое приказаніе возобновить военныя дѣйствія, перейти Нѣманъ и идти на Кенигсбергъ. Апраксинъ, уволенный отъ командованія войскомъ и замѣщенный генераломъ Ферморомъ, былъ

---

[1]) Лопиталь, 10-го марта (н. ст.) 1758 г.

[2]) Депеша 19-го іюля (н. ст.) 1758.

арестованъ [1]) и отвезенъ, подъ надежнымъ конвоемъ, въ Петербургъ, гдѣ ему пришлось дать отвѣтъ въ его поведеніи, но Елисавета Петровна понимала, что истинныхъ виновныхъ слѣдовало искать выше и ближе къ ней. Гибель Бестужева была рѣшена; она только выжидала для этого удобнаго предлога.

— Потерпите, говорила Елисавета австрійскому посланнику, когда онъ жаловался ей на Бестужева,—мы съ нимъ скоро раздѣлаемся.

Изъ бумагъ Апраксина, захваченныхъ во время его арестованія, выяснилось, что однимъ изъ виновниковъ въ медленности дѣйствій русской арміи былъ Бестужевъ. Убѣдившись въ этомъ, императрица рѣшилась удалить его.

14-го (25) февраля 1758 г., когда Бестужевъ входилъ въ Зимній дворецъ, караульные, вмѣсто того, чтобы отдать ему честь, окружили его: онъ былъ арестованъ [2]) и отведенъ подъ карауломъ въ свой собственный домъ, гдѣ содержался подъ строгимъ надзоромъ; въ его комнатѣ день и ночь стояли двое часовыхъ.

Объ устраненіи графа Бестужева отъ дѣлъ, иностранные министры, въ Петербургѣ находившіеся, были извѣщены оффиціальной нотою, въ коей говорилось, что императрица уже нѣсколько времени имѣла основательныя причины сомнѣваться въ вѣрности канцлера гр. Бестужева и что она имѣла прискорбіе убѣдиться въ множествѣ его преступленій, козней, ужасныхъ поступковъ и злоумышленій противъ ея величества [3]).

О преступленіяхъ Бестужева вышелъ особый указъ, въ коемъ, между прочимъ, говорилось, что, снѣдаемый непомѣрнымъ честолюбіемъ, онъ вмѣшивался въ дѣла, до него не касавшіяся; что всякими незаконными путями старался увеличить свою власть, что онъ избѣгалъ исполнять высочайшія повелѣнія, когда они не согласовались съ его видами; скрывалъ отъ императрицы, ко вреду государства клонившіяся дѣйствія, старался внушать недовѣріе государынѣ насчетъ великаго князя Петра Ѳедоровича и его супруги и вмѣстѣ уменьшить въ нихъ почтеніе къ

---

[1]) Отставка Апраксина и назначеніе иноземца, Фермора, было встрѣчено въ войскѣ съ ропотомъ; „въ кои-то вѣки, говорили солдаты, Богъ насъ было помиловалъ, одаривъ благочестивымъ фельдмаршаломъ, да за наши грѣхи опять его отъ насъ взяли. А отъ нечестивыхъ нѣмцевъ какого добра ждать? Вѣдь одновѣрцы: воронъ ворону глаза не выклюетъ, гдѣ имъ такъ радѣть и стоять, какъ наши природные! Вѣдь и въ баталіи наши же православные, кои съ правдою и съ вѣрою всемилостивѣйшей нашей матушкѣ Елисаветѣ Петровнѣ служатъ, убиты“.

Письмо къ канцлеру ассессора Веселицкаго (секретаря при генералахъ Апраксинѣ и Ферморѣ) изъ Либавы отъ 14 (25) ноября 1757 г. Архивъ кн. Воронцова, кн. 6, стр. 500.

[2]) Лопиталь, 13-го (24) марта 1758 г.

[3]) Вейдемейеръ, ч. II. стр. 10.

императрицѣ; что въ его бумагахъ найдены неоспоримыя доказательства замысловъ, вредныхъ и обширныхъ, недоброходства къ государынѣ и намѣреній, посягавшихъ на безопасность ея; что хотя онъ и заслуживалъ бы смертную казнь за его преступленія, но что государыня, вмѣсто оной, приказала его сослать навсегда въ одну изъ деревень, дабы онъ, закоснѣлый въ преступленіи, не могъ быть вреденъ своимъ ближнимъ [1]).

Съ паденіемъ Бестужева партія молодаго двора была временно ослаблена; ея главные совѣтники мало-по-малу сошли со сцены. Вслѣдъ за Вилліамсомъ долженъ былъ удалиться Понятовскій. Апраксинъ былъ найденъ мертвымъ въ каретѣ, въ которой онъ возвращался въ Петербургъ. Званіе великаго канцлера вскорѣ послѣ паденія Бестужева получилъ графъ М. Л. Воронцовъ; въ его рукахъ сосредоточилось главное управленіе дѣлами. Великая княгиня уже не играла по прежнему при дворѣ первенствующей роли; что касается ея супруга, то онъ быстро утѣшился на этотъ счетъ, прибавивъ къ своимъ тремъ батальонамъ хоръ музыкантовъ.

Елисавета Петровна, взявъ въ свои руки власть, не воспользовалась ею для того, чтобы упрочить узы, связавшіе ее съ союзниками и преимущественно съ Франціей.

— Между королемъ и мною, говорила она Лопиталю, съ дѣтства существуетъ старинная симпатія, и вы можете его увѣрить, что я останусь та же, что я всегда буду давать ему несомнѣнныя доказательства моей дружбы и со своей стороны разсчитываю на его дружбу. Вы можете увѣрить короля, что я буду всѣми силами содѣйствовать его цѣлямъ, а равно, что я вполнѣ увѣрена въ томъ, что и онъ будетъ интересоваться моими намѣреніями.— Въ настоящій моментъ они ограничиваются нашими общими усиліями образумить короля прусскаго [2]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Елисавета предложила Людовику XV присоединиться къ конвенціи, подписанной ею 22 января 1757 г. съ австрійской императрицей, въ силу которой она обязалась содержать постоянную армію въ 80 тысячъ человѣкъ для защиты ихъ общаго дѣла [3]), и старалась разузнать взгляды французскаго двора на заключеніе съ нею непосредственнаго союза. Въ это именно время, между французскимъ королемъ и императрицею установилась наконецъ тайная переписка, которую они хотѣли начать годъ тому назадъ. Посредникомъ въ этой перепискѣ былъ кавалеръ д'Эонъ.

Этотъ молодой человѣкъ возвратился, какъ было сказано, въ Россію, въ исходѣ 1757 г., съ отвѣтомъ принца Конти. Совершенно иного

---

[1]) Вейдемейеръ, ч, II, стр. 10 и 11.

[2]) Лопиталь, 30-го октября (н. ст.) 1758 г.

[3]) Текстъ этого договора напечатанъ у Мартенса, стр. 202 и сл.

рода посланіе мечталъ онъ повергнуть къ стопамъ ея величества; зато Терсье постарался вознаградить юношу, положивъ въ его скромный багажъ экземпляръ Esprit des lois Монтескье, который въ глазахъ д'Эона былъ драгоцѣннѣе всего его остальнаго имущества. Переплетъ этой книги состоялъ изъ двухъ отдѣльныхъ листочковъ, изъ тонкаго кожанаго, и мраморной бумаги, склееныхъ по краямъ и представлявшихъ на первый взглядъ одно неразрывное цѣлое. Искусная рука вложила между этими двумя листочками шифръ, который долженъ былъ служить для переписки Людовика XV и Елисаветы; къ шифру было приложено письмо отъ Терсье къ графу Воронцову въ коемъ возобновлялось, отъ имени короля, предложеніе завести секретную переписку [1]). Воронцовъ сообщилъ Терсье, что мысль о перепискѣ и самый способъ веденія ея заслужили въ принципѣ одобренія императрицы. Этотъ отвѣтъ былъ полученъ въ Версалѣ въ февралѣ мѣсяцѣ 1758 г. въ тотъ моментъ, когда совершилось паденіе Бестужева.

Императрица была не прочь тотчасъ начать переписку съ королемъ, но послѣдній уже охладѣлъ къ этой мысли и началъ колебаться. Взявъ на себя иниціативу въ этомъ дѣлѣ, онъ не рѣшался приступить къ его выполненію, изъ боязни связать себя безповоротно съ Россіей. Король возложилъ на Терсье, своего постояннаго совѣтника въ подобныхъ дѣлахъ, обязанность составить и подать ему объ этомъ вопросѣ письменную записку, что Терсье исполнилъ какъ нельзя болѣе добросовѣстно, изложивъ въ этой запискѣ съ полнѣйшимъ безпристрастіемъ краткій историческій очеркъ секретной корреспонденціи, которая велась съ Россіей, и дополнивъ этотъ очеркъ своими собственными соображеніями. Этотъ трудъ выяснилъ весь недостатокъ той политической системы, которая, дѣйствуя полумѣрами и говоря полусловами, принимаетъ маленькія хитрости за глубокомысленные разсчеты и лишаетъ себя заслуги дѣйствовать прямодушно, не успѣвая никого обмануть.

«Нѣтъ возможности сомнѣваться, говоритъ Терсье въ этой запискѣ, въ искренности намѣреній русской императрицы и въ ея преданности особѣ его величества. Несомнѣнно ея отвращеніе къ Фридриху и даже нѣкоторое неудовольствіе, вызванное въ умѣ этой монархини различными поступками его величества, короля прусскаго. Она желаетъ его унизить и оказать покровительство королю польскому, но всякое рѣшеніе принимается ею чрезвычайно медленно; съ другой стороны, врожденная робость графа Воронцова мѣшаетъ ему, несмотря на его добрыя чувства, дѣлать императрицѣ нужныя представленія. Кромѣ того, онъ боится подвергнуться неудовольствію молодаго двора, преданнаго Англіи.

[1]) Эти подробности передаются въ письмѣ самого д'Эона отъ 17 (28) мая 1756 г., напечатанномъ у Gaillardet, гл. II, 23.

«Несмотря на сказанное о свойствахъ императрицы и ея министра, могутъ однако же случиться благопріятныя обстоятельства, когда возможно будетъ воспользоваться этой перепиской для того, чтобы передать этой монархинѣ нѣкоторыя вещи, которыя графъ Воронцовъ не пожелалъ бы самъ передать ей, увеличить ея симпатіи и предупредить все то, что враги его величества или люди злонамѣренные могли бы предпринять въ Петербургѣ во вредъ общему дѣлу.

«На этотъ предметъ эта корреспонденція можетъ быть полезна во время войны или при веденіи переговоровъ о мирѣ.

«Такъ какъ его величество постоянно обращаетъ свое вниманіе на дѣла Польши, ради сохраненія ея свободы или на случай избранія короля, то его собственная проницательность покажетъ ему, какую пользу можно будетъ извлечь, въ этомъ отношеніи, изъ этой переписки.

«Его величеству предоставляется судить о томъ, возможно ли, пользуясь этимъ средствомъ, склонить русскую императрицу пощадить Польскую республику, высказавъ ей все то, что она никогда не узнаетъ инымъ путемъ,—въ какой степени поведеніе ея генераловъ можетъ повредить ея собственнымъ интересамъ.

«Можно также раскрыть интриги графа Брюля съ Англіей относительно Россіи, не упоминая о молодомъ дворѣ, и этимъ предотвратить ихъ послѣдствія.

«Представивъ его величеству все то, что касается пользы этой переписки, должно также указать неудобства, кои могутъ отъ нея произойти.

«Повидимому, можно положиться на честность графа Воронцова, но можно ли довѣрять ей въ такой степени, чтобы положиться на нее безусловно? къ тому же, при дворѣ, столь терзаемомъ интригами и гдѣ враги его величества пользуются такою властью и такъ сильно интригуютъ, этотъ министръ можетъ впасть въ немилость, бумаги его могутъ быть захвачены и переписка обнаружена даже помимо желанія императрицы, не говоря уже о возможномъ случаѣ кончины этой государыни. Англія поспѣшила бы воспользоваться этимъ открытіемъ для своихъ цѣлей и представила бы эту переписку въ ложномъ свѣтѣ въ Вѣнѣ, Константинополѣ, Польшѣ и всюду, гдѣ бы она сочла это нужнымъ для своихъ происковъ.

«Представивъ всѣ сіи соображенія, самымъ по возможности безпристрастнымъ образомъ, намъ кажется, что вниманіе, коего заслуживаетъ желаніе русской императрицы вести эту переписку, выраженное ею черезъ министра, вынуждаетъ отвѣтить на него согласіемъ. Но, во избѣжаніе могущихъ отъ того произойти неудобствъ, я беру смѣлость сказать, что въ этой перепискѣ надлежитъ соблюдать вначалѣ чрезвычайную осторожность и сдержанность. Особенно надобно стараться не зайти слишкомъ далеко, употребляя въ то же время самыя

дружественныя выраженія. Весьма вѣроятно, что графъ Воронцовъ желаетъ проникнуть намѣренія его величества, точно также, какъ интересы короля требуютъ знать намѣренія не только самой императрицы, но и всего русскаго двора. Было бы весьма удобно повести дѣло такъ, чтобы вывѣдать тайну другихъ, не выдавая своей.

«Руководствуясь этимъ правиломъ, я счелъ нужнымъ ограничиться въ проектѣ отвѣтнаго письма графу Воронцову, которое я беру смѣлость представить на благоусмотрѣніе его величества, лишь самыми отмѣнными увѣреніями дружбы со стороны короля по отношенію императрицы и довѣрія къ ея министерству по общимъ дѣламъ, не входя ни въ какія частныя объясненія.

«Таковы соображенія, которыя я счелъ необходимымъ представить его величеству со всенижайшей просьбою обратить на оныя достодолжное вниманіе. Этотъ крайне щекотливый и вмѣстѣ съ тѣмъ важный вопросъ требуетъ самыхъ точныхъ приказаній».

Король безусловно одобрилъ предложенія Терсье, но дѣло о перепискѣ затянулось почти на годъ. Не получая долгое время на свое предложеніе окончательнаго отвѣта отъ императрицы, Терсье полагалъ, что дѣло о перепискѣ не уладится, и уже поручилъ д'Эону отобрать цифирный ключъ, посланный имъ Воронцову.

«Его величество надѣялся, писалъ онъ по этому поводу д'Эону [1]), что сія секретная и безпосредственная переписка могла бы современемъ быть полезна для службы какъ его величества, такъ и россійской императрицы. Еще въ свѣжей памяти у меня данныя мнѣ по сему случаю королевскія повелѣнія.

«Знатно поопасся графъ Воронцовъ, чтобъ оною перепискою не подвергнуть себя какому подозрѣнію, или не повѣрилъ онъ тому, что именемъ королевскимъ я къ нему писалъ. Великаго бы сожалѣнія достойно и весьма бъ непріятно было, ежели отозвался онъ о томъ маркизу Лопиталю.

«Необходимо нужно, чтобъ г. графъ Воронцовъ или принялъ предлагаемую ему со стороны его величества безпосредственную переписку, и которую только одинъ король читать будетъ, или чтобъ возвратилъ онъ вамъ цифирной ключъ и письмо, дабы всему тому и слѣду никакого не осталось, ибо весьма бы прискорбно было его величеству, когда бъ секретъ его извѣстнымъ учинился. Сего ради постарайтесь и употребите всѣ силы ваши, чтобъ сіе дѣло однимъ или другимъ образомъ окончено было, и выведите короля изъ сомнѣнія, въ которомъ его величество съ самаго отъѣзда вашего находится...

«Можете себѣ вообразить, съ какою нетерпѣливостью ожидаетъ его

---

[1]) 16-го сентября (нов. ст.) 1758 г.

величество извѣстія какъ отъ графа Воронцова, такъ и отъ васъ, а наипаче, чтобы получить оное весьма надежнымъ способомъ. Я увѣренъ, что вы сдѣлаете все, что въ возможности вашей состоять будетъ, чтобъ въ семъ случаѣ соотвѣтствовать особливой той повѣренности, которою его величество почтить васъ изволитъ»[1]).

Одновременно съ этимъ письмомъ Терсье было отправлено самому графу Воронцову письмо слѣдующаго содержанія[2]):

«Не получа отъ вашего сіятельства никакого отвѣта на письмо, которое, по повелѣнію короля моего государя, имѣлъ я честь писать къ вамъ въ іюлѣ мѣсяцѣ прошлаго года, и которое вручено вамъ господиномъ д'Эономъ, разсуждаю я, что имѣли ваше сіятельство особливыя причины, для которыхъ не изволили употребить того, что къ оному письму приложено было. И какъ тѣ причины, можетъ быть, и понынѣ еще настоятъ, слѣдовательно и все то уже безполезнымъ дѣлаютъ, то нижайше прошу ваше сіятельство (хотя г-ну д'Эону и неизвѣстно, что въ томъ пакетѣ было) приказать его къ себѣ призвать и сжечь въ присутствіи его какъ прежнее мое письмо купно съ приложенными двумя цифирными ключами, такъ и сіе, дабы онъ могъ меня о томъ увѣдомить. Сіе письмо не токмо показывалъ я королю, но и пишу оное къ вашему сіятельству съ апробаціи его величества. Именемъ королевскимъ мною напредъ сего сообщенное вамъ есть собственной его секретъ, и его величество не сомнѣвается, что ваше сіятельство оной такъ свято хранили, какъ я васъ о томъ просилъ. Я прошу г-на д'Эона, чтобъ онъ ко мнѣ отписалъ о томъ, что вашему сіятельству по сему учинить угодно будетъ. Если же за удобнѣе разсудить изволите отдать ему всѣ тѣ бумаги за печатью, то перешлетъ онъ ко мнѣ тотъ пакетъ при надежнемъ случаѣ».

Изъ приведенныхъ писемъ видно, что Людовикъ XV придавалъ особенное значеніе тому, чтобы тайна переписки его съ Елисаветой Петровной не была обнаружена.

Проектъ отвѣтнаго письма на предложеніе Людовика XV былъ поднесенъ графомъ Воронцовымъ императрицѣ годъ тому назадъ, но высочайшей «апробаціей еще не былъ удостоенъ», такъ какъ Елисавета Петровна, несмотря на свое желаніе вести съ королемъ личную переписку, по своему обыкновенію все откладывала свое рѣшеніе[3]).

Прочитавъ вышеприведенныя два письма и доложивъ императрицѣ ихъ содержаніе, графъ Воронцовъ «всенижайше просилъ милостиваго

---

[1]) Архивъ кн. Воронцова, кн. VII, стр. 509—511.

[2]) Письмо Терсье къ канцлеру изъ Версаля отъ 15-го сентября (нов. ст.) 1758 г. Архивъ кн. Воронцова, кн. VII, стр. 508.

[3]) Собственноручное примѣчаніе гр. Воронцова къ письму Терсье отъ 15-го сентября. Архивъ кн. Воронцова, кн. VII, стр. 508.

повелѣнія, соизволено ли будетъ сію корреспонденцію производить или, по требованію Терсье, уничтожить и огню предать» [1]).

Императрица изъявила свое согласіе вести тайную переписку между ею и Людовикомъ XV, которая и началась въ томъ же 1758 году. Собственно говоря, монархи не обмѣнивались, какъ можно предположить, дружескими посланіями. Дѣло происходило иначе.

Раза четыре или пять въ годъ французскій посланникъ торжественно вручалъ императрицѣ собственноручное письмо короля, написанное оффиціальнымъ слогомъ и съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ этикета. Добрую половину письма составляли соотвѣтственные титулы и формулы вѣжливости; вторая половина была посвящена церемоннымъ увѣреніямъ дружбы; между прочимъ, осторожно давался какой-нибудь полезный совѣтъ. Елисавета спѣшила отвѣтить въ томъ же духѣ, не менѣе высокопарнымъ слогомъ: подобнаго рода переписка могла долго продолжаться, не приведя ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. Зато графъ Воронцовъ препровождалъ Терсье подъ величайшею тайною, черезъ д'Эона, длинныя шифрованныя посланія, въ коихъ онъ излагалъ личные планы, желанія и чувства самой императрицы. Никто изъ русскихъ сановниковъ, исключая Воронцова и Олсуфьева, довѣреннаго секретаря Елисаветы Петровны, не принималъ участія въ отправленіи этихъ послѣднихъ писемъ; даже Шуваловъ былъ посвященъ въ эту тайну гораздо позже; также и Людовикъ XV не довѣрялъ этой тайны ни кардиналу Берни и никому изъ французскихъ министровъ [2]). До 1760 г. переписка эта велась въ тайнѣ даже и отъ обоихъ пословъ, русскаго въ Парижѣ и французскаго—въ Петербургѣ: только въ 1760 году, по желанію французскаго короля, для большаго удобства переписки, въ нее былъ посвященъ французскій посланникъ де-Бретейль [3]).

---

[1]) Архивъ кн. Воронцова, кн. VII, стр. 508.

[2]) Собственноручное примѣчаніе графа Воронцова къ письму Терсье къ д'Эону отъ 5-го (16) сентября 1758 г. Архивъ кн. Воронцова, кн. VII, стр. 509.

[3]) Мотивы, побудившіе короля открыться де-Бретейлю насчетъ переписки, учрежденной между ихъ величествами, изложены въ нижеслѣдующемъ письмѣ Терсье къ канцлеру Воронцову отъ 1-го апрѣля новаго стиля 1760 г.

„Письмо, которое передалъ канцлеру де-Бретейль, полномочный министръ французскаго короля, апробовано въ черномъ отпускѣ собственною его величества рукою. Его величество, по довѣренности своей къ благоразумію и ревности его, соизволилъ открыть ему объ учрежденной чрезъ посредство вашего сіятельства между его величествомъ и россійскою императрицею тайной перепискѣ. Натуральныя и неизбѣжныя затрудненія, препятствующія тому, чтобъ оная переписка такъ часто производилась, какъ бы король, для поданія ея императорскому величеству знаковъ искренней своей дружбы, того желать могъ, привели его на мысль, что она лучшій успѣхъ возъимѣетъ, когда министръ его, при дворѣ ея величества, объ ней свѣдомъ будетъ, и

Терсье препровождалъ получаемыя имъ письма королю, набросавъ проектъ отвѣтнаго письма, который Людовикъ прочитывалъ и нерѣдко исправлялъ собственноручно, но которое Терсье отправлялъ отъ своего имени и за своею собственною подписью Такимъ образомъ, Людовикъ XV и Елисавета Петровна переписывались подъ видомъ третьяго лица: они вдохновляли корреспонденцію, которая редактировалась ихъ довѣренными лицами.

Этимъ путемъ французское правительство легко могло бы давать петербургскому кабинету нужные совѣты и полезныя предостереженія и пріобрѣсти безраздѣльное вліяніе на умъ нерѣшительной Елисаветы Петровны. Къ сожалѣнію, французскій король, ведя эту переписку, руководствовался всецѣло тѣми принципами, подъ вліяніемъ которыхъ была составлена вышепомянутая записка Терсье. Боясь, главнымъ образомъ, скомпрометировать себя, онъ избѣгалъ входить въ объясненія по какому-либо вопросу; поэтому переписка, на которую онъ согласился какъ бы изъ любезности, ограничивалась одними общими мѣстами и безполезными подробностями. Отношенія между королемъ и императрицею приняли скорѣе характеръ дружбы, нежели характеръ политическаго союза, основаннаго на общности цѣлей, симпатій и интересовъ.

Елисавета Петровна сообщила напримѣръ королю о своихъ физическихъ недугахъ. Людовикъ XV тотчасъ послалъ ей своего придворнаго врача Пуассонье, пользовавшагося большой извѣстностью во Франціи. По пріѣздѣ въ Петербургъ, Пуассонье былъ принятъ съ отмѣнной вѣжливостью императрицею и Шуваловыми и крайне недружелюбно русскими врачами, которые опасались его превосходства. Грекъ Кондоиди, пользовавшій обыкновенно Елисавету, объявилъ, что такъ какъ придворные врачи въ Россіи состоятъ въ чинѣ генералъ-лейтенантовъ, то онъ отказывается отъ консультаціи съ французомъ до тѣхъ поръ, пока

что въ той же тайности и съ тою же повѣренностью сообщая всегда вашему сіятельству то, что касаться можетъ болѣе до дружбы, нежели до авантажей обоихъ государей нашихъ, они симъ способомъ болѣе въ состояніи будутъ взаимными опытами изъявлять другъ другу сентименты свои, нежели употребленными донынѣ средствами.

„Сіе есть, милостивый государь, главная причина, побудившая къ тому его величество, по которой и впредь всегда поступать будетъ въ томъ, что касаться можетъ до ея величества россійской императрицы. Итакъ, можете ваше сіятельство откровенное сообщеніе имѣть съ г-номъ барономъ Бретейлемъ, который прямо доносить будетъ его величеству о томъ, что вы за нужно разсудите объявить ему отъ имени государыни вашей. Впрочемъ, сія переписка отъ всѣхъ министровъ королевскихъ непремѣнно сокровенною остается, слѣдовательно тайность оныя и взаимная повѣренность также непремѣнными пребудутъ“.—(Архивъ князя Воронцова, кн. VI, стр. 420—424).

тотъ не получитъ отъ своего короля, по крайней мѣрѣ, чинъ статскаго совѣтника [1]).

Елисаветѣ пришлось видѣться съ Пуассонье и пользоваться его совѣтами чуть не тайкомъ.

Въ тѣ моменты, когда императрица чувствовала себя лучше, она просила короля позаботиться объ ея развлеченіи. Страстная любительница театра, она всегда высказывала особое пристрастіе къ французскому репертуару и къ игрѣ французскихъ актеровъ. Грубыя и монотонныя развлеченія ея двора не удовлетворяли императрицу; она скучала и просила Людовика прислать ей первыхъ двухъ актеровъ французской комедіи—Лекена (Lekain) и дѣвицу Клеронъ (Clairon). Король нашелъ, что требованія высшей политики не позволяютъ ему исполнить желаніе государыни; онъ боялся возбудить неудовольствіе парижской публики, лишивъ столицу ея любимцевъ. Кардиналъ де-Берни взялъ на себя извиниться отъ имени своего монарха.

«Безъ сомнѣнія, не существуетъ той вещи, писалъ онъ въ Петербургъ, которую мы бы не сдѣлали, чтобы исполнить желаніе императрицы и содѣйствовать тому, что можетъ быть ей пріятнымъ. Я весьма желалъ бы имѣть возможность способствовать ея развлеченію, отправивъ въ Петербургъ г-на Лекена и дѣвицу Клеронъ, но это вещь положительно невозможная. Они принадлежатъ королю, который почелъ бы за удовольствіе предоставить ихъ на время русской императрицѣ, но они принадлежатъ также публикѣ, состоя въ труппѣ «Comédie française», коей они составляютъ лучшія силы. Увеселенія Парижа составляютъ такую статью, которая заслуживаетъ вниманія правительства; взять этихъ двухъ актеровъ изъ «Comédie française»—значило бы уронить ее. Если въ провинціальныхъ труппахъ найдутся актеры, способные доставить удовольствіе русской императрицѣ, то мы сдѣлаемъ все возможное, чтобы послать ихъ въ Петербургъ, какъ во вниманіе къ самой государынѣ, такъ равно и для того, чтобы распространить въ чужихъ краяхъ любовь къ французскому театру» [2]).

Въ сношеніяхъ, установившихся между монархами, Елисавета дѣлала во всемъ первый шагъ; Людовикъ XV принималъ ея предложенія съ любезной предупредительностью, но не особенно спѣшилъ отвѣчать на нихъ. Правда, его августѣйшая корреспондентка выражала иной разъ довольно дорого стоющія желанія. Такъ, уже въ половинѣ 1757 г. она дала понять версальскому двору, черезъ Лопиталя, что всѣ ея желанія были бы удовлетворены, если бы она получала ежегодную пенсію (pension) или если бы ей дали ссуду въ пять милліоновъ рублей;

---

[1]) Лопиталь, 3-го (14-го) октября 1758 г.

[2]) Де-Берни—Лопиталю, 25-го іюня (н. ст.) 1758 г.

императорская казна была пуста и кредитъ императрицы истощенъ. Интересы Франціи требовали удѣлить Россіи часть огромной субсидіи, которую она выдавала ежегодно Австріи, но король и его министры не нашли это удобнымъ [1]). Позднѣе Елисавета Петровна еще разъ возобновила эту просьбу въ своей секретной перепискѣ, но вновь получила отказъ.

Она болѣе не настаивала, такъ какъ въ это время ее занималъ другой предметъ, болѣе близкій къ сердцу. Великая княгиня Екатерина Алексѣевна была беременна, и ей пришлось волей-неволей, несмотря на столкновеніе, которое она имѣла съ императрицей, просить ее быть воспріемницей ея будущаго ребенка. Елисавета Петровна изъявила на это свое согласіе, подъ условіемъ, что кумомъ будетъ французскій король. Дугласу, уѣзжавшему въ то время во Францію, было поручено сообщить королю конфиденціально о желаніи императрицы; между тѣмъ Воронцовъ открылся маркизу Лопиталю, поручивъ ему предупредить о томъ де-Берни, съ просьбою держать эту просьбу въ тайнѣ. Канцлеръ не скрылъ, что государыня придавала величайшее значеніе успѣху своей просьбы; и когда ей замѣтили, что въ случаѣ отказа Людовика XV можно будетъ обратиться къ одному изъ принцевъ австрійскаго дома, то императрица отвѣчала отказомъ:

— Нѣтъ,—говорила она съ досадой,—я не хочу ни съ кѣмъ крестить, кромѣ какъ съ королемъ [2]).

Согласившись быть крестнымъ отцомъ ожидаемаго младенца, король исполнилъ бы этимъ самое завѣтное желаніе Елисаветы. Притомъ родственныя отношенія между монархами имѣли въ ту пору такое значеніе, какое въ настоящее время трудно даже себѣ представить; младенецъ, котораго предстояло окрестить, могъ вступить современемъ на русскій престолъ и всегда бы помнилъ, что его воспріемникомъ былъ французскій король. Несмотря на все это, Людовикъ XV отвѣчалъ на предложеніе императрицы отказомъ, мотивируя его тѣмъ, что по своимъ религіознымъ убѣжденіямъ онъ не могъ быть крестнымъ отцомъ ребенка, который не будетъ окрещенъ и воспитанъ въ правилахъ католической вѣры.

Вотъ отвѣтъ, данный кардиналомъ де-Берни на письмо Лопиталя, коимъ тотъ сообщалъ ему о желаніи императрицы.

«Милостивый государь, я передалъ королю содержаніе письма, въ коемъ вы высказываете желаніе русской императрицы окрестить вмѣстѣ съ его величествомъ младенца, которымъ ея высочество великая княгиня имѣетъ въ скоромъ времени разрѣшиться отъ бремени. Набожност

---

[1]) Письмо Рулье отъ 24-го апрѣля (н. ст.) 1757 г.

[2]) Лопиталь, 16-го сентября (н. ст.) 1757 г.

его величества всегда побуждала его смотрѣть на обязанности, какія принимаетъ на себя крестный отецъ, не какъ на простую формальность, но какъ на обязательство слѣдить по мѣрѣ возможности за тѣмъ, чтобы окрещенный ребенокъ былъ воспитанъ въ правилахъ католической вѣры. Такъ какъ русская императрица, великій князь и великая княгиня вѣроисповѣданія православнаго, въ коемъ, по законамъ страны, будетъ воспитанъ и ребенокъ, имѣющій родиться, то его величество находитъ неудобнымъ быть воспріемникомъ этого младенца. Онъ уже отказывалъ въ этомъ нѣсколькимъ коронованнымъ особамъ, просившимъ его о томъ. Вслѣдствіе этого, хотя его величество желалъ бы доказать Европѣ, что его чувства по отношенію къ русской императрицѣ неизмѣнны и что поведеніе фельдмаршала Апраксина никоимъ образомъ ихъ не измѣнило, онъ все-таки не можетъ исполнить желаніе государыни. Если съ вами объ этомъ будутъ говорить, то вы должны представить эти соображенія и дать понять, что принципы вѣры являются единственною причиною того, что его величество долженъ съ огорченіемъ отказаться отъ этого новаго сближенія съ русской императрицей. Самое благоразумное было бы устранить эту просьбу такимъ образомъ, чтобы императрица не была этимъ оскорблена» [1]).

Отказъ короля оскорбилъ Елисавету какъ женщину.

Французская политика вообще не щадила императрицу. Въ Польшѣ представитель Франціи продолжалъ дѣйствовать въ томъ же духѣ какъ прежде. Хотя де-Берни добился наконецъ отозванія де-Брольи, но графъ, уѣзжая изъ Варшавы, оставилъ въ званіи повѣреннаго въ дѣлахъ своего, такъ сказать, воспитанника на дипломатическомъ поприщѣ — Дюрана, которому онъ успѣлъ внушить свои взгляды. Къ тому же де-Брольи заступилъ мѣсто принца Конти и руководилъ съ тѣхъ поръ секретной дипломатіей. Въ своихъ письмахъ къ Дюрану онъ предписывалъ ему продолжать въ Польшѣ борьбу противъ русскаго вліянія. Въ то же время версальскій дворъ формальнымъ образомъ отказался присоединиться къ новому договору, заключенному обѣими императрицами, чѣмъ могли бы быть скрѣплены узы, связывавшие Францію съ Россіей. [2]) Франція заключила, со своей стороны, съ Вѣною нѣкоторыя частныя обязательства, коими эти державы обезпечивали другъ другу извѣстныя территоріальныя выгоды въ случаѣ ихъ успѣха на полѣ брани. [3]) Эти условія были включены во второй Версальскій договоръ, въ видѣ секретныхъ ста-

---

[1]) Де-Берни — Лопиталю, 16-го октября (н. ст.) 1757 г. Этотъ документъ напечатанъ у Gaillardet, гл. V, 64.

[2]) Де-Берни — Лопиталю 11-го авг. и 8-го сент. (н. ст.) 1758 г.

[3]) Въ случаѣ, если бы Австріи удалось получить обратно Силезію, она обязалась уступить Франціи нѣкоторую часть Нидерландовъ, передавъ остальную одному изъ принцевъ дома Бурбоновъ.

тей, но не были сообщены Россіи, которая узнала о нихъ стороною и была удивлена оказаннымъ ей недовѣріемъ.

«Я долженъ вамъ сообщить, писалъ Лопиталь къ Берни, скорѣе какъ другъ нежели какъ посланникъ, содержаніе откровенной бесѣды, которую я имѣлъ съ графомъ Воронцовымъ и о которой онъ просилъ меня довести до вашего свѣдѣнія.

— Не скрою отъ васъ,—сказалъ онъ мнѣ,—что ея императорское величество узнала изъ разныхъ источниковъ о томъ, что Франція и вѣнскій дворъ согласились между собою относительно взаимныхъ преимуществъ и что Франція получитъ часть австрійскихъ владѣній во Фландріи. Такъ какъ эти извѣстія считаются достовѣрными и всѣмъ извѣстны, то не лучше ли было бы, чтобы вашъ дворъ сообщилъ дружественнымъ образомъ ея императорскому величеству содержаніе этихъ секретныхъ статей? Это было бы для императрицы доказательствомъ того довѣрія, какое питаетъ къ ней король.—Ея величество не только не употребитъ это довѣріе во зло, но безъ сомнѣнія одобритъ эти планы; если же, наоборотъ, все то, что ей выдаютъ за истину, ложно, въ такомъ случаѣ она будетъ въ состояніи смѣло опровергнуть всѣ эти слухи какъ несогласные съ истиною. Дѣйствуя такимъ образомъ, вы обяжете насъ относиться съ такимъ же довѣріемъ и съ такой же спокойной увѣренностью къ тѣмъ планамъ, которые императрица могла бы имѣть въ моментъ заключенія мира. Однимъ словомъ, это было бы оружіемъ противъ тѣхъ лицъ, кои старались бы уменьшить столь драгоцѣнное довѣріе, которое необходимо не только поддержать, но и упрочить.

«Воронцовъ присовокупилъ, что ея императорское величество питаетъ искреннюю дружбу къ австрійской императрицѣ, но что ей будетъ непріятно предпочтеніе, оказанное королемъ этому двору, если, по заключеніи мира, мы обратились бы къ посредничеству Вѣны, вмѣсто того чтобы вести переговоры непосредственно съ ея министерствомъ». [1])

Франція отвѣчала на это предложеніе неопредѣленными увѣреніями дружбы, но не постаралась удовлетворить любопытство царицы и успокоить ее насчетъ своихъ намѣреній. Постоянная въ своихъ привязанностяхъ и антипатіяхъ, Елисавета Петровна искренно желала доставить своимъ союзникамъ энергическую помощь, чтобы сокрушить силы Фридриха, но, приступая къ выполненію своихъ плановъ, она постоянно колебалась.

Въ 1758 г. первые пушечные выстрѣлы были сдѣланы русской арміей. Генералу Фермору, тотчасъ по назначеніи его главнокомандующимъ, было приказано выступить въ походъ и вторгнуться въ Пруссію.

---

[1]) Лопиталь, 14-го мая (н. ст.) 1758 г.

*

Въ началѣ января русское войско перешло Нѣманъ по льду, вступило безъ сопротивленія въ Кенигсбергъ, и заняло его безъ боя; три гусарскихъ полка, девять эскадроновъ драгунъ, 2.500 казаковъ и 4 полка пѣхотныхъ съ полевою артиллеріею расположились въ городѣ. [1]) Ферморъ занялъ Восточную Пруссію и былъ назначенъ ея генералъ-губернаторомъ [2]). Императрица Марія-Терезія въ знакъ своего благоволенія за этотъ успѣхъ пожаловала ему графское Римской имперіи достоинство [3]).

Чтобы проникнуть далѣе, въ центръ прусскихъ владѣній, русскому войску приходилось снова вступить на польскую территорію, овладѣть Торномъ и Помераніей. Русскіе подвигались впередъ медленно, небольшими переходами. Скудныя средства страны быстро истощились, съѣстные припасы приходилось доставлять изъ магазиновъ, расположенныхъ верстъ за 100, въ мѣстности уже пройденной войскомъ.

Была еще причина, замедлявшая военныя дѣйствія. Изо всѣхъ державъ, составившихъ коалицію противъ Фридриха, только одна Россія дѣйствовала въ то время наступательно, не получая поддержки со стороны союзниковъ. На противоположномъ концѣ театра военныхъ дѣйствій, французы переходили въ безпорядкѣ Рейнъ, будучи оттѣснены принцемъ Брауншвейгскимъ, и потерпѣли (14 (25) іюня) при Крефельдтѣ такое же пораженіе какъ при Росбахѣ. Что касается Австріи, то Фридрихъ имѣлъ смѣлость напасть на нее въ ея собственныхъ владѣніяхъ, въ Моравіи. Фельдмаршалъ Даунъ отстаивалъ съ великимъ трудомъ крѣпость Ольмюцъ и ожидалъ, чтобы русскіе, одержавъ побѣду, освободили его, но въ іюнѣ мѣсяцѣ русскіе были еще въ Познани, въ іюлѣ они достигли наконецъ Бранденбурга и расположились эшелонами на берегахъ Одера. Узнавъ о вторженіи русскихъ войскъ въ Бранденбургъ, Фридрихъ принужденъ былъ отсупить отъ Ольмюца и спѣшить на помощь Берлину, которому угрожали враги.

14-го (25) августа произошло сраженіе при Цорндорфѣ; послѣ долгой и упорной борьбы обѣ арміи ночевали на своихъ позиціяхъ. На слѣдующій день сраженіе возобновилось; лѣвое крыло пруссаковъ, выдержавшее въ теченіе нѣсколькихъ часовъ сильнѣйшій натискъ непріятеля, было спасено кавалеріей генерала Зейдлица; вечеромъ русскіе отступили въ полномъ порядкѣ за версту отъ поля сраженія, а на слѣдующій день въ обоихъ лагеряхъ были большія празднества и слышались орудійные залпы—и русскіе и пруссаки приписывали себѣ побѣду.

Въ результатѣ, военныя дѣйствія окончились до нѣкоторой степени даже къ выгодѣ Фридриха, но цѣлость его монархіи пострадала въ эту кампанію. Восточная Пруссія осталась въ рукахъ его враговъ; русскіе

---

[1]) Письмо Фермора къ графу Воронцову. Арх. кн. Воронцова, кн. 6, стр. 337

[2]) Манифестъ, состоявшійся въ январѣ 1758 г.

[3]) Вейдемейеръ, ч. II, стр. 14.

въ ней такъ прочно утвердились, что казалось, ихъ будетъ трудно выжить оттуда.

Изъ этой кампаніи, богатой безрезультатными сраженіями и безполезнымъ кровопролитіемъ, Франція, Австрія и Россія могли вывести заключеніе, что силы Фридриха нельзя сокрушить однимъ ударомъ. Чтобы побѣдить его, было недостаточно пройти вдоль и поперекъ его владѣнія или даже нанести ему неоднократно пораженіе. Для этого надобно было завоевать одну за другою отдѣльныя провинціи, составлявшія его королевство, занять его крѣпости, укрѣпиться на занятыхъ позиціяхъ, предупредить возможность перехода непріятеля въ наступленіе и съуживать мало-по-малу кругъ, въ которомъ прусская армія могла дѣйствовать, пополняя убыль, происходящую въ ея рядахъ. Быть можетъ эта задача была выполнима, но во всякомъ случаѣ это было дѣло не легкое; оно потребовало бы много времени и настойчивости, много денегъ и людей. Между тѣмъ изъ трехъ великихъ державъ, которыя дѣйствовали совмѣстно противъ Пруссіи, одна видимо уже была не въ состояніи продолжать борьбу; эта держава была Франція.—Продолжительная война съ Англіей и Германіей на морѣ и на сушѣ истощила ея силы; она жаждала заключить миръ съ Пруссіей.—Фридрихъ II также желалъ покоя; видя, что его армія таетъ, онъ предчувствовалъ что гибель близка. Марія-Терезія долго не соглашалась окончательно отказаться отъ Силезіи; наконецъ, побуждаемая настойчивыми требованіями Франціи, она согласилась начать переговоры съ королемъ прусскимъ. Въ безмолвномъ согласіи Саксоніи и Швеціи не могло быть сомнѣнія и оставалось только заручиться согласіемъ Россіи. Французскому правительству была извѣстна ненависть Елисаветы къ Фридриху, но оно знало также, что это чувство должно было уступить передъ ея болѣе христіанскимъ чувствомъ—отвращенія къ пролитію крови. Де-Берни разсчитывалъ также на содѣйствіе Воронцова, съ которымъ онъ уже велъ объ этомъ предметѣ переписку. Союзныя державы признали себя безсильными побѣдить геній одного человѣка.

Итакъ, осенью 1758 г. все предвѣщало мирное рѣшеніе вопроса, какъ вдругъ во Франціи произошла перемѣна министерства и ея иностранной политикой былъ призванъ руководить вмѣсто кардинала Берни графъ Шуазель-Стенвиль, горячій сторонникъ продолженія войны. Подъ его руководствомъ совершенно измѣнился характеръ французской политики.

В. В.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Письмо Ив. Мартынова — Д. П. Руничу.

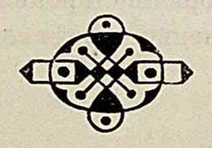
21-го января 1822 года.

По приказанію господина министра внесена будетъ въ ученый комитетъ на разсмотрѣніе моя программа о ежегодномъ изданіи достопамятныхъ событій въ нашемъ отечествѣ съ 1821 года, подъ заглавіемъ «Россійскій Временникъ».

Вчерашній день не успѣлъ я объясниться о семъ вашему превосходительству; но зная ваше ко мнѣ благорасположеніе, смѣю нынѣ покорнѣйше просить васъ, милостивый государь мой, принять въ дѣлѣ семъ участіе содѣйствіемъ вашимъ къ положенію скорѣйшаго рѣшенія, по обстоятельствамъ времени, какъ сами изволите усмотрѣть изъ программы, необходимаго. Льщусь надеждою, что изволите съ почтенными сочленами вашими подкрѣпить меня и пособіемъ, назначивъ сколько-нибудь экземпляровъ для училищныхъ библіотекъ. Я говорилъ о семъ дѣлѣ съ Михаиломъ Леонтьевичемъ (Магницкимъ), который, одобряя мое намѣреніе, не отрекается, или лучше, предлагаетъ важное вспоможеніе, по сообщеніи ему программы.

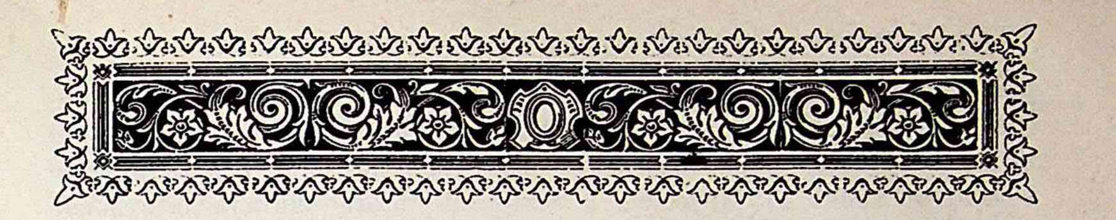
Въ случаѣ одобренія моего предпріятія, покорнѣйше прошу васъ какъ можно больше дѣлать [1]) и доставлять мнѣ достопамятныхъ дѣлъ, чтобы изданіе мое не было пусто и для читателей было бы занимательно.

Съ душевнымъ почтеніемъ и преданностью имѣю честь быть и проч.

---

[1]) Такъ въ оригиналѣ.

РОССІЯ и ФРАНЦІЯ

въ

первой половинѣ XVIII вѣка.

VIII [1]).

Желаніе герцога Шуазеля сблизиться съ Россіею.—Приготовленіе къ военнымъ дѣйствіямъ.—Проектъ десанта въ Англію.—Договоръ о нейтралитетѣ Балтійскаго моря.—Необходимость мира для Франціи.—Значеніе Россіи въ мирныхъ переговорахъ.—Новыя инструкціи Лопиталю.—Кунерсдорфское сраженіе и его послѣдствія.—Притязаніе Россіи на часть владѣній Пруссіи.—Неудовольствіе Людовика XV.—Щекотливое положеніе представителя Франціи въ Петербургѣ.—Отозваніе Лопиталя и назначеніе посланникомъ при петербургскомъ дворѣ де-Бретейля.—Секретныя инструкціи, ему данныя.—Людовикъ XV жертвуетъ интересами Франціи въ пользу Польши.—Его старанія замедлить военныя дѣйствія союзниковъ.

По мнѣнію Шуазеля Франціи, несмотря на понесенныя ею неудачи, не слѣдовало заключать мира съ Англіей до тѣхъ поръ, пока въ ея распоряженіи будутъ еще солдаты, пушки и суда; онъ считалъ необходимымъ продолжать войну съ Пруссіей и, сблизившись съ обоими императорскими дворами, дѣйствовать съ ними согласно и единодушно на дипломатическомъ и военномъ поприщахъ.

Убѣжденный сторонникъ союза съ Австріей, за который онъ ратовалъ еще въ 1756 году, герцогъ Шуазель повиновался только своимъ всегдашнимъ симпатіямъ, доказывая необходимость сближенія съ Ма-

---

[1]) См. „Русск. Стар.“, декабрь, 1897 г.

ріей-Терезіей. Что касается Россіи, то хотя онъ не любилъ ее и опасался ея честолюбивыхъ плановъ и слишкомъ быстрыхъ успѣховъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ понималъ, какую важную роль могло играть русское войско въ войнѣ съ Пруссіей, и вслѣдствіе этого считалъ безусловно необходимымъ обезпечить своему отечеству содѣйствіе и помощь Россіи.

Шуазель былъ крайне пораженъ тѣмъ, что русское и французское правительства относились другъ къ другу крайне недовѣрчиво въ то время, когда ихъ монархи поддерживали дружескія и пріязненныя отношенія. Желая выяснить такое непонятное противорѣчіе, герцогъ рѣшилъ откровенно объясниться съ русскимъ министерствомъ и указать на необходимость сплотить военныя силы Россіи и Франціи, чтобы одержать побѣду надъ общимъ врагомъ.

«Вы можете сказать графу Воронцову, писалъ Шуазель Лопиталю, что если король желаетъ мира ради блага своего народа и остальной Европы, то не иначе, какъ на условіяхъ, почетныхъ для его величества и для его союзниковъ; что въ настоящее время онъ не только не думаетъ ни о какихъ переговорахъ, но, напротивъ, дѣлаются приготовленія для того, чтобы энергично продолжать войну и вынудить непріятеля заключить миръ на справедливыхъ и законныхъ основаніяхъ. Желая дать ея величеству неоспоримыя доказательства своихъ чувствъ и устранить въ этомъ отношеніи всякій поводъ къ недовѣрію, его величество готовъ заключить съ обѣими императрицами или съ одной русской такой договоръ, какой будетъ признанъ необходимымъ для того, чтобы скрѣпить существующій уже союзъ; что король готовъ представить новыя доказательства тому, что не приметъ никакихъ предложеній со стороны непріятеля и самъ таковыхъ не сдѣлаетъ безъ вѣдома своихъ союзниковъ; что союзникамъ будетъ сообщено объ этихъ предложеніяхъ съ тѣмъ довѣріемъ, какое должно существовать между державами, связанными дружбою и общностью интересовъ» [1]).

Въ тотъ моментъ, когда Шуазель писалъ эти строки, Людовикъ XV и Марія-Терезія только-что подписали (30-го (19-го) декабря 1758 г.) новыя условія, коими подтверждались всѣ прежніе договоры и были точнѣе опредѣлены взаимныя обязательства обоихъ дворовъ на время войны, а равно и размѣръ субсидій. Франція обязалась по этому договору содержать въ Германіи стотысячную армію. Людовикъ XV предложилъ Елисаветѣ Петровнѣ присоединиться къ нему, на что она изъявила согласіе [2]).

Шуазель ничего не зналъ о секретной корреспонденціи съ Россіей, но по нѣкоторымъ признакамъ подозрѣвалъ объ ея существованіи.

---

[1]) Шуазель—Лопиталю, 9-го января (нов. ст.) 1759 г.

[2]) Мартенсъ, I, 259.

Пораженный настойчивостью и смѣлостью, съ какою агенты французскаго правительства дѣйствовали въ Польшѣ на перекоръ приказаніямъ министерства, онъ заподозрилъ, что они повинуются какимъ-либо тайнымъ инструкціямъ, и рѣшилъ положить этому предѣлъ. Въ Варшаву, по его инициативѣ, былъ назначенъ новый посланникъ, маркизъ де-Польми (Paulmy), человѣкъ не особенно даровитый, лѣнивый и готовый удовлетвориться пассивною ролью.

Въ инструкціяхъ, полученныхъ отъ Шуазеля, ему предписывалось прекратить всякія сношенія съ патріотическою партіею, не выслушивать болѣе жалобъ поляковъ и не поощрять польское дворянство къ противодѣйствію правительству. Эти категорическія и весьма точныя приказанія заставили агентовъ Людовика XV дѣйствовать сдержаннѣе и осторожнѣе [1]).

Весною 1759 года русскіе и французы перешли одновременно въ наступленіе, между тѣмъ какъ австрійцы ограничились защитою границъ Венгріи. Одержавъ надъ пруссаками блистательную побѣду при Бергенѣ, французы двинулись къ Везеру. Въ этотъ моментъ русскіе выступили изъ Польши къ Одеру, подъ командою графа Салтыкова, замѣнившаго малоспособнаго Фермора, который остался, однако, при арміи [2]).

Французскому штабъ-офицеру маркизу Монталамберу (de-Montalembert) было приказано находиться при главной квартирѣ русской арміи, наблюдать за военными дѣйствіями и доносить о нихъ непосредственно въ Петербугъ и Версаль.

Шуазель разсчитывалъ воспользоваться русскими войсками не только противъ короля прусскаго, но и противъ Англіи. Видя невозможность побѣдить англичанъ на морѣ, онъ подготовлялъ десантъ въ Великобританію; въ Тулонѣ и Брестѣ снаряжались эскадры, которыя должны были соединиться въ Ламаншѣ и эскортировать флотилію плоскодонныхъ судовъ, на которыхъ предполагали высадить на англійскій берегъ армію

---

[1]) Терсье жаловался по этому поводу де-Брольи въ письмѣ отъ 15-го (4-го) іюля 1759 г. Correspondance secrète.

[2]) 8-го (19-го) мая состоялся Фермору рескриптъ: «Заблагоразсудя нашего генерала графа Салтыкова (Петра Семеновича) отправить къ находящейся за-границею нынѣ подъ командою вашею нашей арміи, вамъ чрезъ сіе о томъ дать знать восхотѣли съ тѣмъ, что какъ помянутый графъ Салтыковъ предъ вами старшинство имѣетъ, то натурально ему и главную команду надъ всею арміею принять надлежитъ, и потому вы имѣете оную ему сдать. Но притомъ мы твердо увѣрены, что вы тѣмъ не меньше службу вашу продолжать, особливо же помянутому генералу графу Салтыкову всѣ нужныя объясненія подать и въ прочемъ во всемъ ему дѣломъ и совѣтомъ вспомоществовать крайне стараться будете». Соловьевъ, т. XXIV, стр. 1091.

принца Субиза. Одновременно съ нимъ долженъ былъ отплыть въ Шотландію герцогъ д'Эгильонъ (d'Aiguillon) съ 1.200 человѣкъ. Шуазель предложилъ графу Воронцову отдѣлить отъ арміи Салтыкова небольшой отрядъ и двинуть его внизъ по Одеру къ Штеттину. Овладѣвъ этимъ городомъ, русскіе должны были сѣсть на шведскія суда, которыя доставили бы ихъ въ Шотландію [1]).

Согласившись на это, графъ Воронцовъ медлилъ выполненіемъ предложеннаго Шуазелемъ плана. Осада Штеттина оказалась дѣломъ не легкимъ, и начальство русскихъ войскъ не рѣшалось приступить къ городу иначе, какъ овладѣвъ предварительно среднимъ теченіемъ Одера и соединившись съ австрійской арміей, которая приближалась къ Силезіи.

Находясь въ торговой зависимости отъ Англіи, Россія не желала вступать съ нею въ открытую борьбу, точно такъ же, какъ и Швеція. Поэтому обѣ державы ограничились заключеніемъ оборонительнаго союза, который, со-временемъ, разумѣется, могъ повести къ болѣе энергичному ихъ участію въ военныхъ дѣйствіяхъ. По конвенціи, заключенной Россіей и Швеціей 8-го марта (нов. ст.) 1759 года, къ которой было предложено присоединиться Франціи и Даніи, воспрещался доступъ въ Балтійское море всѣмъ военнымъ иностраннымъ судамъ. Этимъ актомъ была гарантирована свобода торговли во всѣхъ портахъ, не подвергшихся блокадѣ, и договаривавшіяся стороны отказались отъ права вооружать крейсера [2]).

Между тѣмъ, англичане рѣшили предупредить готовившееся на нихъ нападеніе. Лѣтомъ 1759 года они подошли къ Гавру, бомбардировали его и сожгли часть судовъ, на которыхъ было предположено отправить десантъ; одновременно они уничтожили средиземную эскадру, выходившую изъ Гибралтарскаго залива.

Шуазель, сознавая всю серьезность положенія, рѣшился начать, при первомъ удобномъ случаѣ, переговоры о мирѣ. Видя, что всѣ его старанія утвердить могущество Франціи силою оружія не увѣнчались желаемымъ успѣхомъ, онъ рѣшилъ вернуться къ миролюбивой политикѣ кардинала Берни и начать переговоры о мирѣ совмѣстно съ союзниками Франціи и даже при ихъ посредничествѣ, будучи увѣренъ, что содѣйствіе Россіи будетъ столь же полезно при дипломатическихъ переговорахъ, какъ и на полѣ битвы.

Несмотря на перемѣну, происшедшую въ политикѣ Елисаветы Петровны, и на договоръ, подписанный ею относительно нейтралитета Балтійскаго моря, Англія не хотѣла допустить явнаго разрыва съ импера-

---

[1]) Шуазель—Лопиталю, 9-го января (нов. ст.) 1759 г.

[2]) Текстъ этого договора препровожденъ Лопиталемъ во Францію при депешѣ отъ 1-го (12-го) марта 1759 г.

трицей, находя нужнымъ, хотя для вида, сохранить съ нею дружественныя отношенія. Англійскій посланникъ не былъ отозванъ изъ Петербурга и всѣмъ было извѣстно, что лондонскій кабинетъ имѣетъ постоянныя сношенія съ нѣкоторыми вліятельными лицами при петербургскомъ дворѣ, въ особенности съ великой княгиней. При этихъ условіяхъ Россія, въ качествѣ союзницы Франціи и вмѣстѣ съ тѣмъ державы дружественной Англіи, казалась Шуазелю вполнѣ подходящей для роли посредницы при возстановленіи мира.

Незадолго передъ тѣмъ, канцлеръ Воронцовъ, въ частной бесѣдѣ съ Лопиталемъ, самъ выразилъ желаніе, чтобы Россіи была предоставлена эта роль, и Шуазель поспѣшилъ этимъ воспользоваться, препроводивъ Лопиталю, 8-го іюля (нов. ст.) 1759 года, обстоятельную инструкцію, которой онъ долженъ былъ впредь руководствоваться.

Посланнику было приказано воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы намекнуть графу Воронцову, какъ бы отъ себя лично, что Россія снискала бы себѣ славу и право на признательность Европы, принявъ роль посредницы между Австріей и Пруссіей, которыя уже были истощены борьбою. Герцогъ Шуазель считалъ этотъ моментъ удобнымъ, чтобы прибѣгнуть къ услугамъ Россіи и покончить счеты съ Англіей.

Лопиталь имѣлъ обыкновеніе ничего не дѣлать не посовѣтовавшись со своимъ довѣреннымъ секретаремъ, коимъ въ это время былъ не кто иной, какъ молодой д'Эонъ. Онъ былъ въ апогеѣ своего счастья. Ему удалось блестящимъ образомъ разрѣшить трудную задачу: пріобрѣсти довѣріе и расположеніе посланника, будучи въ то же время повѣреннымъ секретной корреспонденціи монарховъ, которую онъ отправлялъ по назначенію безъ вѣдома канцлера. Добродушный Лопиталь души не чаялъ въ своемъ секретарѣ и обѣщалъ ему свое покровительство, въ которомъ тотъ вовсе не нуждался. Въ то же время д'Эонъ такъ ловко умѣлъ снискать благоволеніе самой императрицы и канцлера, что они даже предложили ему поступить на русскую службу, но онъ отвѣчалъ на это предложеніе вѣжливымъ отказомъ, за что его похвалили въ Версалѣ.

Изъ частныхъ писемъ Терсье ему были извѣстны сокровенныя мысли французскаго короля; онъ подмѣтилъ, что Людовикъ XV не одобрялъ плановъ Шуазеля относительно посредничества Россіи. Король предпочиталъ начать переговоры съ Англіей самъ, боясь доставить Россіи дипломатическій успѣхъ и тѣмъ увеличить ея вліяніе. Зная мысли своего монарха, д'Эонъ посовѣтовалъ Лопиталю оставить безъ послѣдствій инструкцію 8-го іюля (нов. ст.). Посланникъ послѣдовалъ его совѣту.

Удивленный, мало того, возмущенный бездѣйствіемъ Лопиталя, Шуазель предложилъ ему уступить свое мѣсто другому, болѣе ловкому и

энергичному лицу, и въ случаѣ добровольнаго выхода въ отставку, обѣщалъ выхлопотать ему значительную награду и даже герцогскій титулъ, коего онъ давно добивался [1]).

Курьеръ, отправленный Шуазелемъ къ Лопиталю съ этимъ предложеніемъ, встрѣтился по пути въ Петербургъ съ курьерами, везшими изъ Германіи въ Россію извѣстіе, которое должно было перевернуть всѣ планы союзниковъ.

Въ концѣ іюня русская армія сосредоточилась близъ Познани, откуда она поспѣшно двинулась къ Франкфурту на Одерѣ. Корпусъ прусскихъ войскъ, пытавшійся преградить ей путь, былъ разбитъ на-голову при Цюллихау (Zullichau) 23-го (12-го) іюля. Франкфуртъ открылъ ворота побѣдителю, и русскіе соединились съ Лаудономъ, шедшимъ съ австрійскими войсками имъ навстрѣчу изъ Силезіи. Узнавъ объ этомъ, Фридрихъ оставилъ Саксонію и поспѣшилъ на выручку своихъ наслѣдственныхъ владѣній. Рѣшивъ дать сраженіе, онъ надѣялся одержать блистательную побѣду и уничтожить русское войско [2]).

2-го (13-го) августа непріятели встрѣтились при деревнѣ Кунерсдорфѣ, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Франкфурта; у прусскаго короля было 48.000 человѣкъ войска, у непріятеля 80.000. Послѣ одиннадцатичасоваго упорнаго боя, силы пруссаковъ начали слабѣть; въ это время на нихъ обрушилась русская кавалерія, обратившая ихъ отступленіе въ настоящее бѣгство; сраженіе окончилось «совершеннымъ разсѣяніемъ непріятеля [3]).

Непобѣдимая армія великаго Фридриха была разсѣяна. Пруссаки потеряли въ этомъ сраженіи болѣе 20.000 убитыми и ранеными, число плѣнныхъ было огромно. Салтыковъ отослалъ въ Петербургъ 28 знаменъ и 172 пушки.

Извѣстіе о «преславной» Кунерсдорфской побѣдѣ было встрѣчено въ Петербургѣ съ восторгомъ. Елисавета, получивъ это извѣстіе, поспѣшила изъ Петергофа въ Зимній дворецъ, гдѣ былъ отслуженъ молебенъ, при пальбѣ изъ всѣхъ пушекъ вокругъ крѣпости и Адмиралтейства. Салтыковъ былъ сдѣланъ фельдмаршаломъ; Марія-Терезія прислала ему брильянтовый перстень, табакерку, осыпанную драгоцѣнными камнями и 5.000 червонныхъ; не менѣе щедро были вознаграждены и прочіе генералы.

Фридрихъ, который намѣревался уничтожить русское войско и, въ минуту успѣха на лѣвомъ крылѣ, уже послалъ въ Берлинъ гонца съ

---

[1]) Частное письмо герцога Шуазеля—Лопиталю, отъ 2-го октября (нов. ст.) 1759 г.

[2]) Соловьевъ, т. XXIV, стр. 1097.

[3]) Тамъ же, стр. 1100.

вѣстью о побѣдѣ, — едва спасся отъ смерти и плѣна и бѣжалъ съ поля сраженія съ нѣсколькими гусарами.

«Жестокое несчастье, писалъ онъ нѣсколько дней спустя гр. Финкенштейну, я его не переживу. Послѣдствія битвы будутъ хуже, чѣмъ сама битва; у меня нѣтъ больше никакихъ средствъ и, сказать правду, я считаю все потеряннымъ. Я не переживу погибели моего отечества» [1]).

Дѣйствительно, гибель Фридриха была бы неминуема, если бы Салтыковъ двинулся на Берлинъ и извлекъ изъ своей побѣды всевозможную выгоду, но русскій генералъ упустилъ изъ рукъ всѣ случаи воспользоваться этой побѣдой. Видя, что его войско ослабѣло вслѣдствіе понесеннаго имъ значительнаго урона, онъ удовольствовался тѣмъ, что прошелъ черезъ Силезію и опустошилъ ее. Не располагая устроиться тамъ на зимнія квартиры онъ перешелъ Одеръ и донесъ въ Петербургъ о своемъ намѣреніи отступить вскорѣ къ Вислѣ.

Кунерсдорфскимъ сраженіемъ былъ нанесенъ могуществу Фридриха такой ударъ, отъ котораго ему не легко было оправиться; у него не было достаточно средствъ, чтобы пополнить убыль въ рядахъ арміи, и всѣ были увѣрены въ томъ, что слѣдующая кампанія довершитъ его гибель.

Оказавъ столь важную услугу общему дѣлу, Россія этимъ пріобрѣла право голоса въ совѣтѣ союзныхъ державъ. До тѣхъ поръ она снаряжала арміи, давала сраженія, расходовала своихъ солдатъ и свои средства, какъ будто не желая извлечь никакихъ существенныхъ выгодъ изъ своихъ военныхъ успѣховъ; казалось, будто единственной цѣлью Россіи при этомъ было только строгое соблюденіе принятыхъ ею на себя обязательствъ, но на самомъ дѣлѣ она только выжидала случая предъявить свои требованія. Когда Австрія пожелала присоединить къ себѣ Силезію, а Франція часть Бельгіи, то Россія, со своей стороны, заявила претензію на территоріальное вознагражденіе. Къ тому же, вознагражденіе, которое она желала получить, было у нее, такъ сказать, въ рукахъ; ея войска уже два года занимали Восточную Пруссію, — длинную полосу земли по берегу Балтійскаго моря отъ Мемеля до устья Вислы. Вслѣдъ за Кунерсдорфской побѣдой, русское министерство иностранныхъ дѣлъ препроводило версальскому и вѣнскому кабинетамъ (15-го (26-го) октября) записку, подтвержденную нотою отъ 1-го декабря н. ст., въ которой императрица заявляла о своемъ намѣреніи отдать Восточную Пруссію Польшѣ въ замѣнъ нѣкоторыхъ земель въ Украйнѣ.

Требованіе русскаго правительства привело версальскій кабинетъ въ ужасъ. Недовѣріе, съ коимъ французское правительство постоянно относилось къ Россіи, усилилось послѣ ея побѣдъ чувствомъ зависти,

---

[1]) Соловьевъ, т. XXIV, 1100.

хотя Людовикъ XV до послѣдняго времени утѣшалъ себя надеждою, что русскія войска возвратятся на родину съ пустыми руками, ничего не получивъ за свои услуги; тѣмъ болѣе удивило короля и показалось ему чудовищнымъ требованіе русскаго правительства относительно территоріальнаго вознагражденія.

Лица, посвященныя въ планы тайной дипломатіи, де-Брольи и Терсье указывали на опасность, грозившую Польшѣ отъ честолюбивыхъ поползновеній преемниковъ Петра Великаго, и пугали Людовика XV, утверждая, что равновѣсіе сѣверныхъ державъ потрясено до основанія. Въ это время къ версальскому двору обратился съ жалобою на Россію копенгагенскій дворъ. Данія, испуганная притязаніями цесаревича Петра Ѳедоровича на Шлезвигъ, смотрѣла съ недовѣріемъ, что русскія войска, овладѣвъ Восточной Пруссіей подошли къ ея границамъ. Тревога столь давняго и вѣрнаго союзника еще болѣе увеличила волненіе короля. Завоевательныя стремленія Россіи обращали на себя главное его вниманіе.

Герцогъ Шуазель видя, что Людовикъ XV ни подъ какимъ видомъ не согласится на требованія, изложенныя въ нотѣ гр. Воронцова, тѣмъ не менѣе не отказывался отъ мысли начать переговоры при посредничествѣ Россіи. Въ виду этого, роль французской дипломатіи въ С.-Петербургѣ становилась чрезвычайно затруднительной. Франціи приходилось просить у Россіи услуги, и въ то же время отказывать ей въ таковой со своей стороны. Неспособность Лопиталя въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ была вполнѣ очевидна.

«Не скрою отъ васъ, писалъ Шуазель своему другу, гр. Бернсдорфу, что, не отказывая Лопиталю въ честности и усердіи, я желалъ бы видѣть въ немъ побольше способностей» [1]).

«Слѣдуетъ безъ промедленія дать г. Лопиталю дозволеніе вернуться во Францію, писалъ съ своей стороны гр. Брольи, если онъ этого пожелаетъ; было бы недурно устроить дѣло такъ, чтобы онъ самъ этого пожелалъ».

Что касается Людовика XV, то онъ былъ пораженъ расточительностью маркиза и находилъ, что онъ становился «очень дорогъ въ Петербургѣ». Кромѣ того, король находилъ, что онъ не умѣетъ вести дѣла и очень довѣрчивъ къ русскому канцлеру Воронцову:

«Ему велятъ, писалъ король, уяснить какое-нибудь дѣло, а онъ прежде всего открывается Воронцову» [2]).

На бѣду, Лопиталь вовсе не былъ расположенъ оставить свой постъ и выражалъ желаніе провести еще одинъ годъ въ Россіи. Отозваніемъ

---

[1]) Шуазель—Бернсдорфу 29-го (18-го) іюля 1759 г.

[2]) Соловьевъ, т. XXIV, 1160.

его, Шуазель боялся обидѣть стараго и преданнаго слугу Франціи и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлать непріятное императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, которая оказывала большое вниманіе Лопиталю и относилась къ нему весьма благосклонно. Въ такомъ затруднительномъ положеніи Шуазель рѣшился, оставивъ маркиза въ званіи посланника при русскомъ дворѣ, дать ему молодаго и дѣятельнаго помощника, который могъ бы впослѣдствіи замѣнить его и который получалъ бы приказанія непосредственно изъ министерства и приводилъ бы ихъ въ исполненіе помимо своего патрона.

По мнѣнію Шуазеля, одною изъ ошибокъ Лопиталя была та, что онъ совершенно не заботился заслужить расположенія великой княгини Екатерины Алексѣевны. Правда, что она относилась къ Франціи не только холодно, но прямо враждебно, но Шуазель понималъ истинную причину этого чувства: Екатерина не могла простить отозванія Понятовскаго.

— Только одна Франція могла бы вернуть его, сказалъ ей кто-то.

— Пусть она это сдѣлаетъ, живо возразила Екатерина—и я буду предана ей всецѣло.

Эти слова были сообщены Шуазелю. Принявъ ихъ къ свѣдѣнію, герцогъ рѣшилъ, что лицо, которое будетъ послано въ Петербургѣ въ качествѣ помощника Лопиталю, должно первымъ дѣломъ заявить великой княгинѣ, что французскій король не только не будетъ препятствовать возвращенію Понятовскаго, но даже готовъ хлопотать объ этомъ въ Варшавѣ.

Выборъ герцога палъ на барона де-Бретейля, 27-лѣтняго, молодаго человѣка, статнаго, съ изящными манерами, красивой наружностью и огромнымъ честолюбіемъ.

Довѣренныя лица Людовика XV, посвященныя въ тайну его секретной корреспонденціи, были встревожены назначеніемъ новаго посланника; они опасались, что, будучи назначенъ герцогомъ Шуазелемъ, онъ будетъ послушнымъ орудіемъ въ его рукахъ и явится помѣхою секретной политики Людовика XV; они рѣшили предупредить эту опасность, и съ этой цѣлью внушили королю мысль допустить де-Бретейля до секретной съ нимъ корреспонденціи.

«Основываясь на лестныхъ отзывахъ, дошедшихъ до меня, писалъ король молодому дипломату 15-го (26-го) февраля 1760 г., я рѣшилъ назначить васъ своимъ полномочнымъ посланникомъ въ Россію и допустить васъ къ участію въ секретной перепискѣ, въ которую я никогда не посвѣщалъ моего министра иностранныхъ дѣлъ—гр. де-Брольи, который передастъ вамъ настоящее письмо, и г. Терсье одни руководятъ

этой перепиской, и вы должны вѣрить тому, что они вамъ скажутъ отъ моего имени» [1]).

При этомъ де-Бретейлю было приказано подъ угрозою самаго строгаго наказанія, хранить эту переписку втайнѣ отъ всѣхъ, исключая де-Брольи и Терсье, которымъ онъ долженъ былъ сообщить всѣ письменныя и устныя инструкціи, какія онъ получилъ отъ министра.

Такимъ образомъ, человѣкъ, котораго Шуазель намѣтилъ для выполненія въ Россіи своихъ личныхъ плановъ, превратился совершенно неожиданно въ орудіе его враговъ.

Передъ отъѣздомъ де-Бретейля, Шуазель имѣлъ съ нимъ продолжительное совѣщаніе, обстоятельно изложилъ ему свои взгляды и далъ письменныя инструкціи, въ видѣ объемистой записки, въ которой были высказаны общія соображенія политическаго характера. Эти соображенія сводились, въ нѣсколькихъ словахъ, къ слѣдующему:

Россія — держава честолюбивая, грозная, настойчивая; черезчуръ значительное ея увеличеніе было бы опасно для Франціи, но такъ какъ въ настоящій моментъ она ея союзница, то ею слѣдуетъ воспользоваться съ наибольшею выгодою, чтобы доставить Франціи почетный миръ и помочь ей въ военныхъ дѣйствіяхъ.

О Польшѣ въ инструкціи не говорилось ни слова. Особенно слѣдуетъ отмѣтить два пункта инструкціи: въ первомъ предписывалось де-Бретейлю объявить Екатеринѣ, что Франція хлопочетъ о возвращеніи Понятовскаго, а во второмъ говорилось о Восточной Пруссіи. Что касается этаго щекотливаго вопроса, то Шуазель, «самый изобрѣтательный человѣкъ въ мірѣ», какъ охарактеризовалъ его одинъ изъ его друзей, предоставилъ рѣшить его Россіи совмѣстно съ Австріей. Такъ какъ Франція играла въ войнѣ съ Пруссіей второстепенную роль, а главная принадлежала Австріи, то Елисаветѣ Петровнѣ предоставлялось опредѣлить вмѣстѣ съ этой державою сущность и размѣръ территоріальнаго вознагражденія, на которое она претендовала [2]).

Записка Шуазеля, равно и все сказанное имъ де-Бретейлю словесно, было передано отъ слова до слова гр. де-Брольи и Терсье, которые въ свою очередь и сочинили отъ имени короля пространную инструкцію, шедшую въ разрѣзъ со всѣми предписаніями министра и въ которой де-Бретейлю повелѣвалось дѣйствовать во всемъ согласно

---

[1]) Людовигъ XV—барону де-Бретейлю, 27-го (16-го) февраля 1760 г. Напечатано у Flassan'a, т. VI стр. 289. Флассану были сообщены бумаги барона де-Бретейля, вслѣдствіе чего онъ имѣлъ возможность помѣстить въ своемъ сочиненіи нѣкоторые документы изъ секретной корреспонденціи, съ коихъ де-Брейтелемъ были сняты копіи.

[2]) Официальная инструкція де-Бретейлю 5 (16) марта 1760 г. Flassan, VI, 193.

съ ихъ указаніями. Этотъ документъ, [1]) составленный де-Брольи, редактированный Терсье и подписанный королемъ, имѣетъ большую важность для исторіи секретной дипломатіи, такъ какъ въ немъ подробно изложены ея цѣли и средства, коими она пользовалась. Эта инструкція свидѣтельствуетъ о томъ, какъ легко Людовикъ XV жертвовалъ ближайшими интересами своего королевства, необходимостью относиться съ должнымъ вниманіемъ къ могущественному союзнику и подавить въ самомъ зародышѣ грозное могущество Пруссіи—жертвовалъ своему желанію поддерживать анархію въ Польшѣ и пріобрѣсти первенствующее вліяніе на эту республику, что представляло для него, замѣтимъ кстати, весьма гадательныя выгоды въ будущемъ.

«Секретные переговоры не касаются, на первый взглядъ, Россіи, говорилось между прочимъ въ королевской инструкціи, такъ какъ они относятся непосредственно до поляковъ.—Но вліяніе, которое петербургскій дворъ можетъ и долженъ имѣть въ Польшѣ, обязываетъ королевскаго посланника при русскомъ дворѣ слѣдить за этими переговорами съ такимъ же вниманіемъ, съ какимъ слѣдятъ за ними лица, коихъ его величество удостоилъ своихъ приказаній въ Польшѣ. Защищать конституцію Польской республики, оберегать ее отъ посягательствъ сосѣднихъ державъ, предупреждать внутреннія смуты при избраніи королей, наблюдать затѣмъ, чтобы въ случаѣ этого событія республика избрала монархомъ человѣка пріятнаго его величеству и не допустила противную партію одержать верхъ — таковы главные пункты, которые имѣетъ въ виду секретная дипломатія».

Далѣе, въ инструкціи излагался историческій очеркъ отношеній Франціи къ Польшѣ, современное положеніе этого государства, характеристика партій, оспаривавшихъ въ немъ власть, и указывалось на то обстоятельство, что старая французская партія была готова сплотиться по призыву агентовъ французскаго правительства и бороться противъ вліянія русской партіи и Чарторыйскихъ.—Наконецъ, въ виду возможной кончины польскаго короля, въ запискѣ настаивали на необходимости подготовиться къ этому событію, чтобы не быть застигнутымъ врасплохъ. Изъ многочисленныхъ кандидатовъ, которые несомнѣнно стали бы добиваться польскаго престола, Франція была намѣрена поддерживать саксонскаго принца, третьяго сына саксонскаго короля. Всѣ старанія французской дипломатіи должны были клониться къ тому, чтобы подготовить избраніе этого принца.

По мнѣнію короля и его тайныхъ совѣтниковъ, союзъ съ Елисаветой Петровной былъ «наилучшимъ средствомъ для того, чтобы дѣйствовать противъ Россіи, такъ какъ онъ давалъ возможность слѣдить при

[1]) Офиціальная инструкція, данная бар. де-Бретейлю, 5-го (16-го) марта 1760 г.

русскомъ дворѣ за интересами Польши и, воспользовавшись союзомъ съ Россіей, доставить выгоды республикѣ и предотвратить все то, что могло бы повредить ей какъ въ настоящемъ такъ и въ будущемъ».

Людовикъ XV сознается при этомъ чистосердечно, что у него не было иной цѣли, когда онъ согласился вести личную переписку съ Елисаветой. Де-Бретейлю предписывалось руководствоваться изложенными принципами, не упуская случая внушить ихъ и довѣреннымъ лицамъ императрицы, дѣйствуя на нихъ или силою убѣжденія или подкупомъ; въ особенности ему рекомендовалось снискать довѣріе гр. Воронцова, при чемъ была сдѣлана странная оцѣнка характера и взглядовъ этого государственнаго человѣка.

«Безъ сомнѣнія, говорилось въ запискѣ, онъ относится сочувственно къ Франціи, но не слѣдуетъ упускать изъ вида, что этотъ министръ преданъ, какъ и слѣдуетъ быть, тому, что онъ считаетъ соотвѣствующимъ интересамъ его монархини и отечества, поэтому неудивительно, если онъ будетъ стремиться исключительно къ усиленію могущества Россіи.

«Чрезвычайно важно помѣшать этому усиленію. Послѣднія побѣды русскаго войска были одержаны надъ врагомъ Франціи, но онѣ увеличили надменность и притязанія петербургскаго кабинета; поэтому весьма важно, чтобы онѣ болѣе не повторялись».

Какъ ни странно, но должно сказать, что сокровеннымъ желаніемъ Людовика XV было, чтобы его союзники бездѣйствовали. И онъ готовъ былъ скорѣе помириться съ тѣмъ, чтобы Пруссія сохранила свое значеніе, чѣмъ была бы уничтожена Россіею. «Изъ всего вышесказаннаго слѣдуетъ, говорилось взаключеніе, что было бы весьма прискорбно, если бы Англія, упрочивъ свое вліяніе при рускомъ дворѣ, отвлекла его отъ союза съ Франціей, на что барону де-Бретейлю слѣдуетъ обратить особенное вниманіе; точно также надобно опасаться послѣдствій черезчуръ большаго вліянія или слишкомъ большихъ успѣховъ Россіи въ эту войну. Чѣмъ больше русскіе будутъ считать, что они были и могутъ быть полезны, тѣмъ болѣе они преувеличатъ свои заслуги и тѣмъ болѣе возрастутъ ихъ требованія. Хотя принципъ всякаго союза заставляетъ желать, чтобы союзники дѣйствовали съ одинаковой энергіей, но данный случай представляется совершенно особеннымъ.—Бар. де-Бретейль не долженъ черезчуръ энергично побуждать русскихъ къ дѣйствію, не слишкомъ сдерживать ихъ; онъ долженъ, смотря по обстоятельствамъ, требовать отъ нихъ бо́льшей или меньшей дѣятельности и не настаивать на томъ, что они откажутся исполнить, отговариваясь невозможностью. Достаточно, если они, въ эту кампанію, избѣгнутъ пораженія. Если королевское войско одержитъ, какъ можно ожидать, верхъ надъ врагами, то вліяніе Франціи при подписаніи мира

будетъ значительнѣе. Въ такомъ случаѣ русскіе не будутъ имѣть возможности сказать, что война окончилась благодаря имъ; въ ихъ бездѣйствіи можно будетъ почерпнуть доводъ противъ ихъ хвастливости; это поубавитъ спѣсь, съ которою они могли бы настаивать на своихъ требованіяхъ, и миръ можно будетъ заключить на менѣе стѣснительныхъ и болѣе выгодныхъ условіяхъ.

«Чтобы не быть поставленнымъ въ затруднительное положеніе противорѣчивыми приказаніями, г. баронъ де-Бретейль долженъ стараться получить изъ министерства приказанія, согласныя съ настоящей инструкціей. Съ этой цѣлью ему надлежитъ составлять свои донесенія въ такомъ духѣ, чтобы министерство поняло, какъ важно предупредить слишкомъ большое усиленіе Россіи; онъ долженъ указать на опасность, какая можетъ отъ этого воспослѣдовать, и насколько важно, чтобы Россія удовлетворилась прежними границами; ему слѣдуетъ также указать на опасность, угрожающую свободѣ поляковъ, выяснить, что для его величества чрезвычайно важно сохранить въ этой республикѣ сильную партію, а это можетъ быть достигнуто не иначе, какъ если Франція будетъ открыто интересоваться всѣмъ до Польши касающимся, т. е. если она будетъ до нѣкоторой степени ея адвокатомъ при петербургскомъ дворѣ, дѣйствуя однако столь осторожно, чтобы въ этомъ могли видѣть только заботы о настоящемъ, и отнюдь не заподозрили, что подъ этимъ скрываются какіе либо виды относительно будущаго.

«Такъ какъ цѣль настоящей инструкціи ограничивается заботами объ интересахъ Польши, то слѣдуетъ вывѣдать намѣренія Россіи касательно избранія короля, устранить отъ престола курфюрста саксонскаго и принца Карла [1]) и добиться, если окажется возможнымъ, избранія принца Ксаверія, полагая что поляки не прочь имѣть короля изъ Саксонскаго дома. Такъ какъ по всей вѣроятности будетъ весьма трудно склонить Россію дѣйствовать единодушно съ его величествомъ при избраніи короля польскаго, то надобно добиться по крайней мѣрѣ, чтобы эта держава предоставила польской націи полную свободу дѣйствій, т. е. надобно заблаговременно принять всѣ мѣры къ тому, чтобы поляки могли избрать короля по своему желанію. Для этого необходимо заручиться содѣйствіемъ главныхъ совѣтниковъ императрицы, чтобы они не препятствовали намѣреніямъ его величества какъ въ вопросѣ объ избраніи польскаго короля, такъ и при заключеніи мира. Относительно послѣдняго пункта не слѣдуетъ допускать и мысли объ уступкахъ со стороны Пруссіи, хотя бы въ обмѣнъ за польскія владѣнія; надобно добиваться, чтобы Россія согласилась на денежное вознагражденіе; слѣдуетъ также замедлить, насколько позволятъ обстоятельства, воен-

[1]) Втораго сына польскаго короля.

ныя дѣйствія русскихъ, чтобы они не имѣли повода требовать слишкомъ большаго вознагражденія за свои побѣды, и напротивъ того, чтобы побѣда, одержанная войсками его величества, дала ему возможность выговорить себѣ при переговорахъ о заключеніи мира главную долю».

Замедлить военныя дѣйствія союзниковъ—такова была цѣль тайной политики Людовика XV, къ которой онъ стремился даже въ тотъ моментъ, когда участь войны готова была рѣшиться и когда, по словамъ самого Фридриха, русскимъ оставалось только двинуть свои войска и нанести ему смертельный ударъ [1]). Чтобы вполнѣ оцѣнить ошибку, сдѣланную французскимъ монархомъ, и понять какъ важно было Франціи одержать рѣшительную побѣду надъ Пруссіей, напомнимъ, что въ 1760 г. Франція вела уже третій годъ упорную войну, истратила нѣсколько милліоновъ и вооружила болѣе 100 тысячъ человѣкъ. Послѣ столькихъ затратъ, противиться тому, чтобы кампанія, энергично веденная союзниками, довершила начатое дѣло и окончательно сломила могущество Фридриха, было, со стороны Людовика XV, удивительнымъ забвеніемъ своихъ обязанностей, какъ француза и монарха, игнорировавшаго политическую задачу Франціи и дешево цѣнившаго кровь французовъ и ихъ деньги, истраченныя напрасно.

IX.

Прибытіе де-Бретейля въ Петербургъ.—Первое свиданіе его съ великой княгиней Екатериной.—Неожиданное взятіе русскими войсками Берлина.—Необходимость для Франціи заключить миръ.—Планъ Шуазеля и русскій контръ-проектъ.—Интриги короля противъ своего министра.—Прекращеніе переговоровъ.—Военныя дѣйствія въ Германіи.—Безнадежное положеніе Фридриха II. Болѣзнь и кончина императрицы Елисаветы Петровны.—Характеръ ея политики.—Послѣдующія отношенія Россіи къ Франціи.

По пріѣздѣ въ Петербургѣ, де-Бретейль былъ въ большомъ затрудненіи. Рѣшивъ повиноваться во всемъ приказаніямъ своего монарха, онъ хотѣлъ сохранить по отношенію къ министру иностранныхъ дѣлъ хоть тѣнь покорности и повиновенія. Д'Эонъ, которому въ виду неопытности де-Бретейля, было поручено служить ему первое время руководителемъ [2]), быстро посвятилъ его въ тайны русскаго двора, сообщилъ свѣдѣнія о характерѣ императрицы, ея министровъ и всѣхъ другихъ лицъ, употреблявшихся для веденія иностранныхъ сношеній, а также кое-какія подробности, которыя еще болѣе увеличили недоумѣнія барона.

---

[1]) Фридрихъ II Mémoires, гл. X, стр. 275.

[2]) Correspondance secrète de Louis XV Boutaric т. 1, стр. 249.

Де-Бретейлю между прочимъ было наказано «особенно освѣдомиться насчетъ привязанности и видовъ великаго князя и великой княгини и стараться снискать ихъ благосклонность и довѣріе. Маркизъ Лопиталь пренебрегалъ молодымъ дворомъ и особенно вооружилъ противъ себя великую княгиню участіемъ своимъ въ отозваніи изъ Петербурга Понятовскаго. «Если,—что не подлежитъ сомнѣнію,—великая княгиня обратится къ барону Бретейлю съ жалобами на поведеніе его предмѣстника, говорилось въ инструкціи, то баронъ долженъ воспользоваться этимъ случаемъ и ловко внушить, что ему извѣстны чувства короля относительно великаго князя и великой княгини, и онъ можетъ увѣрить, что его величество будетъ очень радъ содѣйствовать исполненію ихъ желаній, и если бы имъ было пріятно увидѣть опять въ Петербургѣ Понятовскаго, то его величество не только не воспротивится, но будетъ еще содѣйствовать тому, чтобы король польскій назначилъ его снова посланникомъ въ Россіи» [1]).

Между тѣмъ въ Петербургѣ въ это время роли перемѣнилась: Екатерина благоволила къ Франціи, тогда какъ Елисавета измѣнила своей всегдашней пріязни къ этой державѣ. Незадолго до пріѣзда въ Россію де-Бретейля, герцогъ Шуазель извѣстилъ великую княгиню, что Франція ходатайствовала у польскаго короля о назначеніи Понятовскаго на его прежній постъ; это извѣстіе было принято съ удовольствіемъ Екатериной, но Елисавета Петровна была непріятно поражена узнавъ, что безъ ея вѣдома начаты переговоры о назначеніи вновь къ ея двору посланника, которому она не симпатизировала и который не съумѣлъ снискать ея благоволенія.

Императрица выразила по этому поводу свое неудовольствіе Людовику XV въ своей секретной корреспонденціи; король приказалъ отвѣтить ей, что онъ не желалъ этимъ назначеніемъ сдѣлать ей непріятное, и отмѣнилъ приказаніе, данное французскому посланнику въ Варшавѣ, хлопотать о назначеніи Понятовскаго въ Петербургѣ [2]).

Когда де-Бретейль явился послѣ этого впервые къ великой княгинѣ, чтобы засвидѣтельствовать ей свое почтеніе, онъ ожидалъ отъ нея упрековъ или по меньшей мѣрѣ самаго холоднаго пріема; можно себѣ представить его изумленіе и удовольствіе, когда великая княгиня любезно его встрѣтила и сказала:

— Король хотѣлъ недавно сдѣлать для меня пріятное, и хотя результатъ дѣла не соотвѣтствуетъ его любезности, тѣмъ не менѣе я чрезвычайно этимъ тронута. Я прошу васъ передать его величеству мою

[1]) Correspondence secrète, I, 240, 262 и Соловьевъ, т. XXIV, 1160.

[2]) Письмо Терсье—гр. Воронцову отъ имени короля 16 (5) августа 1760 г. Flassan. т. VI, стр. 228.

признательность, увѣривъ его въ моемъ уваженіи и въ моей готовности воспользоваться всякимъ случаемъ, чтобы доказать это на дѣлѣ.

Когда де-Бретейль высказалъ, что онъ счастливъ исполнить столь пріятное и лестное порученіе, Екатерина съ живостью перебила его слова:

— Я уже давно убѣдилась, что таковы чувства короля: я ничего не дѣлала, чтобы внушить ему иныя чувства, и если бы меня захотѣли узнать немного лучше и не оскорбили жестоко, то увидѣли бы, что я только желаю быть пріятной его величеству [1]).

Трудно было ожидать болѣе благопріятныхъ для Франціи чувствъ со стороны великой княгини; къ сожалѣнію, молодой дипломатъ не могъ или не съумѣлъ ими воспользоваться. Стѣсненный противорѣчивыми приказаніями, онъ рѣшился дѣйствовать осторожно, принялъ за образецъ Лопиталя, тогда какъ отъ него ожидали, что онъ будетъ дѣйствовать болѣе ловко и энергично. Случай видѣться и бесѣдовать съ императрицей представлялся ему все рѣже и рѣже; здоровье Елисаветы Петровны угасало, ея страданія увеличивались съ каждымъ днемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ она становилась мрачнѣе и ко всему безучастнѣе; иной разъ по цѣлымъ недѣлямъ она никому не показывалась.

Съ гр. Воронцовымъ де-Бретейль сошелся самымъ дружескимъ образомъ, но въ своихъ бесѣдахъ съ канцлеромъ старался какъ можно рѣже затрогивать вопросы политики. Уклоняясь отъ разговора о Польшѣ, онъ также не говорилъ съ нимъ о военныхъ дѣйствіяхъ, совершенно не старался влiять на его рѣшенія.

Лѣтомъ 1760 г. русскія и австрійскія войска должны были соединиться для совмѣстныхъ дѣйствій въ Силезіи. Австрійцы явились къ назначенному пункту своевременно; ген. Лаудонъ разбилъ пруссаковъ при Ландсгутѣ и дошелъ до Бреславля, но русскіе заставили себя ждать. Чтобы соединиться съ союзниками, имъ надобно было покончить съ корпусомъ принца Генриха Прусскаго, который искусно маневрировалъ противъ войскъ Салтыкова, задерживая его на берегахъ Одера. Фридрихъ, которому не удалось взять обратно Дрездена, поспѣшно явился въ Силезію, одержалъ побѣду надъ Лаудономъ при Лигницѣ, освободилъ Бреславль, соединился съ войскомъ принца Генриха и помѣшалъ сдѣлать то же своимъ противникамъ. Очутившись одни лицомъ къ лицу съ Фридрихомъ русскіе не рѣшились дать ему сраженіе и отступили среди лѣта, пробывъ въ походѣ нѣсколько мѣсяцевъ и буквально исполнивъ желаніе Людовика XV, такъ какъ они не понесли за это время рѣшительнаго пораженія, но и не одержали побѣды.

Столь вялыя дѣйствія русскаго войска не соотвѣтствовали желаніямъ Елисаветы Петровны, которая хотѣла, во что бы то ни стало, уничто-

---

[1]) Де-Бретейль 5 сент. н. ст. 1760.

жить ненавистнаго ей короля прусскаго, и потому она повелѣла возобновить военныя дѣйствія. Фридрихъ возвратился тѣмъ временемъ въ Саксонію, слѣдовательно путь къ Берлину былъ открытъ. Отрядъ легкихъ войскъ, поспѣшно двинутый въ Берлинъ, застигъ столицу врасплохъ, занялъ ее 28 сент. (9 окт.) послѣ нѣсколькихъ часовъ сраженія, захватилъ арсеналы, уничтожилъ магазины и обложилъ городъ контрибуціей [1]).

Вѣсть о торжественномъ вступленіи русскихъ войскъ въ Берлинъ была тяжелымъ ударомъ для Фридриха и радостной вѣстью для его враговъ; всѣ думали, что Пруссіи нанесенъ смертельный ударъ.

Фридрихъ поспѣшилъ на спасеніе своей столицы; его преслѣдовалъ фельдмаршалъ Даунъ. Стѣсненный между русскими войсками, которыя очистили Берлинъ [2]), но занимали еще часть Бранденбурга, и австрійцами, которые готовились зимовать на Эльбѣ, Фридрихъ располагалъ территоріей болѣе ограниченной, нежели курфюршество его предковъ. Онъ рѣшилъ еще разъ попытать счастье, напалъ на армію Дауна близъ Торгау и вынудилъ его отступить къ югу (7 нояб. н. ст.). Узнавъ о пораженіи своихъ союзниковъ, русскіе отступили въ Польшу; а прусскій король воспользовался нѣсколькими мѣсяцами отдыха, который ему дали враги, чтобы собраться съ духомъ и подкрѣпить свои силы.

Русскіе генералы объясняли нерѣшительность дѣйствій трудностью продовольствовать армію и обезпечить сообщеніе между отдѣльными частями. Въ польскихъ провинціяхъ не было мѣстечка, гдѣ бы они могли съ безопасностью устроить свои магазины и походные арсеналы и куда могли бы отступить въ случаѣ пораженія. Впрочемъ, въ тылу русской арміи былъ городъ, который могъ служить опорнымъ пунктомъ и откуда можно было получать съѣстные припасы. Данцигъ—богатый, многолюдный и хорошо укрѣпленный городъ могъ продовольствовать въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ и укрыть подъ защитою своихъ фортовъ цѣлую армію. Этотъ старинный ганзейскій городъ былъ обязанъ стараніямъ французской и австрійской дипломатіи тѣмъ, что онъ до этого

---

[1]) Соловьевъ, т. XXIV, стр. 1149.

[2]) Когда извѣстіе о занятіи Берлина было получено въ Петербургѣ, то 11 (22) октября пріѣхали къ канцлеру всѣ иностранные министры, кромѣ англійскаго, съ поздравленіями.—Они распространились о томъ, какъ славно это событіе для царствованія Елисаветы, для ея министерства и арміи, при чемъ особенно послы австрійскій и французскій и саксонскій совѣтникъ посольства Прассе выражали, какъ необходимо для чести русскаго оружія и общей пользы, чтобъ Берлинъ былъ удержанъ.—Командовавшему войсками было послано въ этомъ смыслѣ приказаніе изъ Петербурга, но это внушеніе опоздало. Берлинъ былъ занятъ съ финансовою цѣлью: контрибуціею съ него облегчить тяжесть военныхъ расходовъ, и потому, какъ только добыча была захвачена, то Чернышевъ и Тотлебенъ оставили Берлинъ. Соловьевъ, т. XXIV, стр. 1149 и 1150.

времени избѣжалъ занятія русскими войсками. По окончаніи кампаніи 1760 г. русскіе хотѣли расположится въ немъ съ согласія мѣстныхъ властей и тамъ подговиться къ походу въ прусскую Померанію. Западныя державы отнеслись къ этому намѣренію крайне враждебно; занятіе русскими Данцига казалось Людовику XV новой угрозою по адресу Польши; имѣя въ рукахъ этотъ драгоцѣнный залогъ, согласились ли бы русскіе отказаться отъ него, не удовлетворивъ своихъ вожделѣній на Восточную Пруссію и Украйну?

Секретная дипломатія заволновалась и барону де-Бретейлю было послано слѣдующее письмо за собственноручною подписью Людовика XV. «Хотя я имѣю поводъ сомнѣваться относительно одного извѣстія, полученнаго мною изъ Польши, такъ какъ вы не упоминаете о немъ въ вашихъ депешахъ ко мнѣ, но это пунктъ слишкомъ важный и нельзя терять ни одного мгновенія, чтобы предупредить, если окажется возможнымъ,—это замыселъ русскихъ овладѣть Данцигомъ. Вы видѣли, передъ вашимъ отъѣздомъ изъ корреспонденціи маркиза Лопиталя все, что было сказано и сдѣлано до сихъ поръ для сохраненія вольности этого города; это удалось достигнуть въ то время, когда силы короля прусскаго были гораздо многочисленнѣе, нежели въ настоящее время; и слѣдовательно этотъ опорный пунктъ могъ быть гораздо необходимѣе для русскихъ...... Нынѣ, русскіе менѣе нуждаются въ этомъ городѣ, слѣдовательно они хотятъ овладѣть имъ скорѣе въ видахъ политическихъ нежели военныхъ; они предчувствуютъ, что имъ будетъ трудно удержать Пруссію, и ежели намѣреніе, приписываемое имъ, вѣрно, то они безъ сомнѣнія желаютъ, чтобы возвращеніе Данцига было поводомъ къ пріобрѣтенію хотя нѣкоторой части Пруссіи или тѣхъ земель, которыя они желаютъ получить въ Украйнѣ. То и другое одинаково опасно. Поэтому вы должны употребить все свое стараніе у гр. Воронцова, чтобы помѣшать осуществленію этого плана. Напомните ему все, что было сказано въ свое время о несправедливости этого ,поступка, который омрачилъ бы славу императрицы. Это требованіе было бы еще несправедливѣе въ настояще время. Присовокупите къ этимъ доводамъ все, что вы найдете возможнымъ сказать въ виду особаго довѣрія, коимъ вы пользуетесь у гр. Воронцова; представьте ему, что, принимая живѣйшее участіе въ свободѣ Польши и въ ея интересахъ, я буду крайне огорченъ всѣмъ, что могло бы повредить имъ; что это можетъ чрезвычайно затруднить всѣ дальнѣйшіе переговоры о заключеніи мира и что я ожидаю инаго отъ справедливости и личныхъ чувствъ императрицы. Передайте гр. Воронцову, что ежели онъ такъ искренно преданъ мнѣ, какъ утверждаетъ, то ему придется дѣйствовать въ разрѣзъ съ этими чувствами не только въ томъ случаѣ, ежели онъ осуществитъ этотъ планъ, но даже и тогда, когда онъ не попрепятствуетъ его осуществленію. Если бы сумма, которую

онъ мнѣ долженъ, была употреблена исключительно на то, чтобы предотвратить эту непріятность, я счелъ бы эти деньги хорошо употребленными [1]).

«Вы должны воспользоваться этимъ средствомъ со всевозможною осторожностью и деликатностью; замѣтьте ему, по поводу сказаннаго имъ самимъ о здоровьи императрицы и уединеніи, въ которомъ она живетъ, что трудно себѣ представить, чтобы это приказаніе исходило лично отъ нея, слѣдовательно этотъ планъ припишутъ всецѣло ея генераламъ и министрамъ, и при извѣстныхъ обстоятельствахъ упрекъ за этотъ фактъ, могущій имѣть весьма прискорбныя послѣдствія, падетъ исключительно на него. Употребите все свое вліяніе на графа, чтобы не дать русскимъ овладѣть этимъ городомъ, коего вольность чрезвычайно важна для свободы Польши, а занятіе русскими можетъ повести къ весьма печальнымъ послѣдствіямъ. Вотъ что я ожидаю отъ вашего усердія и отъ вашего пониманія моихъ интересовъ по отношенію къ Польской республикѣ [2]).

Настоянія барона де-Бретейля, которому много помогла секретная нота, посланная непосредственно самому Воронцову, увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Уступивъ желанію французскаго короля, Россія отказалась отъ своихъ плановъ относительно Данцига; стратегическія выгоды союзныхъ державъ стушевались передъ политическими соображеніями одного изъ союзныхъ монарховъ. Въ то же самое время, Елисавета Петровна безропотно изъявила свое согласіе на одну еще болѣе важную уступку. Встревоженная тѣмъ, что ея притязаніе на Восточную Пруссію было встрѣчено въ Версалѣ и въ Вѣнѣ крайне несочувственно, она объявила въ исходѣ 1760 г., что болѣе не настаиваетъ на своихъ требованіяхъ. Это извѣстіе нѣсколько успокоило Людовика XV; что касается Шуазеля, то онъ видѣлъ съ радостью, что такимъ образомъ исчезло главное препятствіе къ успѣшному ходу мирныхъ переговоровъ, которые ему хотѣлось уже годъ тому назадъ начать при посредничествѣ Россіи.

Осенью 1760 г. Шуазель послалъ барону де-Бретейлю,—который послѣ отъѣзда Лопиталя и д'Эона, остался единственнымъ представителемъ Франціи въ С.-Петербургѣ,—приказаніе во всемъ слѣдовать инструкціи, которую не съумѣлъ исполнить его предшественникъ, и, вывѣдавъ намѣренія русскаго правительства, приступить къ переговорамъ.

Де-Бретейль не посмѣлъ исполнить приказаніе министра не заручившись предварительно соизволеніемъ на это короля, котораго онъ просилъ разрѣшить ему дѣйствовать согласно съ инструкціей министра.— При этомъ онъ успокоивалъ Людовика XV насчетъ послѣдствій, какія

---

[1]) Король ссудилъ гр. Воронцову 150 т. экю.

[2]) Correspondance secrète. Король—де-Бретейлю 3 янв. н. ст. 1761.

могли произойти отъ «преобладающаго и нежелательнаго вліянія», на какое могла претендовать Россія, играя роль посредницы послѣ двухъ выигранныхъ ею сраженій.

«Мнѣ кажется, ваше величество, писалъ де-Бретейль, что нынѣ опасность уже не такъ велика, послѣ того какъ Россія совершила самую жалкую изъ кампаній [1])».

Послѣднее соображеніе показалось королю настолько существеннымъ, что онъ разрѣшилъ де-Бретейлю дѣйствовать такъ, какъ ему было приказано. Предложеніе о посредничествѣ было принято русскимъ дворомъ весьма сочувственно, и въ январѣ мѣсяцѣ 1761 г. между Россіей и Франціей начались переговоры по этому поводу.

Герцогъ Шуазель представилъ русскому двору проектъ деклараціи, съ которой онъ намѣревался обратиться къ Англіи и Пруссіи. Въ предъидущемъ году эти державы предложили воюющимъ сторонамъ, чрезъ великобританскаго посланника въ Гагѣ, созвать конгрессъ для обсужденія условій, на коихъ могъ бы быть заключенъ миръ. Шуазель воспользовался этимъ предложеніемъ и составилъ проектъ деклараціи въ формѣ отвѣта на него, но вмѣсто одного предлагалъ созвать два конгресса,—одинъ для обсужденія вопроса о примиреніи Франціи съ Англію, а другой—для заключенія мира на континентѣ, между королемъ прусскимъ съ одной стороны и Австріей, Франціей, Саксоніей и Россіей, съ другой. Этой уловкою министръ Людовика XV надѣялся побѣдить упорство Австріи и вмѣстѣ съ тѣмъ успокоить ее. Марія-Терезія соглашалась начать переговоры о заключеніи мира весьма неохотно, старательно отдѣляла свои интересы отъ интересовъ Франціи и относилась съ недовѣріемъ къ общему конгрессу, на коемъ обсуждались бы совмѣстно интересы всѣхъ союзныхъ державъ, причемъ могло случиться, что Австріи пришлось бы возвратить Пруссіи ея завоеванія взамѣнъ тѣхъ владѣній, которыя Англія возвратила бы Франціи въ колоніяхъ. Кромѣ того, Шуазель предлагалъ заключить перемиріе, которое было необходимо для Франціи по отношенію къ ея заморскимъ владѣніямъ, для спасенія колоній и остатковъ ея морской торговли въ обѣихъ Индіяхъ.

11-го января 1761 г., вечеромъ, пріѣхалъ къ канцлеру французскій посолъ съ депешою отъ герцога Шуазеля, въ которой говорилось, что Людовикъ XV желаетъ мира; при этомъ посолъ представилъ слѣдующую декларацію съ требованіемъ скораго на нее отвѣта.

«Достовѣрно извѣстно, что силы короля прусскаго такъ истощены, что если бы не помогала ему Англія, то онъ принужденъ былъ бы согласиться на всѣ требованія.—Но и при англійской помощи изнеможеніе этого

---

[1]) Бретейль—королю. Секретное письмо отъ 27 (16) сент. 1760 г. Flassan т. VI, стр. 372.

государя такъ очевидно, что державамъ, соединившимся для возстановленія тишины, нечего опасаться, чтобы король прусскій осмѣлился послѣ мира возмутить покой новымъ нападеніемъ. Король (французскій) не предвидитъ возможности, чтобъ будущая кампанія могла привести союзниковъ въ лучшее предъ нынѣшнимъ состояніе. Не долженъ король скрывать отъ вѣрныхъ своихъ союзниковъ, что онъ принужденъ уменьшить свое вспомогательное войско и что продолженіе войны крайне истощаетъ доходы его государства, такъ что онъ не отвѣчаетъ за возможность точнаго исполненія принятыхъ передъ союзниками обязательствъ. Король надѣется, что ея императорское величество принесетъ въ жертву этому великому дѣлу собственные свои интересы точно такъ, какъ и король намѣренъ жертвовать своими интересами» [1]).

Въ Петербургѣ предложенія Франціи подверглись всестороннему обсужденію въ Совѣтѣ. Выработанный въ его засѣданіяхъ обстоятельный планъ переговоровъ былъ сообщенъ версальскому кабинету. Проектъ этотъ, въ нѣкоторыхъ подробностяхъ оказался благопріятнѣе для Франціи, нежели проектъ, составленный Шуазелемъ. Россія соглашалась лишь на самое короткое перемиріе, считая его вреднымъ для интересовъ союзниковъ и чрезвычайно полезнымъ для прусскаго короля. Императрица соглашалась на перемиріе единственно изъ дружбы къ французскому королю, для доказательства, что она интересы союзниковъ часто предпочитаетъ собственымъ, но сама считала единственнымъ способомъ къ достиженію честнаго и прочнаго мира раннее начатіе кампаніи, и поэтому выражала желаніе возобновить какъ можно скорѣе военныя дѣйствія и энергично продолжать войну въ Германіи, въ случаѣ ежели переговоры не привели бы въ скоромъ времени къ желаемому результату. Что касалось самаго способа веденія переговоровъ, то Елисавета допускала возможность вести ихъ отдѣльно лишь во время редактированія предварительныхъ статей мирнаго договора, настаивая на томъ, чтобы окончательная ихъ редакція была представлена на утвержденіе общаго конгресса. Императрица Елисавета по прежнему выражала готовность отказаться отъ Восточной Пруссіи, но подъ условіемъ, что эта уступка послужитъ на пользу ея союзниковъ и ея собственныхъ интересовъ, поэтому она обставила ее извѣстными условіями. Елисавета объявила лондонскому кабинету, что, уступая необходимости, она отказывается отъ своихъ завоеваній, дабы облегчить возможность возстановленія мира, но ожидаетъ подобной же жертвы отъ Англіи и ставитъ возвращеніе Пруссіи въ зависимость отъ возстановленія мира на морѣ. Въ знакъ признательности за эту услугу, версальскій дворъ долженъ былъ принять

---

[1]) Записки конференціямъ канцлера съ министрами иностранными, 1761 г. Соловьевъ, т. XXIV стр. 1186.

на себя секретное обязательство поддержать на Варшавскомъ сеймѣ требованія Россіи относительно измѣненія границъ Украйны.

Ясно, какую выгоду могла извлечь изъ этого Франція. Главное желаніе Фридриха было получить обратно провинцію, составлявшую колыбель его наслѣдственныхъ владѣній; при этомъ не надобно забывать, что онъ пользовался въ Лондонѣ огромнымъ вліяніемъ. «Онъ не только король прусскій, писалъ Берни Шуазелю нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, онъ въ то же время первый министръ англійскаго короля.

Желаніе обезпечить цѣлость Прусской монархіи и необходимость щадить Россію весьма легко могли заставить Англію быть сговорчивѣе при переговорахъ съ Франціей и даже побудить ее возвратить этой державѣ часть ея завоеваній за океаномъ; но для достиженія этой цѣли Франціи надобно было не только отказаться отъ мысли препятствовать видамъ Россіи на Польшу, но до нѣкоторой степени помочь ей въ этомъ.

Это было единственное обязательство, которое Елисавета потребовала отъ Франціи; но въ то же время она заявила ей о своемъ давнишнемъ желаніи превратить временное сближеніе, состоявшееся съ Франціей, въ 1757 году, въ настоящій и прочный союзъ.

— Императрица искренно желаетъ этого союза, говорилъ Воронцовъ де-Бретейлю, и было бы желательно оформить его до начала переговоровъ о заключеніи мира [1]).

Въ исходѣ 1760 г. Елисавета Петровна послала Людовику XV письмо, въ коемъ, высказывая желаніе содѣйствовать заключенію мира, она предлагала ему подписать безъ посредничества и участія Австріи болѣе тѣсный союзный договоръ.

Пріобрѣсти право на признательность Франціи, способствуя примиренію ея съ Англіей, воспользовавшись оказанною услугою, заручиться содѣйствіемъ французскаго правительства въ Польшѣ и навсегда связать политику Франціи съ политикой Россіи—таковъ былъ планъ Елисаветы Петровны, планъ, задуманный весьма ловко и осторожно [2]). Герцогъ Шуазель, движимый патріотическимъ желаніемъ спасти остатки колоніальныхъ владѣній Франціи, согласился на предложеніе Россіи и поспѣшилъ увѣдомить де-Бретейля, что, не желая затягивать переговоровъ, Франція готова уменьшить свои требованія по отношенію къ Англіи, пожертвовавъ ради этого такими соображеніями, которыя при иныхъ обстоятельствахъ не были бы оставлены безъ вниманія и быть можетъ задѣли бы самолюбіе французовъ [3]).

«Они (переговоры) не встрѣтятъ никакого препятствія съ нашей

---

[1]) Де Брейтель, 3 (14) янв. 1761 г.

[2]) Correspondance secrète. Воронцовъ отъ имени императрицы къ Терсье 9 (20) дек. 1760 г.

[3]) Шуазель—де-Бретейлю 10 марта н. ст. 1761 г.

стороны, писалъ онъ де-Бретейлю, но я долженъ сдѣлать по этому поводу только одно замѣчаніе, а именно, что канцлеръ долженъ вручить вамъ ноту, изложивъ въ ней условія, коими Россія обусловливаетъ свой отказъ отъ прусскихъ владѣній. Эти условія должны состоять въ томъ, чтобы Англія прекратила свою распрю съ нами и чтобы мы выговорили Россіи какое либо вознагражденіе въ Украйнѣ».

Де-Бретейль передалъ содержаніе полученной имъ депеши графу Воронцову, который одобрилъ ее по существу. Переговоры между Франціей и Англіей должны были начаться при посредничествѣ русскаго посланника въ Лондонѣ, князя Голицына. Воронцовъ, со своей стороны, согласился изложить въ оффиціальной нотѣ желанія Россіи и представить ее своевременно, т. е. въ тотъ моментъ, когда начнутся серьезные переговоры, чтобы этимъ повліять на ихъ благополучный исходъ. Де-Бретейль уже радовался достигнутымъ результатамъ, какъ вдругъ изъ Версаля, отъ 2 (13) мая была получена депеша, свидѣтельствовавшая о нѣкоторомъ колебаніи со стороны Шуазеля. Французскій министръ какъ будто сожалѣлъ о томъ, что онъ зашелъ слишкомъ далеко и принялъ поспѣшно предложенія и условія Россіи.

«Еще не настало время говорить о видахъ Россіи на польскую Украйну, писалъ онъ де-Бретейлю; вы должны ограничиться по этому поводу одними общими увѣреніями насчетъ того, что король готовъ, по мѣрѣ возможности, доказать свое доброжелательство во всемъ, что можетъ интересовать русскую императрицу» [1]).

Что же произошло за эти два мѣсяца и что заставило герцога Шуазеля заговорить совершенно инымъ тономъ? Онъ встрѣтилъ рѣшительный отпоръ своимъ распоряженіямъ со стороны короля, который самымъ положительнымъ образомъ воспретилъ ему идти далѣе по пути уступокъ и довѣрія къ Россіи. Людовикъ XV находилъ, что Елисавета Петровна цѣнила свои услуги слишкомъ дорого; онъ еще мирился съ мыслію, что Франція будетъ обязана возвращеніемъ нѣкоторыхъ колоній союзнику, которому онъ не придавалъ особеннаго значенія, но его нѣжная заботливость о полякахъ возмущалась при мысли, что за соглашеніемъ относительно границъ Украйны могли скрываться какія либо злостныя намѣренія относительно Польши. Ограничивъ распоряженія министра, король прибѣгнулъ къ своему излюбленному средству и сталъ дѣйствовать окольными путями. Терсье велѣно было намекнуть де-Бретейлю секретно, чтобы онъ сообразовалъ свои дѣйствія только съ желаніями короля.

Случай къ тому представился въ тотъ моментъ, когда французскому правительству пришлось дать отвѣтъ на предложеніе Елисаветы Петровны относительно заключенія союза.

[1]) Шуазель де-Брейтелю 2 (13) мая 1761 г.

Шуазель былъ въ восторгѣ отъ этого предложенія и совѣтывалъ дать Россіи субсидію, въ которой Франція до тѣхъ поръ ей отказывала, а Терсье, по приказанію короля, отвѣчалъ графу Воронцову въ выраженіяхъ живѣйшей признательности [1]), но въ то же время совѣтовалъ де-Бретейлю уклоняться отъ переговоровъ относительно Украйны, что было вѣрнѣйшимъ средствомъ устранить вмѣшательство Россіи въ дѣла Франціи и прекратить всѣ дальнѣйшіе переговоры о союзѣ.

«Я увѣренъ, писалъ ему Шуазель, что сокровенныя желанія его величества будутъ вамъ служить путеводною звѣздою при переговорахъ и что вы не только не допустите, чтобы въ союзный договоръ было включено что либо противное его намѣреніямъ, но постараетесь, со своей стороны внушить герцогу Шуазелю такія мысли, которыя содѣйствовали бы осуществленію этихъ намѣреній или хотя бы не являлись этому помѣхою. Отказъ императрицы отъ ея притязаній на Пруссію представляетъ само по себѣ вопросъ первостепенной важности, но можно опасаться, что она захочетъ получить вознагражденіе въ Украйнѣ. Если намъ удастся обезпечить спокойствіе Польской республики относительно этихъ двухъ пунктовъ, и если Данцигъ останется, какъ можно ожидать, вольнымъ городомъ, то мы съумѣемъ въ должномъ видѣ представить Польшѣ услугу, оказанную ей его величествомъ» [2]).

Эти замѣчанія были преподаны де-Бретейлю въ видѣ совѣта, но нѣсколько времени спустя, Людовикъ XV рѣшился подтвердить ихъ именнымъ повелѣніемъ и послалъ ему нижеслѣдующее высокомѣрное и въ высшей степени категорическое письмо, какъ нельзя лучше характеризующее его политику.

«Выписки, приложенныя къ вашему письму отъ 1-го (н. ст.) марта писалъ король 8 іюня (н. ст.) 1761 года, даютъ мнѣ поводъ думать, что вы зашли слишкомъ далеко въ своихъ предложеніяхъ русскому министерству. Ему надлежитъ дѣлать во всемъ первый шагъ; мои правительственные виды требуютъ пріучить его къ этому; русскіе становятся слишкомъ заносчивы, когда въ нихъ заискиваютъ. При томъ, я убѣдился на опытѣ, что величайшая выгода, какую я могъ бы извлечь изъ союза съ ними, заключается въ устраненіи вреда, который они могли бы намъ причинить, заключивъ союзы съ моими врагами.—И такъ я желаю, чтобы при переговорахъ съ русскими вы сообразовались съ этими принципами, избѣгая вовлечь меня въ объясненія касательно престолонаслѣдія въ Польшѣ. Я имѣю основаніе предполагать, что, давъ русскимъ право овладѣть Украйною, я этимъ увеличу нерасположеніе ко мнѣ турокъ; при томъ, это было бы равносильно участію въ вели-

[1]) Correspondance secrète. Терсье отъ имени короля гр. Воронцову. 23 (12) марта 1761 г.

[2]) Терсье—де-Брейтелю 12 (23) марта 1761 г.

чайшей несправедливости; я поплатился бы въ этомъ случаѣ слишкомъ дорого за союзъ, заключенный съ державою, въ которой духъ интриги усиливается съ каждымъ днемъ до такой степени, что имъ парализуются самыя положительныя повелѣнія монархини, а необезпеченность престолонаслѣдія не позволяетъ относиться съ довѣріемъ къ самымъ торжественнымъ ея обязательствамъ».

Королевская инструкція сопровождалась пояснительною запискою, въ которой Терсье настоятельно совѣтовалъ де-Бретейлю не произносить болѣе ни слова объ Украйнѣ, избѣгать всякаго намека на престолонаслѣдіе въ Польшѣ и не выказывать слишкомъ явно миролюбивыхъ намѣреній [1]).

Получивъ столь категорическія приказанія, де-Бретейлю оставалось только повиноваться; онъ прервалъ переговоры, выслушивалъ настоятельныя напоминанія Воронцова и не отвѣчалъ на нихъ, а когда канцлеръ упоминалъ въ разговорѣ съ нимъ о союзномъ договорѣ, то онъ дѣлалъ видъ, что понимаетъ подъ этимъ торговый договоръ [2]).

Видя услуги свои отвергнутыми, Россія отказалась отъ роли, которую она надѣялась играть въ примиреніи Франціи съ Великобританіей, и совмѣстно съ Австріей предложила созвать въ Аугсбургѣ конгрессъ для обсужденія условій континентальнаго мира.

Фридрихъ, послѣ своего пораженія при Кунерсдорфѣ и послѣ дорого обошедшейся ему побѣды при Торгау, не рѣшался болѣе на сраженіе въ открытомъ полѣ и избѣгалъ встрѣчи съ непріятелемъ. Онъ не принялъ никакихъ мѣръ къ тому, чтобы помѣшать соединенію австрійской и русской арміи въ Силезіи и былъ окруженъ въ лагерѣ при Бунцельвицѣ 120.000 непріятельскимъ войскомъ. Генералы союзныхъ армій, Лаудонъ и графъ Александръ Борисовичъ Бутурлинъ, болѣе робкіе, нежели ихъ противникъ, не рѣшались напасть на него врасплохъ и ограничились тѣмъ, что опустошали, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, Силезію и слѣдили издали за движеніями пруссаковъ; затѣмъ они разошлись, намѣреваясь каждый отдѣльно продолжать завоеваніе Пруссіи.

Австрійцы овладѣли важною крѣпостью Швейдницемъ, которая обезпечила имъ обладаніе бо́льшей части Силезіи, русскіе осадили Кольбергъ съ суши и съ моря, взяли его и овладѣли Помераніей. Въ Саксоніи принцъ Генрихъ былъ вынужденъ отступать передъ непріятелемъ шагъ за шагомъ. Отказываясь отъ надежды прорвать желѣзное кольцо, сдавливавшее его съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе, Фридрихъ отступилъ къ Бреславлю, сосредоточилъ вокругъ этой крѣпости остатки своей арміи и не рѣшался двинуться оттуда. Выбившись изъ силъ, онъ упалъ духомъ и провелъ два мѣсяца не выходя изъ комнаты, не желая

[1]) Терсье – де-Бретейлю 8 іюня н. ст. 1761.
[2]) Correspondance officielle. Де-Бретейль 2 авг. н. ст. 1761 г.

никого видѣть, избѣгая показываться войску. Хотя приближеніе зимы сулило ему нѣсколько мѣсяцевъ отдыха, но онъ былъ увѣренъ, что слѣдующая кампанія будетъ послѣднею. Положеніе Фридриха становилось тѣмъ опаснѣе, что на будущій годъ нельзя было разсчитывать на медленность движеній русской арміи и безтолковость главнокомандующаго, Бутурлина, такъ какъ въ ряду русскихъ генераловъ появился Румянцевъ, которому было поручено поправить кампанію 1761 года, и онъ уже доказалъ свое искусство взятіемъ Кольберга, подъ которымъ русское войско два раза терпѣло неудачу [1]).

Гибель угрожала Фридриху со всѣхъ сторонъ. Австрія затягивала открытіе конгресса въ Аугсбургѣ, чтобы вѣрнѣе довершить его паденіе и властнѣе продиктовать ему условія міра. Англія также отвернулась отъ Фридриха и отказала ему въ субсидіи. Въ самой Пруссіи замѣчался упадокъ духа и нѣкоторое озлобленіе противъ короля, какъ вдругъ на этомъ мрачномъ и грозномъ небосклонѣ мелькнулъ для Фридриха лучъ надежды. Этотъ лучъ исходилъ изъ Петербурга.

Послѣднія распоряженія русскаго правительства свидѣтельствовали о твердомъ его намѣреніи продолжать войну со всевозможной энергіей, какъ вдругъ, осенью 1761 г., разнеслась тревожная вѣсть о тяжкой болѣзни Елисаветы Петровны, предвѣщавшей скорую перемѣну правленія въ Россіи. Дни царицы были, какъ говорили, сочтены; ей оставалось нѣсколько мѣсяцевъ, даже быть можетъ, всего нѣсколько недѣль жизни.

Фридриху было извѣстно восторженное поклоненіе, которое питалъ къ нему наслѣдникъ русскаго престола; онъ былъ увѣренъ, что Петръ Ѳедоровичъ, вступивъ на престолъ, поспѣшитъ порвать союзъ съ Франціей и Австріей и, если не заключитъ немедленно союза съ Пруссіей, то по крайней мѣрѣ будетъ поддерживать съ нею добрыя сосѣдскія отношенія. Отдѣлавшись отъ опаснѣйшаго изъ своихъ враговъ, Фридрихъ могъ бы справиться съ остальными и выговорить себѣ почетный миръ. Участь Пруссіи и отчасти другихъ европейскихъ государствъ зависѣла отъ жизни Елисаветы Петровны. Ея кончина могла быть спасеніемъ для Фридриха, если бы она случилась до начала кампаніи 1762.

Извѣстія, полученныя изъ Россіи, оказались справедливы. У Елисаветы Петровны возобновились приступы ея давнишней болѣзни; послѣ каждаго припадка силы ея слабѣли. Уже въ началѣ 1761 года императрица была настолько слаба, что слушала доклады, лежа въ постели. 17-го (28) ноября она почувствовала лихорадочные припадки, отъ которыхъ нѣсколько времени спустя она оправилась.

Встревоженная, объятая страхомъ, императрица пренебрегала однако совѣтами врачей и, съ ужасомъ ожидая смерти, ничего не дѣлала для своего спасенія. При ея физическихъ страданіяхъ ее мучила неотступно

[1]) Соловьевъ, т XXIV стр. 1222, 1223.

одна мысль,—та самая, на которую возлагалъ всѣ свои надежды Фридрихъ. Она съ грустью думала о томъ, что съ ея кончиною измѣнится вся система русской политики; неблагодарный наслѣдникъ, позабывъ всѣ благодѣянія, коими она его осыпала, ненавидя все то, что она любила, и обожая то, что она ненавидѣла, уничтожитъ дѣло ея рукъ, доведенное почти до конца.

Повѣренными тайныхъ тревогъ и желаній императрицы были канцлеръ Воронцовъ и секретарь государыни Олсуфьевъ. Какъ извѣстно, оба они принимали участіе въ секретной корреспонденціи Людовика XV. Уже въ февралѣ мѣсяцѣ 1761 г. Олсуфьевъ неоднократно обращалъ вниманіе де-Бретейля на нерасположеніе императрицы къ наслѣднику престола и на послѣдствія, какія это обстоятельство могло имѣть относительно престолонаслѣдія. Олсуфьевъ намекалъ, что императрица желала бы знать по этому поводу мнѣніе своего излюбленнаго союзника. Услыхавъ объ этомъ отъ Бретейля, Людовикъ XV цѣлые полгода ни словомъ не обмолвился по этому поводу.

Наконецъ, онъ пришелъ къ убѣжденію, что его вліяніе могло быть полезно въ этомъ случаѣ; 5 (16) ноября того же года онъ писалъ секретно де-Бретейлю, совѣтуя ему сблизиться съ Олсуфьевымъ и внушить императрицѣ черезъ ея секретаря рѣшенія, отвѣчающія интересамъ Франціи.

«Я вижу, писалъ онъ, что послѣдній припадокъ внушилъ опасеніе за жизнь императрицы и что хотя въ газетахъ ничего не пишутъ о ея положеніи, тѣмъ не менѣе ея темпераментъ, ея праздная и невеселая жизнь, ея невниманіе къ своему здоровью и нежеланіе принимать какія либо лекарства, въ связи съ ея главной болѣзнію должны внушать постоянныя опасенія. Искреннее дружеское расположеніе, которое я питаю къ этой государынѣ, заставитъ меня пожалѣть о ней. Не говоря уже объ этихъ чувствахъ, ея кончина была бы чрезвычайно прискорбна при настоящихъ обстоятельствахъ. Симпатіи ея наслѣдника извѣстны. Правда, изъ разговора, переданнаго вами въ вашемъ письмѣ отъ 4 (15) февраля сего года, видно, что особа, съ которой вы имѣли этотъ разговоръ не отрицаетъ антипатіи императрицы къ великому князю. Чтобы не касаться фактовъ и не называть лицъ, о которыхъ вы пишете, я отсылаю васъ къ этому письму и скажу вамъ, что послѣ разговора вамъ слѣдуетъ быть особенно внимательнымъ къ Олсуфьеву, который пользуется довѣріемъ императрицы, чтобы, смотря по обстоятельствамъ, дружескими съ нимъ отношеніями внушить государынѣ мысль сдѣлать необходимыя распоряженія въ виду ея возможной кончины. Все это говорится вамъ сегодня единственно съ цѣлью обратить ваше вниманіе на этотъ предметъ; дальнѣйшія инструкціи будутъ вамъ даны сообразно съ тѣмъ, что вы мнѣ сообщите. Весьма важно, чтобы вы сами или то лицо, съ коимъ вы бесѣдовали, внушили г. Олсуфьеву, чтобы онъ не да-

*

валъ государынѣ совѣтовъ, которые были бы противны моимъ намѣреніямъ или успѣху моихъ дѣлъ».

Де-Бретейль не успѣлъ воспользоваться этой инструкціей. Въ тотъ моментъ когда онъ ее получилъ, императрица была при смерти. 12-го (23) декабря 1761 г. ей стало дурно, началась рвота съ кровью и кашлемъ; медики рѣшили пустить кровь и очень испугались, замѣтивъ сильно воспаленное ея состояніе [1]). Въ послѣднихъ числахъ декабря съ ней случился новый болѣе серьезный припадокъ; лихорадочное состояніе, коимъ сопровождалось ея недомоганіе, въ конецъ истощило ея силы. Приближенные императрицы съ ужасомъ видѣли, что ихъ власти настаетъ конецъ.

—Какъ много добра можно бы сдѣлать для спасенія имперіи, если бы императрица захотѣла,—говорилъ Воронцовъ де-Бретейлю, но самъ бездѣйствовалъ.

Елисавета дала понять, что она желаетъ говорить съ канцлеромъ безъ постороннихъ свидѣтелей; Воронцовъ не посмѣлъ этому повиноваться и уклонился отъ свиданія съ умирающей [2]).

Въ ночь съ 24-го на 25-ое декабря императрица Елисавета скончалась. Она инстинктивно понимала все, чего требовали высшіе интересы и благо Россіи. Она съ грустью видѣла возроставшее могущество своей сосѣдки—Пруссіи и старалась унизить ее; вмѣстѣ съ тѣмъ она понимала, что для выполненія обширныхъ задачъ, которыя составляли миссію русской державы, ей было выгоднѣе всего опираться на Францію, державу болѣе отдаленную, не соприкасавшуюся границами съ Россіей и не заинтересованную въ распряхъ сѣверныхъ державъ. Политика Елисаветы Петровны не была плодомъ расчета или обдуманнаго плана; ея симпатія къ Франціи, личное расположеніе къ Людовику XV и ненависть къ Фридриху замѣняли ей всякіе политическіе принципы и всецѣло руководили ея поступками. Сердце было ея вѣрнымъ совѣтникомъ; повинуясь его тайному влеченію, Елисавета работала на пользу своего народа, преслѣдуя тѣ же планы, которые были задуманы ея отцомъ изъ глубокихъ политическихъ соображеній. Недостатки ея характера: легкомысліе въ молодости, лѣнь и апатія въ послѣдніе годы жизни, нерѣдко мѣшали выполненію ея добрыхъ намѣреній; крайнее недовѣріе къ русскому правительству Людовика XV и интриги секретной дипломатіи также были значительной помѣхою къ сближенію державъ. Франко-русскій союзъ, задуманный Петромъ Великимъ, осуществился лишь въ послѣдніе годы царствованія его дочери—слишкомъ поздно, чтобы принести какіе либо плоды. Если бы его удалось заключить нѣсколькими годами ранѣе, то онъ задержалъ бы развитіе Пруссіи, и честолюбивый Фридрихъ II не

[1]) Соловьевъ, т. XXIV стр. 1225.

[2]) Correspondance officielle. Де-Бретейль 31 дек. н. ст. 1761 г.

успѣлъ бы подготовить все то, что такъ блестяще осуществили его преемники, упрочивъ могущество Прусской монархіи.

Людовикъ XV искренно оплакалъ кончину своего царственнаго друга. «Кончина русской императрицы искренно меня огорчила, писалъ онъ де-Бретейлю, въ силу дружескихъ чувствъ, которыя насъ соединяли. Этотъ союзъ, основанный столько же на общности взглядовъ, сколько на общности нашихъ интересовъ, былъ для меня, при настоящихъ обстоятельствахъ, все болѣе и болѣе дорогъ и давалъ поводъ надѣяться, что мы достигнемъ общими усиліями возстановленія мира, который составлялъ предметъ нашихъ желаній» [1]).

Съ Петромъ III, горячимъ поклонникомъ Фридриха II, Людовику трудно было поддерживать личныя отношенія и частную переписку. Екатерина, по вступленіи на престолъ, предлагала, какъ утверждаютъ, Людовику XV продолжать съ нею секретную переписку, но французскій король рѣшительно отъ этого отказался [2]).

Онъ выразилъ желаніе получить обратно свои письма къ Елисаветѣ Петровнѣ и уничтожить всякіе слѣды переписки, которую онъ не желалъ болѣе возобновлять. Терсье велѣно было передать графу Воронцову, что «эта переписка была вызвана личной пріязнью его величества къ императрицѣ, и поэтому король чрезвычайно желаетъ, чтобы ему были возвращены его письма, а черновые отпуски отвѣтовъ сожжены» [3]).

Нѣсколько времени спустя Людовикъ XV возобновилъ свою просьбу и писалъ де-Бретейлю:

«Надѣюсь, вы напомните еще разъ графу Воронцову, какъ мнѣ было бы желательно слышать, что корреспонденція сожжена; ежели болѣзнь помѣшала ему окончить это дѣло, я увѣренъ, что онъ позаботится о немъ тотчасъ по своемъ выздоровленіи [4]).

Въ первое время по кончинѣ Елисаветы Петровны секретная дипломатія, не стѣсненная болѣе необходимостью дѣйствовать осторожно ради личныхъ отношеній, существовавшихъ между монархами, увлекаясь своею ненавистью къ Россіи, успѣла внушить Людовику XV враждебныя чувства къ этой державѣ. Съ восшествіемъ на престолъ Екатерины происки этой дипломатіи не только не прекратились, но еще болѣе усилились. Узнавъ о переворотѣ 1762 г., графъ де-Брольи написалъ Терсье длинное письмо, въ которомъ онъ развивалъ свой планъ, состоявшій въ томъ, чтобы создать императрицѣ враговъ внутри Имперіи и извнѣ. Это частное письмо было предвѣстникомъ секретныхъ инструкцій, которыя Людовикъ XV адресовалъ собственноручно де-Бретейлю для дальнѣйшаго руководства.

[1]) Людовикъ XV—де-Бретейлю, 9-го февр. н. ст. 1762 г. Flassan, VI, 328.
[2]) Flassan, VI, 349.
[3]) Correspondance secrète, 9 февр н. ст. 1762.
[4]) Людовикъ XV—де-Бретейлю, 8-го мая нов. ст. 1763 г.

«Совершившійся переворотъ по меньшей мѣрѣ очень стѣснителенъ, а можетъ быть и вреденъ намъ, писалъ Людовикъ XV. Образъ дѣйствій покойнаго императора и его преданность нашимъ врагамъ, доведенная до крайности, были настолько нецѣлесообразны и неосмотрительны, что они могли и не угрожать опасностью моимъ интересамъ. Вамъ уже извѣстно, и я вновь подтверждаю вамъ самымъ категорическимъ образомъ, что цѣль моей политики по отношенію къ Россіи—устранить ее насколько возможно отъ общеевропейскихъ дѣлъ. Не предпринимая ничего, что могло бы подать поводъ къ жалобамъ противъ васъ, вы должны однако содѣйствовать развитію тѣхъ партій, которыя, безъ сомнѣнія, образуются при этомъ дворѣ; раздоры, ими вызванные, помѣшаютъ Россіи преслѣдовать тѣ цѣли, которыя могли бы ей внушить прочіе дворы [1]).

«Все то, что можетъ вызвать въ ней анархію и ввергнуть ее снова въ мракъ невѣжества, будетъ выгодно для моихъ личныхъ цѣлей».

Одновременно съ этимъ французскіе представители въ Стокгольмѣ, Константинополѣ и Варшавѣ получили приказаніе неустанно бороться противъ русскаго вліянія, чтобы «уменьшить могущество русскихъ, защитить поляковъ отъ ихъ посягательствъ и ввергнуть Россію въ состояніе анархіи, которую въ ней слѣдуетъ всячески поддерживать [2]). Французское министерство было увлечено общимъ потокомъ и присоединилось къ видамъ секретной дипломатіи короля.

Шуазель не предугадалъ геніальности Екатерины, не понялъ ея цѣлей и отнесся къ ней съ недовѣріемъ.

Измученный противорѣчивыми приказаніями, которыя онъ не зналъ какъ согласовать, де-Бретейль просилъ отозвать его изъ Петербурга и былъ назначенъ посланникомъ въ Стокгольмъ.

— Вы будете тамъ моимъ врагомъ, я въ этомъ увѣрена, говорила прощаясь съ Бретейлемъ Екатерина, отъ которой не ускользнуло враждебное отношеніе къ ней Франціи.

Посланникъ пытался увѣрить ее въ противномъ.

— Если ваше министерство таково, какъ вы его описываете, продолжала Екатерина, его откровенность—то же коварство [3]).

Однако она считала еще возможнымъ поддерживать дружескія отношенія къ Франціи и послала въ Версаль чрезвычайнаго посланника, князя Голицына, которому было поручено предложить Людовику XV войти съ нею въ соглашенія относительно польскаго престолонаслѣдія и избранія кандидата на польскій престолъ [4]). Впрочемъ, это было только

---

[1]) Секретная инструкція Людовика XV де-Бретейлю 10 сент. н. ст. 1762 г. Flassan, VI, 340.

[2]) Correspondance secrète. Брольи 9-го апрѣля н. ст. 1763 г.

[3]) Приведено у St. Priest'a. т. I. 88.

[4]) Король польскій скончался 5-го октября н. ст. 1763 г.

актомъ вѣжливости со стороны Екатерины, такъ какъ въ это время она уже рѣшила безповоротно предоставить престолъ Понятовскому. Дѣйствуя съ нею въ согласіи, Франція могла бы этимъ пріобрѣсти въ будущемъ право на ея признательность и, быть можетъ, на ея содѣйствіе. Предложенія Екатерины были отвергнуты Людовикомъ съ пренебреженіемъ [1]).

Одинъ ничтожный случай окончательно сдѣлалъ невозможнымъ всякое сближеніе и обмѣнъ взглядовъ между державами. Между Людовикомъ XV и Екатериною возникло несогласіе изъ-за титула: императрица желала, чтобы въ дипломатическихъ актахъ къ титулу «величество» присоединялось слово «императорское»; Франція не соглашалась на это. Отношенія между державами вскорѣ обострились, и посланники, съ той и съ другой стороны, были отозваны. Съ тѣхъ поръ, въ теченіе 9 лѣтъ Франція имѣла при русскомъ дворѣ лишь второстепеннаго дипломатическаго агента—простаго повѣреннаго въ дѣлахъ.

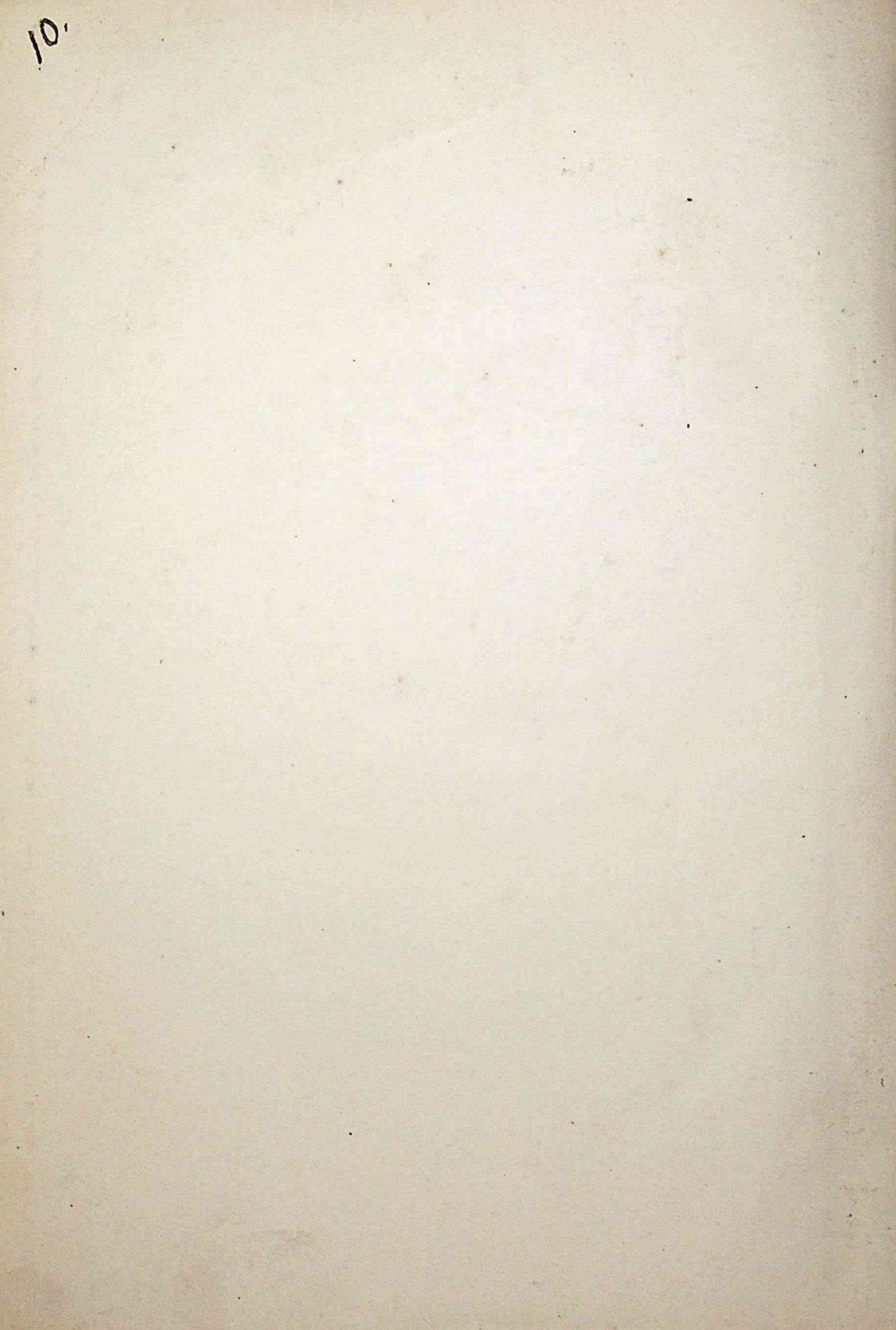
Въ то время, какъ французское правительство всячески уклонялось отъ сближенія съ Россіей, прусскій король предлагалъ Екатеринѣ заключить съ нимъ союзъ, но она колебалась, такъ какъ ея виды относительно Польши совершенно не согласовались съ намѣреніями Фридриха II. Онъ искалъ прежде всего территоріальныхъ пріобрѣтеній, ради увеличенія своихъ владѣній, тогда какъ Екатерина стремилась только къ усиленію своего вліянія, и по всей вѣроятности отвергла бы всѣ попытки къ сближенію со стороны Фридриха, если бы она имѣла возможность разсчитывать на содѣйствіе Франціи. Но видя всѣ свои попытки къ сближенію отвергнутыми и понимая, что ей невозможно обойтись безъ содѣйствія Пруссіи для того, чтобы утвердить свой авторитетъ въ Варшавѣ и пресѣчь всякія попытки къ независимости со стороны поляковъ, она заключила, въ 1764 г., съ Фридрихомъ II союзный договоръ, коимъ монархи обѣщали взаимную помощь другъ другу, обезпеченіе цѣлости ихъ владѣній и единодушныя дѣйствія въ Польшѣ.

Союзъ, заключенный такимъ образомъ съ Пруссіей, продолжался до нашего времени. Пожиная плоды своей нерѣшительной и недовѣрчивой политики, по отношенію къ Россіи, Франція осталась одинокою въ Европѣ и не участвовала въ разрѣшеніи Восточнаго вопроса, народившагося въ началѣ XVIII столѣтія, а Россія не встрѣтивъ поддержки со стороны державы, съ которой стремился заключить союзъ ея державный преобразователь, возлагая на этотъ союзъ большія надежды для блага своего государства, была вынуждена много лѣтъ слѣдовать совѣтамъ Германіи, которая всѣми силами сдерживала и тормозила ея успѣхи на Востокѣ.

В. В.

---

[1]) Saint Priest, т. I. 78—90.

10

